

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ИОКША Роман Николаевич

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ И
СОКРАЩЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ В 2000-2024 ГГ.**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 5.6.7. – История международных отношений
и внешней политики

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Каширина Татьяна Владиславовна

Москва, 2025

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Концептуальные основы внешней основы политики России в сфере контроля над вооружениями	18
§1. Концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2000-2013 гг.....	18
§2. Концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2014-2024 гг.....	44
Глава 2. Политика России по заключению и реализации Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2024 гг.	69
§1. Позиция России в переговорном процессе с США по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договору о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2010 гг.....	69
§ 2. Реализация российско-американского Договора о сокращения стратегических вооружений (СНВ-3) в 2012-2023 гг. и позиция России.....	92
Глава 3. Политика России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) и по проблеме противоракетной обороны (ПРО) в 2000-2024 гг.	113
§1. Позиция России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД)	113
§2. Позиция России по проблеме противоракетной обороны.....	132
Заключение.....	156
Список источников и литературы	174

Введение

Актуальность исследования политики России в сфере контроля над вооружениями обусловлена глубоким системным кризисом всей архитектуры международной безопасности, который достиг критической точки. На фоне турбулентности в двусторонних отношениях с США, эрозии ключевых договоров и нарастания новых военно-политических вызовов действия России приобретают судьбоносное значение для будущего стратегической стабильности в мире.

Ключевым фактором, определяющим текущую ситуацию, является приближающееся истечение 5 февраля 2026 года срока действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ, СНВ-III). Это последнее действующее соглашение, налагающее прямые количественные ограничения на российские и американские стратегические арсеналы. Его прекращение без замены новым создаст правовой вакуум, которого не было почти за 40 лет, и может спровоцировать неконтролируемую гонку стратегических вооружений. В этих условиях инициатива президента России В. Путина о добровольном соблюдении количественных ограничений ДСНВ в течение одного года после его истечения, выдвинутая в сентябре 2025 года, представляет собой последнюю возможность сохранить элементы политики разоружения¹. Однако это предложение носит строго условный характер и зависит от взаимности со стороны США, а также от их отказа от шагов, подрывающих существующее соотношение сил, таких как развертывание элементов ПРО в космосе в рамках проекта «Золотой купол».

Политика России в области контроля над вооружениями неразрывно связана с общим контекстом ее отношений с Западом. Российская позиция, неоднократно озвученная высокопоставленными дипломатами, заключается в

¹ Что означает российское предложение о добровольном соблюдении ДСНВ Россия готова соблюдать договор минимум до 5 февраля 2027 года, но при одном условии.
[URL:https://www.rbc.ru/politics/22/09/2025/68d1574b9a79476d26dfe1e6](https://www.rbc.ru/politics/22/09/2025/68d1574b9a79476d26dfe1e6) (дата обращения 15.10.2025)

том, что диалог по стратегической стабильности невозможен в отрыве от урегулирования фундаментальных противоречий, ключом к которым является украинский кризис. Как отметил заместитель министра иностранных дел России С. Рябков, шансы на профессиональный диалог с США по вопросам нераспространения в текущих условиях очень малы, а возобновление обмена данными в рамках ДСНВ не рассматривается². При этом агрессивная политика НАТО способна привести к прямому столкновению ядерных государств, что вынуждает Россию принимать компенсирующие военно-технические меры. Это указывает на сдвиг парадигмы: контроль над вооружениями перестал быть самодостаточной технической сферой и превратился в элемент более широкого военно-политического противоборства.

Еще одним измерением актуальности является растущая многополярность в ядерной сфере и выход на первый план китайского фактора. США, особенно при администрации Трампа, настаивают на включении Китая в будущие договоренности по контролю над вооружениями, ссылаясь на стремительный рост его ядерного арсенала. Пекин, однако, последовательно отвергает эту идею, заявляя, что присоединится к переговорам только после того, как Россия и США существенно сократят свои арсеналы. Эта трехсторонняя дилемма кардинально усложняет формирование новой договорной базы. Параллельно с этим происходит общее размывание режима нераспространения, о чем свидетельствуют атаки на ядерные объекты Ирана и захваты гражданских АЭС в зонах конфликтов, что ставит под вопрос эффективность существующих международных институтов, таких как МАГАТЭ.

Таким образом, актуальность исследования политики России в сфере контроля над вооружениями проистекает из ее центральной роли в разрешении или эскалации глобального кризиса безопасности. Анализ ее

² Россия не видит возможности начать результативный диалог с США по ядерному нераспространению. 22.10.2025.
URL: <https://www.interfax.ru/russia/1054072> (дата обращения 22.10.2025)

действий, мотивов и условий позволяет понять не только будущее двусторонних отношений с США, но и траекторию всей системы стратегической стабильности, которая находится на пороге фундаментальной трансформации. От того, удастся ли сохранить даже минимальные рамки договоренностей или мир вступит в эпоху тотальной ядерной неопределенности, напрямую зависит безопасность всего человечества.

Объект исследования - внешняя политика России. **Предмет** исследования – эволюция внешней политики России по контролю и сокращению вооружений в 2000-2024 гг.

Хронологические рамки исследования. Нижней точкой исследования является 2000 год, когда в результате выборов к власти пришел российский президент В.В. Путин и началось формирование внешней политики на основах интеграционизма и прагматизма; была принята впервые в постбиполярный период обнародованная Военная доктрина России. Верхней границей исследования является 2024 год, когда Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991 были утверждены «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», закрепившие принципы ядерного сдерживания и роль ядерного оружия в условиях усиливающейся конфронтации с Западом и продолжение Специальной военной операции.

Степень разработанности темы. В отечественной историографии присутствует дефицит комплексных обобщающих исследований политики России в сфере разоружения в 2000-2024 гг. в контексте новых вызовов и угроз безопасности. Хотя отдельные аспекты исследуемой темы нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых, комплексное изучение проблемы предпринимается впервые.

Различным аспектам международной и национальной безопасности, трансформации международных отношений посвящены труды О.Г.

Карповича³, Е.Н. Пашенцева⁴, Т.А. Закаурцевой, М.А. Неймарка, Д.С. Миргородского⁵, Т.В. Епифановой⁶, А.Ю. Рудницкого⁷, Т.В. Зверевой⁸, С.В. Воробьева⁹, В.В. Штоля¹⁰, К.П. Курылева¹¹, О.В. Матвеева¹².

Исследованию формирования концептуальных и нормативно-правовых основ внешней основы политики России в сфере контроля над вооружениями посвящены работы В.А. Орлова, Р.М. Тимербаева, А.В. Хлопкова¹³, М.А.

³ Карпович О.Г., Добровольский В.Н. Современный мир: проверка на прочность //Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 1 (43). С. 151-164; Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Новые цифровые военные технологии Запада на Украине против России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 3 (41). С. 6-21.

⁴ Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае //Современная Европа. 2024. № 6 (127). С. 156-167.

⁵ Закаурцева Т.А., Неймарк М.А., Миргородский Д.С. Еще один взгляд на французский ядерный арсенал: вчера-сегодня-завтра // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 55-66.

⁶ Епифанова Т.В. Понятие интеграции в Стратегии национальной безопасности Дж.Байдена. В сборнике: Межгосударственное сотрудничество и интеграционные процессы в Латинской Америке и на Северо-Американском континенте. материалы круглого стола. Москва, 2024. С. 18-24.

⁷ Рудницкий А.Ю. Историческая политика в контексте национальной и международной безопасности. / В сборнике: Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности. Материалы XIX всероссийской научной конференции с международным участием: сборник статей. Москва, 2025. С. 299-306.

⁸ Зверева Т.В., Закаурцева Т.А. Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 1 (27). С. 51-68.

⁹ Воробьев С.В. Влияние ядерного фактора на кризисное состояние современной системы международных отношений. / В сборнике: Международные отношения в условиях новых угроз безопасности. Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 125-129.

¹⁰ Егоров В.Г., Штоль В.В. Внешнеполитическая стратегия стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 73-90.

¹¹ Курылев К. П. Советская внешняя политика 1960-1980-х годов: эклектичность и противоречивость//Свободная мысль. 2024. № 2 (1704). С. 161-176.

¹² Матвеев О.В., Штоль М.В. Советский опыт обеспечения безопасности в Арктике // Обозреватель. 2023. № 1 (396). С. 101-114.

¹³ Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях : История, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия / В.А. Орлов, Р.М. Тимербаев, А.В. Хлопков. М.: ПИР-Центр полит. исслед., 2001. - 327 с.

Лебедева¹⁴. Т.В. Кашириной¹⁵, Е. Коренева¹⁶, К.М. Одибоева¹⁷. А.Г. Арбатова¹⁸.

В работе Т.В. Кашириной проанализированы российские документы стратегического планирования, как действующие, так и перспективные нормативно-правовые и внешнеполитические акты. На основе проекта «Основ государственной политики в области ядерного сдерживания», представленного Президентом России, аргументируется потребность в корректировке ядерной стратегии страны. Данная необходимость вызвана появлением новых источников военных угроз и рисков для Российской Федерации и ее союзников¹⁹. Работа А.Г. Арбатова посвящена эволюции процесса разоружения, начиная с периода советско-американской разрядки. Действия двух «партнеров» по переговорам в рамках приостановления участия России в ДСНВ-3 рассмотрены автором в контексте их соответствия российским концептуальным документам, в частности, Концепции внешней политики²⁰. Исследование К.М. Одибоева анализирует ключевые изменения в обновлённой ядерной доктрине России 2024 года. Автор указывает, что в документе расширен перечень военных угроз, для нейтрализации которых может быть применено ядерное оружие, включая действия неядерного государства при поддержке ядерной державы, а также массированный запуск

¹⁴ Лебедев М.А. Основные противоречия в российско-американских отношениях в период «Перезагрузки» // Власть. 2012. №7. С.144-146.

¹⁵ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

¹⁶ Корнев Е. «Осажденная крепость» с открытыми воротами. Новая Стратегия национальной безопасности РФ. 4 августа 2021. [URL:https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/-osazhdennaya-krepost-s-otkrytymi-vorotami-novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/-osazhdennaya-krepost-s-otkrytymi-vorotami-novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/) (дата обращения 25.04.2025)

¹⁷ Одибоев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» 2024 года. [URL:https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrence/](https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrence/) (дата обращения 15.04.2025)

¹⁸ Арбатов А.Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №7. С.5-24.

¹⁹ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

²⁰ Арбатов А.Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №7. С.5-24.

высокоточных обычных вооружений. Обновление доктрины было вызвано изменениями военно-стратегической обстановки и направлено на сдерживание политики недружественных стран²¹.

Политика России по заключению и реализации Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2024 гг. рассмотрена в трудах А.С. Дьякова., П.Л. Подвига²²., Л. Ивашова²³, Н. Серовой²⁴, А. Федякиной²⁵, Т.В. Кашириной²⁶, Т. Замахиной, Г. Мисливской²⁷, С.В. Понамарева²⁸.

В статье А. Федякиной освещается решение Конгресса США в 2011 г. временно приостановить финансирование выполнения Договора СНВ-3. Данный шаг объяснялся американской стороной несогласием с военными программами России, не подпадающими, по мнению Вашингтона, под ограничения договора. Автор указывает, что это создает серьезное препятствие для дальнейшего процесса ядерного разоружения²⁹. В статье Т. Замахиной, Г. Мисливской³⁰ рассматривают позицию России по продлению

²¹ Одибеев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» 2024 года.
URL:<https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrence/> (дата обращения 15.04.2025)

²² Дьяков А.С., Подвиг П. На повестке дня договор СНВ-3. URL:http://nvo.ng.ru/concepts/2000-05-26/4_snv3.html (дата обращения 20.11.2021)

²³ Леонид Ивашов: Нынешний договор СНВ-3 погубит Россию.
URL:<http://svpressa.ru/politic/article/23062> (дата обращения 09.09.2022)

²⁴ Серова Н. Америка напрашивается на «злого следователя».
URL:<http://www.utro.ru/articles/2010/12/16/944221.shtml> (дата обращения 15.09.2022)

²⁵ Федякина А. Конгресс США притормозил выполнение договора о СНВ-3 //Российская газета. 12.05.2011.

²⁶ Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013.

²⁷ ЗамахинаТ., Мисливская Г. Россия продлила действие Договора СНВ-3 до 2026 года.
URL:<https://rg.ru/2021/01/27/rossiia-prodlila-dejstvie-dogovora-snv-3-do-2026-goda.html> (дата обращения: 15.09.2023)

²⁸ Понамарев С.В. Политика США по «обнулению» договорной системы контроля над стратегическими вооружениями // АПЕ. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-ro-obnuleniyu-dogovornoj-sistemy-kontrolya-nad-strategicheskimi-vooruzheniyami> (дата обращения: 26.09.2025)

²⁹ Федякина А. Конгресс США притормозил выполнение договора о СНВ-3 //Российская газета. 12.05.2011.

³⁰ ЗамахинаТ., Мисливская Г. Россия продлила действие Договора СНВ-3 до 2026 года.
URL:<https://rg.ru/2021/01/27/rossiia-prodlila-dejstvie-dogovora-snv-3-do-2026-goda.html> (дата обращения: 15.09.2023)

Договора СНВ-3, что подчеркивает приверженность страны поддержанию стратегической стабильности. Продление договора позволяет сохранить последний действующий инструмент контроля над вооружениями между Россией и США. В статье С.В. Понамарева анализируется ситуация в стратегическом диалоге России и США после прекращения действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД). Автор выдвигает гипотезу, что целью политики США является последовательный демонтаж всей существующей системы двусторонних соглашений в сфере контроля над вооружениями, что подтверждается выходом из Договора по ПРО, прекращением действия ДРСМД и проблемами с продлением ДСНВ-III. На тактическом уровне, как отмечается в работе, США продвигают неофициальные экспертные дискуссии в форматах "треков 1.5 и 2.0" с привлечением Китая, стремясь к созданию механизмов мониторинга ядерных арсеналов России и КНР³¹.

По проблемам реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) и противоракетной обороны (ПРО) в 2000-2024 гг. научный интерес вызывают труды А.Ф. Добрынина³², Ю. Голотюк³³, О. Одиоколенко³⁴, Н.Н. Сокова³⁵, А. Щелокова А³⁶, Р.О.

³¹ Понамарев С.В. Политика США по «обнулению» договорной системы контроля над стратегическими вооружениями // АПЕ. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-po-obnuleniyu-dogovornoj-sistemy-kontrolya-nad-strategicheskimi-vooruzheniyami> (дата обращения: 26.09.2025)

³² Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.). М.: Автор, 1996.

³³ Голотюк Ю. Ломать – не строить //Время Новостей, 22 .05.2001.

³⁴ Одиоколенко О. Ждите ответа. Асимметричного //Сегодня, 23 мая 2000.;

³⁵ Соков Н.Н. Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки //Ядерный Контроль. 1997. №26. С.5.

³⁶ Щелоков А. Конец ДРСМД: Россия отменила мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности.

URL:<https://www.mn.ru/smart/konecz-drsmd-rossiya-otmenila-moratorij-na-razvertyvanie-raket-srednej-i-menshej-dalnosti> (дата обращения 01.09.2025)

Лобанова³⁷, А. Арбатова, В. Дворкина³⁸, И. Сысоев³⁹, В.И. Мизина, В.М. Сергеева⁴⁰.

А. Щелоков в статье анализирует официальный отказ России от одностороннего моратория на развертывание ракет средней и меньшей дальности (РСМД), введенного после прекращения действия Договора РСМД в 2019 году. Данное решение представлено как прямая ответная мера на практические действия США и их союзников по размещению аналогичных ракетных систем, таких как "Тифон" и "Dark Eagle", в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В статье отмечается, что этот шаг знаменует собой окончание последних ограничений в данной сфере и приближает мир к новой гонке вооружений, возвращая логику холодной войны⁴¹. В.И. Мизин и В.М. Сергеев в своей работе аргументируют, что современная концепция стратегической стабильности не должна сводиться лишь к недопущению ядерного конфликта между крупнейшими державами, а требует учета всей совокупности факторов, определяющих парадигмы безопасности, включая такие дестабилизирующие элементы, как программы ПРО. В качестве основной цели ставится задача выработки новых основ и параметров стратегической стабильности на глобальном уровне, при этом отмечается, что политика США и НАТО пока делает невозможным переход к безъядерному миру⁴². Статья Лобанова Р.О. посвящена анализу процесса формирования

³⁷ Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века). /Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. /Сб. научных трудов, вып. 9. М., 2011. С.51-52.

³⁸ Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, 511 с.

³⁹ Сысоев И. С какими сложностями столкнутся США при создании революционной системы ПРО "Золотой купол". 21.05.2025. URL:<https://rg.ru/2025/05/21/pod-nebom-golubym-est-kupol-zolotoj.html> (дата обращения 15.08.2025)

⁴⁰ Мизин В.И., Сергеев В.М. Современные концепции стратегической стабильности // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 150-166.

⁴¹ Щелоков А. Конец ДРСМД: Россия отменила мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности. URL:<https://www.mn.ru/smart/konecz-drsmd-rossiya-otmenila-moratorij-na-razvertyvanie-raket-srednej-i-menshej-dalnosti> (дата обращения 01.09.2025)

⁴² Мизин В.И., Сергеев В.М. Современные концепции стратегической стабильности // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 150-166.

национальной системы противоракетной обороны США на рубеже XX–XXI веков. Автор рассматривает политические и военно-стратегические аспекты этой программы, оценивая ее как прямой вызов стратегической стабильности и национальной безопасности России. В работе также исследуется влияние развертывания ПРО на международные отношения и ключевые договоры в сфере контроля над вооружениями⁴³.

Источниковая база исследования включает комплекс опубликованных и неопубликованных материалов и может быть сгруппирована в несколько блоков.

1. *Архивные документы.* Исторические документы из Архива внешней политики РФ (ф.84) свидетельствуют о двойственности процессов, сопровождавших подписание Договора о РСМД. С одной стороны, в ходе переговоров был выработан беспрецедентный механизм взаимного инспекционного контроля между сверхдержавами, который заложил основу для будущих соглашений по СНВ.

С другой стороны, в тот же период блок НАТО инициировал разработку «компенсационных мер», направленных на нивелирование последствий договора. В рамках этой стратегии планировалось разместить в Западной Германии новые ракеты «Лэнс» и усилить группировки обычных вооружений. Этим планам, однако, не суждено было сбыться из-за кардинального изменения геополитической картины мира, вызванного распадом СССР и Варшавского Договора⁴⁴.

2. *Концептуальные документы и документы стратегического планирования.* В исследовании использованы российские Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики, Послание Президента РФ Федеральному собранию, статьи российских

⁴³ Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века). /Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. /Сб. научных трудов, вып. 9. М., 2011. С.51-52.

⁴⁴ АВП РФ. Ф.84. Оп.3. П.6. Д.17.

президентов⁴⁵; американские Стратегия национальной безопасности, речи президента и др. Привлеченные источники позволяют проследить эволюцию концептуальных основ российской внешней политики в сфере разоружения.

3. *Документы двусторонних встреч и договоры по разоружению.* В работе были проанализированы советско\российско-американские договоры в сфере разоружения, совместные заявления глав России и США, которые позволяют исследовать количественные и качественные показатели сокращения вооружений, генезис проблемы противоракетной обороны⁴⁶.

Применение метода критического анализа к систематизированному изучению источников обеспечило объективность и достоверность проведенного научного исследования.

Цель работы- исследовать российскую политику в сфере контроля и сокращения вооружений в 2000-2024 гг. Заявленная цель предопределила следующие **задачи**:

⁴⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения 15.04.2025); Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 15.07.2025); Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. N 991. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (дата обращения 01.04.2025); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения 15.04.2025); Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 15.04.2025) и др.

⁴⁶ Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. / СИМО. Т.4. С.564-565; Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). 8 апреля 2010 г. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021); Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 1987 г. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1751591/ (дата обращения: 15.09.2024); Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки о стратегической стабильности 24 июня 2010 года. Вашингтон. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021) и др.

1. Исследовать концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2000-2013 гг.
2. Проанализировать концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2014-2024 гг. гг.
3. Рассмотреть позицию России в переговорном процессе с США по Договору о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), Договору о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3) в 2000-2010 гг.
4. Исследовать реализацию российско-американского Договора о сокращения стратегических вооружений (СНВ-3) в 2012-2023 гг. и позиция России.
5. Проанализировать позицию России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД)
6. Рассмотреть позицию России по противоракетной обороне.

Научная новизна диссертации определяется поставленными целью, задачами, содержанием и полученными в ходе исследования результатами. Проведено комплексное исследование эволюции российской внешней политики в сфере контроля и сокращения вооружений в 2000-2024 гг. с учетом специальной военной операции, усиливающейся конфронтации со странами Запада, создания, эксплуатации и расширением США системы противоракетной обороны и разрушающейся структуры договоров по разоружению; дана объективная оценка российской позиции по разоружению, причин денонсации, приостановления и выхода Москвы из договоров по сокращению вооружений; предложена авторская периодизации эволюции российской политики в указанной сфере с учетом нарастания противостояния с США как основным партнером в переговорах по разоружению, углубления российско-украинского кризиса, созданием обеими странами новых видов вооружений; дана авторская оценка нормативным документам в сфере

сокращения вооружений в контексте продолжающейся трансформации международных отношений и усиления силового фактора; определены деструктивные последствия разрушения договорно-правовой базы сотрудничества великих держав в сфере контроля над вооружениями в контексте национальных интересов России и международной безопасности; доказано влияние проблемы противоракетной обороны как основного дестабилизирующего фактора в процессе разоружения. Исследование проведено с использованием архивных документов.

Положения, выносимые на защиту.

1. С 2000 по 2024 год внешняя политика России в области контроля над вооружениями прошла два этапа, разделенных кризисом 2013-2014 годов. Этот перелом ознаменовал переход от ограниченного сотрудничества с США к открытой конфронтации. Ключевым отличием текущего этапа является смещение центра противостояния на постсоветское пространство. Москва расценивает растущую активность Вашингтона в регионе — от поддержки «цветных революций» и военного сближения с странами СНГ до событий в Грузии (2008) и на Украине (2014) — как прямую угрозу своим интересам. Апогеем этой конфронтации стала полномасштабная военно-финансовая поддержка США Украины после начала СВО.

2. Внешняя политика России в сфере контроля над вооружениями претерпела значительную трансформацию: от курса на стратегическое партнерство с Западом в начале 2000-х годов к политике сдерживания в условиях нарастающей конфронтации. Если изначально Россия рассматривала себя как часть «демократической солидарности» и стремилась к интеграции в западную систему безопасности, то впоследствии, столкнувшись с расширением НАТО и развертыванием элементов ПРО у своих границ, она перешла к более жесткой позиции. К 2024 году ядерное сдерживание официально рассматривается как мера противодействия военным коалициям, которые рассматривают Россию как противника.

3. Успешное заключение такого комплексного документа, как СНВ-3, не разрешило фундаментальных противоречий, связанных с односторонними действиями США в области ПРО и стратегическим дисбалансом. Это привело к тому, что в Москве договор был оценен, с одной стороны, как инструмент укрепления безопасности, а с другой стороны, как вынужденная мера в условиях, когда реальная политика стала основываться не на декларативных намерениях, а на расчете военных возможностей и готовности к новой гонке вооружений.

4. Кризис в реализации Договора СНВ-3 имеет фундаментальные, системные корни. Сложившаяся ситуация наглядно демонстрирует, что даже самые совершенные механизмы контроля над вооружениями оказываются неработоспособными в условиях эрозии политического доверия и нарастающего геополитического противостояния. Такие факторы, как кризис верификации, влияние внешних дестабилизирующих событий и общая деградация двусторонних отношений, привели к фактическому замораживанию действия последнего соглашения, которое сдерживало рост стратегических арсеналов двух ведущих ядерных держав мира.

5. С течением времени Москва все более жестко увязывает выполнение договоров по контролю над вооружениями с общим состоянием отношений с Западом. Эта тенденция проявилась еще в 2002 году, когда Россия вышла из Договора СНВ-II в ответ на выход США из Договора по ПРО. В 2023 году приостановка участия в СНВ-3 была прямо обусловлена требованием к США "отказаться от враждебного курса".

6. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) был краеугольным камнем системы договоров, завершивших холодную войну. Его крах поставил под сомнение будущее других ключевых соглашений, в первую очередь Договора СНВ-III (о стратегических наступательных вооружениях), который оставался последним действующим крупным договором между США и Россией. Возникла прямая угроза возобновления размещения в Европе ракет средней дальности, как американских, так и

российских. Это возвращает континент к ситуации 1980-х годов, когда у стран было всего несколько минут для принятия решения об ответном ударе, что резко повышает риск конфликта по ошибке или из-за ложного срабатывания систем. В Азиатско-Тихоокеанском регионе США получили возможность развёртывать такие ракеты для сдерживания Китая.

7. Проблема ПРО стала одним из основных факторов, затормозивших дальнейшие шаги по разоружению. Угроза со стороны американской ПРО являлась одной из главных причин, по которым Россия была вынуждена сохранять и модернизировать свой ядерный арсенал, а также выходить из договоров, которые более не обеспечивали ее безопасность в условиях развития новых технологий Вашингтоном. Позиция России по проблеме ПРО является частью более широкого подхода к национальной безопасности, основанного на сохранении стратегического паритета. Поскольку диалог с США и НАТО по этим вопросам заблокирован, Москва продолжит курс на развитие ударных систем для преодоления ПРО и укрепление собственных оборонительных систем в кооперации с политически близкими государствами.

Методы исследования. В качестве методологической базы исследования был избран комплексный (системный) подход. Он потребовал учета всего спектра факторов, определявших становление российской внешней политики в области разоружения, и анализа их в развитии, с опорой на принципы научной объективности, всестороннего изучения источников и сложившейся историографической традиции. Работа осуществлена в парадигме теории структурного реализма (неореализма), что позволило проанализировать деятельность российского государства в сфере контроля над вооружениями и выявить не только ее успехи, но и коренные причины эрозии и последующего разрушения соответствующей договорно-правовой базы.

В процессе исследования был применен ряд научных методов: сравнительно-исторический метод дал возможность проследить эволюцию внешнеполитического курса в разные периоды, выделив общие и

отличительные черты в ее формировании; ретроспективный метод помог установить предпосылки и причины как заключения, так и последующего свертывания ключевых разоруженческих договоров со стороны как России, так и США; конкретно-исторический метод обусловил рассмотрение динамики политики стратегического сдерживания в контексте реальных исторических условий и факторов, воздействовавших на этот процесс; хронологический метод лег в основу периодизации этапов развития политики России в сфере разоружения.

Научно-теоретическое и практическое значение. Данное исследование имеет научное значение, т.к. затрагивает ряд теоретических вопросов истории международных отношений и внешней политики России в сфере ядерного сдерживания, контроля и сокращения вооружений. Практическое значение диссертации состоит в том, что ее материал может быть использован в конкретной внешнеполитической деятельности России, при формировании стратегии в военной и ядерной сферах. Материал исследования, выводы и оценки имеют познавательную ценность и могут быть полезны в преподавании истории международных отношений, современных международных отношений, новейшей истории в ВУЗах.

Апробация исследования. Основные положения и выводы работы изложены в трех статьях в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Концептуальные основы внешней политики России в сфере контроля над вооружениями

§1. Концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2000-2013 гг.

В начале 1990-х внешняя политика России, определяемая президентом Ельциным и министром Козыревым, носила ярко выраженный американоцентричный характер. Страна стремилась к стратегическому партнерству с Западом, отказываясь от советской идеологии и видя в США главного союзника и источник помощи для внутренних реформ. Национальные интересы в этот период были размыты и сводились к «общечеловеческим ценностям».

К середине 1990-х годов наступило «политическое отрезвление». Главным ударом по прежней политике стало решение о расширении НАТО на восток, которое в Москве восприняли как нарушение обещаний, данных Западом. Стало очевидно, что односторонняя ориентация на Запад не приносит ожидаемых дивидендов и ограничивает дипломатические возможности России в других регионах.

С приходом в 1996 году на пост министра иностранных дел Евгения Примакова внешняя политика России кардинально меняется. Его доктрина основывалась на: приоритете национальных интересов и отказе от роли «младшего партнера» Запада; курсе на установление многополярного мира и проведение многовекторной политики (например, попытки создать «ось Москва – Пекин – Дели»); активной работе на постсоветском пространстве по принципу «интеграции на разных скоростях»; продолжении интеграции в мировую экономику.

Главной проблемой реализации новой доктрины стало несоответствие провозглашенных целей реальным ресурсам и международному весу России. Внутренняя экономическая слабость, зависимость от западных кредитов и отсутствие четкой стратегии мешали эффективно отстаивать свои позиции.

«Доктрина Примакова» прошла проверку на прочность во время кризисов вокруг расширения НАТО, Ирака и Югославии. В каждом случае Россия, несмотря на твердые заявления, была вынуждена отступать перед объединенным Западом (например, во время войны в Югославии). Это показало пределы ее влияния и завершило этап поиска новой внешнеполитической идентичности в 1990-е годы.

Начиная с лета 1999 года и вплоть до весны 2000-го внутриполитическая жизнь России была насыщена избирательными кампаниями. Победу на выборах в парламент и в ходе президентской гонки одержал блок политических организаций, лидером которого выступал В. В. Путин. В это же время в западных странах наблюдался значительный рост критических настроений в адрес России. Этому способствовали скандальные истории о коррупции в ближайшем окружении Б. Н. Ельцина, возросшее влияние так называемой «семьи», частая смена министров, а также возобновление военного конфликта в Чеченской Республике. Диалог между Москвой и западными столицами практически полностью зашел в тупик⁴⁷.

На стыке 1990-х и 2000-х годов взаимодействие между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки переживало кризисную фазу, балансируя на грани разрыва. Хотя открытое противостояние времен Холодной войны ушло в прошлое, заявленное в 1993 году стратегическое партнерство так и не было реализовано. Возглавив страну, Президент Путин сформулировал доктрину «интеграционизма», которая, в определенной степени, наследовала ключевые идеи более ранних внешнеполитических концепций России.

Ключевая статья Владимира Путина «Россия на рубеже тысячелетий», опубликованная накануне его вступления в должность президента 30 декабря 1999 года, содержала жесткую оценку положения страны. В ней

⁴⁷ Современные международные отношения и мировая политика: Учебник./А.В.Торкунов и др. МГИМО (Университет) МИД РФ /Отв. ред. А.В.Торкунов. М:Просвещение, 2004.С.734-735.

констатировалось, что Россия переживает один из тяжелейших периодов своей истории и столкнулась с реальным риском маргинализации на мировой арене.

При этом Путин отвергал тезис о полной утрате Россией статуса великой державы. Он настаивал на том, что страна является не «урезанным» вариантом СССР, а полноценным и суверенным государством, растущим в своей уверенности.

В тексте подверглась критике позиция либералов, ориентированных на Запад. Путин заявил, что России не суждено стать копией США или Великобритании. Вместо этого, наследуя подходы Евгения Примакова, он выступил за многополярный мир, отвергая униполярную модель и практику, при которой одни государства диктуют условия, а другие вынуждены их принимать.

Для преодоления отставания Путин считал необходимым углубленное взаимодействие с Западом, отказываясь от идеи опоры только на собственные силы. Стратегической целью был провозглашен курс на открытость экономики и ее интеграцию в глобальную систему. Эта внешнеполитическая линия, основанная на прагматизме и безусловном приоритете национальных интересов, стала основой для активизации российской дипломатии⁴⁸.

Сформулированные Путиным идеи стали основой для разработки Концепции внешней политики РФ, которая была официально утверждена в июле 2000 года. Этот документ представлял собой детализированную и структурированную систему внешнеполитических ориентиров.

Ключевые цели внешней политики России, сформулированные в Концепции-2000, были направлены на укрепление позиций страны в быстро меняющемся мире. Документ прямо указывал на необходимость обеспечения надежной безопасности страны, сохранения и укрепления ее суверенитета и территориальной целостности. Ставилась задача закрепить за Россией

⁴⁸ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. //Независимая газета. 30.12.1999.

авторитетные позиции в международных делах, соответствующие статусу великой державы и одного из влиятельных центров современного мира. Россия объявила о своем намерении воздействовать на общемировые процессы для формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на нормах международного права и принципах Устава ООН. Внешняя политика рассматривалась как инструмент для создания условий, способствующих развитию экономики, повышению уровня жизни населения и проведению демократических преобразований внутри страны.

В Концепции-2000 содержалась критика подходов НАТО к международной безопасности. В документе констатировалось: "Вместе с тем по целому ряду параметров нынешние политические и военные установки НАТО не совпадают с интересами безопасности Российской Федерации, а порой прямо противоречат им"⁴⁹. Особенно негативно Россия относилась к планам расширения альянса и возможности проведения силовых операций без санкции Совета Безопасности ООН⁵⁰.

Таким образом в КВР-2000 были декларированы:

1. Отказ от роли «младшего партнера» и курс на многовекторность. Концепция 2000 года знаменовала собой окончательный отход от проатлантического курса 1990-х годов. Вместо стратегии уступок и следования в фарватере Запада Россия провозгласила себя независимым и влиятельным центром мировой политики (полюсом). Курс на многовекторность предполагал равноправное развитие отношений не

⁴⁹ Концепция внешней политики РФ. Москва. 28 июня 2000 года. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. /Под ред. Богатурова А.Д. Т.4. Документы. 1945-2003. /Сост. Е.Г.Капустян и др. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2004. С.536-550.

⁵⁰ Концепция внешней политики РФ. Москва. 28 июня 2000 года. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. /Под ред. Богатурова А.Д. Т.4. Документы. 1945-2003. /Сост. Е.Г.Капустян и др. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2004. С.536-550.

только с США и Европой, но и с Китаем, Индией, странами СНГ, Ближнего Востока и Латинской Америки.

2. Примат национальных интересов и прагматизм. Документ был пронизан духом государственного прагматизма. Главным приоритетом объявлялись внутренние задачи: обеспечение суверенитета, территориальной целостности, экономического роста и стабильности. Внешняя политика должна была служить этим целям, а не абстрактным идеологическим или либеральным принципам. Это был ответ на ощущение, что в 1990-е годы внешнеполитические шаги часто не соответствовали национальным интересам России.

3. Многополярность как основы миропорядка. Концепция открыто провозгласила многополярность в качестве идеальной модели мирового устройства, противопоставляя ее доминированию одной сверхдержавы (США). Россия позиционировала себя как один из таких «полюсов», стремящийся к созданию более справедливой и стабильной международной системы, основанной на коллективных решениях и верховенстве международного права (при ключевой роли ООН).

4. Повышенное внимание к постсоветскому пространству (СНГ). Страны Содружества Независимых Государств (СНГ) были обозначены как зона привилегированных интересов России. Это был прямой ответ на расширение НАТО и растущее влияние других игроков в регионе. Концепция акцентировала необходимость укрепления СНГ, развития экономической интеграции и обеспечения пограничной безопасности, рассматривая пространство бывшего СССР как сферу своей первостепенной ответственности и влияния.

5. Сочетание готовности к диалогу с твердой защитой позиций. В документе подчеркивалась готовность России к конструктивному диалогу и партнерству со всеми странами, включая Запад, но с важной оговоркой — на равной основе и при уважении ее интересов. Одновременно заявлялось о праве на асимметричный ответ в случае возникновения угроз национальной

безопасности. Этот подход предвосхитил будущую внешнюю политику, в которой сотрудничество по одним вопросам (например, борьба с терроризмом) могло сочетаться с жестким противодействием по другим (вопросы НАТО, ПРО, санкции).

Можно утверждать, что эта концепция, принятая в первый год президентства Владимира Путина, стала идеологическим манифестом восстановления России как великой державы. Она заложила фундамент внешнеполитического курса на последующие два десятилетия, определив его основные принципы: прагматизм, суверенность, многовекторность и твердое отстаивание национальных интересов.

В 2000 году российское руководство утвердило новую Военную доктрину, разработка которой не осуществлялась в эпоху президентства Бориса Ельцина. Анализ Военной доктрины Российской Федерации 2000 года показывает, что это был основополагающий документ, закрепивший переход от романтических ожиданий 1990-х к более реалистичной оценке угроз в условиях расширения НАТО и смены международной обстановки. Причины разработки доктрины были следующие:

- Документ переходного периода: Доктрина была принята в период становления демократической государственности, многоукладной экономики и преобразования военной организации государства. Она пришла на смену "Основным положениям" 1993 года, которые разрабатывались в обстановке "эйфории и романтизма" и не учитывали таких факторов, как последующее расширение НАТО на восток.
- Реакция на изменение обстановки: Разработка и принятие доктрины 2000 года были напрямую связаны с первым раундом расширения НАТО и бомбардировками Югославии в 1999 году, которые заставили российское руководство критически пересмотреть взгляды на безопасность.

Ключевые положения и нововведения были следующие. Впервые предметом доктрины была определена ****военная безопасность**** РФ. Документ жестко сконцентрировал военно-политический, военно-

стратегический и военно-экономический компоненты на комплексных задачах строительства и применения военной организации государства как целостной системы. Доктрина дала современные определения базовым понятиям, таким как военная безопасность, военная опасность, военный конфликт, локальная и региональная война, которые легли в основу последующих официальных документов. В качестве основной внешней угрозы было оценено наращивание группировок войск других государств вблизи границ России. Хотя аббревиатура "НАТО" в тексте прямо не применялась, расширение альянса напрямую упоминалось как фактор, ведущий к увеличению числа военных баз и активизации сил вблизи российских границ. В числе других угроз назывались территориальные претензии к России, вмешательство в ее внутренние дела, а также международный терроризм.

К основным внутренним угрозам были отнесены попытки насильственного свержения конституционного строя, деятельность экстремистских и сепаратистских движений, направленная на нарушение территориальной целостности страны, а также создание незаконных вооруженных формирований.

Доктрина 2000 года, как и последующие редакции, не предусматривала планирование превентивного применения ядерного оружия. Она закрепляла принцип ядерного сдерживания, при котором ядерное оружие рассматривалось как фактор предотвращения как ядерных, так и крупномасштабных обычных войн.

По сравнению с 1993 годом Доктрина 2000 года стала более системным и жестким документом, отошедшим от абстрактных установок переходного периода и прямо обозначившим конкретные военные опасности для страны.

Многие концептуальные положения и формулировки доктрины 2000 года были сохранены и развиты в доктринах 2010 и 2014 годов. Это касается системного подхода к военной организации, определений основных понятий и оборонительного характера документа, предполагающего применение военной силы лишь после исчерпания иных мер.

Таким образом, Военная доктрина 2000 года заложила современную концептуальную основу военного строительства и политики России в XXI веке. Она отразила переход от партнерских иллюзий 1990-х к прагматичной защите национальных интересов в условиях нарастающей глобальной конкуренции и стала ответом на первые признаки смещения военных угроз в сторону региональных конфликтов и информационного противоборства⁵¹.

Следовательно, между Россией и США продолжала действовать военно-стратегическая концепция взаимного ядерного сдерживания, требовавшая поддержания соответствующих вооружений и обороноспособности. Вместе с тем, в доктрине подчеркивалось, что противодействие новым вызовам и нераспространение ядерного оружия являются областями для потенциального сотрудничества двух держав.

На начальном этапе президентства Владимира Путина в отношениях с Соединенными Штатами наступила фаза выжидания. Российская сторона стремилась избежать углубления конфронтации. Основным спорным вопросом стало намерение Вашингтона развернуть национальную систему ПРО, что вызвало резкое противодействие Москвы. Россией был заявлен асимметричный ответ: в случае выхода США из Договора по ПРО, она была готова денонсировать всю систему договоров по контролю над вооружениями и перейти к самостоятельной политике в сфере ядерного сдерживания. В качестве альтернативы президент Путин предлагал путь углубленных сокращений стратегических наступательных вооружений в формате будущего Договора СНВ-3, формирование глобальной системы контроля за ракетным нераспространением, а также создание совместной с Западом системы ПРО для противодействия угрозе со стороны так называемых «стран-изгоев».

⁵¹ Российская газета, 25.04.2000 г.;

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М., 2001. С.145-150.

Параллельно, в русле многовекторной внешней политики, Москва активизировала диалог с Китаем, Индией, Ираном и КНДР.

В июле 2001 года в Любляне состоялся российско-американский саммит, посвященный Договору по ПРО 1972 года. Его целью было сближение позиций сторон. По итогам переговоров с Джорджем Бушем Владимир Путин отметил, что две страны будут решать проблему, исходя из партнерских отношений, и выразил уверенность в выработке общего подхода, основанного на объединяющих факторах⁵².

Переломным моментом в мировой политике стали террористические атаки 11 сентября 2001 года на Всемирный торговый центр и Пентагон.

Владимир Путин оперативно и решительно отреагировал на террористические атаки 11 сентября 2001 года, выразив соболезнования, поддержку и солидарность Соединенным Штатам.

Путин предпринял ряд дипломатических шагов в первые часы и дни после трагедии. В день терактов он был немедленно проинформирован о произошедшем и выразил глубокое соболезнование народу США. Президент России выступил с телеобращением, в котором охарактеризовал произошедшее как "беспрецедентный акт агрессии" и "наглый вызов всему человечеству". Он заявил: "Мы с вами, мы целиком и полностью разделяем и чувствуем вашу боль. Мы поддерживаем вас". Согласно нескольким источникам, Владимир Путин стал ****первым иностранным лидером****, который позвонил президенту США Джорджу Бушу-младшему, чтобы выразить соболезнования и поддержку. Была направлена телеграмма на имя Буша, в которой Путин писал: "Дорогой Джордж, ... варварские террористические акты против совершенно невинных людей вызвали у нас гнев и негодование".

⁵² Совместная пресс-конференция президента Российской Федерации В.В. Путина и президента США Дж. Буша. 16.06.2001.
URL:http://president.kremlin.ru/appears/2001/06/16/0000_type63380_28562.shtml (дата обращения 10.10.2021)

Реакция России не ограничилась словами соболезнования и включала конкретные предложения о сотрудничестве. В своем обращении Путин подчеркнул актуальность предложения России "объединить усилия международного сообщества в борьбе с террором, этой чумой XXI века". Россия предложила США любую посильную помощь в связи с терактами. По предложению министра обороны Сергея Иванова были отменены запланированные на 12 сентября учения стратегических ядерных сил, чтобы "не нервировать американцев в такой момент".

Согласно более поздним свидетельствам, реакция Путина была частью более широкого контекста взаимоотношений. Бывший аналитик ЦРУ Джордж Биби и экс-госсекретарь США Кондолиза Райс впоследствии указывали, что Владимир Путин предупреждал Джорджа Буша об опасности со стороны "Аль-Каиды" и "Талибана" еще за несколько месяцев и непосредственно за два дня до терактов.

В ноябре 2001 года, во время своего визита в Нью-Йорк, Владимир Путин посетил место трагедии на Манхэттене, где возложил венок к мемориалу и оставил надпись: "***Склоняю голову перед жертвами террора. Восхищен мужеством жителей Нью-Йорка**" ⁵³.

На рубеже тысячелетий произошла существенная трансформация в подходе Вашингтона к взаимодействию с Москвой. Администрация Джорджа Буша-младшего, осознав глобальную угрозу международного терроризма и потенциальные выгоды от кооперации, проявила растущую заинтересованность в укреплении союзнических отношений с Россией.

В свою очередь, российское руководство в лице президента Владимира Путина в своем Послании Федеральному Собранию (2002 г.) обозначило ключевые векторы внешней политики: прагматизм, основанный на национальных интересах и реальных ресурсах, и курс на развитие конструктивного диалога со всеми странами. Среди ключевых географических

⁵³ Совместное заявление президента РФ В.В.Путина и президента США Дж.Буша о новых отношениях между Россией и США. 13 ноября 2001 года. /СИМО Т.4. С.562-563.

направлений были выделены государства СНГ, Европейский союз (в экономическом контексте) и Соединенные Штаты, причем сотрудничество с последними рассматривалось через призму стратегической стабильности и совместной работы в антитеррористической коалиции⁵⁴. Это свидетельствовало о возрастании американоцентричной составляющей в официальной внешнеполитической концепции России. На совещании с послами в июле 2002 года Путин акцентировал, что в основе новых отношений лежит переосмысление национальных интересов и общее видение характера современных угроз, а стратегическое партнерство двух держав является безусловным приоритетом, оказывающим позитивное влияние на всю мировую систему⁵⁵.

Период начала 2000-х годов в российско-американских отношениях был отмечен сложным переплетением вынужденного сотрудничества и нарастающих противоречий. В мае 2002 года стороны заключили Договор о СНП, однако Москва пошла на этот шаг, сознавая его недостатки, включая возможность для Вашингтона консервировать, а не уничтожать снимаемые с вооружения боевые блоки⁵⁶.

Существенным ударом по стратегической стабильности стал односторонний выход США из Договора по ПРО. Данное решение подорвало принцип ядерного паритета, вынудив Россию отступить от фундаментальных основ взаимного сдерживания. В том же году очередное расширение НАТО на восток, включившее страны Балтии, было воспринято российским руководством как контрпродуктивный, хотя и не спровоцировавший острый кризис, шаг.

⁵⁴ Послание президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. Москва. 2002 г.//Дипломатический вестник. 2002. № 6. С.3.

⁵⁵ Современные международные отношения и мировая политика: Учебник./ Отв. ред.А.В.Торкунов. М., 2004. С.740.

⁵⁶ Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. /СИМО. Т.4. С.564-565.

Значительное обострение диалога последовало за вторжением международной коалиции в Ирак в 2003 году. Публично заняв жесткую антивоенную позицию, солидаризируясь в этом с Берлином и Парижем, Москва впоследствии проявила прагматизм. Поддержав резолюцию СБ ООН, легитимизировавшую присутствие войск в Ираке, Россия открыла путь к частичной нормализации отношений, пусть и на условиях, в основном отвечавших интересам американской стороны.

Несмотря на тактическое взаимодействие, глубинные разногласия сохранялись. В своем Послании 2003 года Владимир Путин указывал на такие угрозы, как вытеснение России с мировых рынков, распространение ОМУ, терроризм, а также использование военных сил для расширения зон стратегического влияния.

На этом фоне достижениями считались вхождение в «Группу восьми» и работа в антитеррористической коалиции. Внешнеполитическая стратегия была выстроена по принципу приоритетов: партнерство с США, отношения со странами СНГ и Европой — при безусловном верховенстве международного права и центральной роли Совета Безопасности ООН.

Однако на фоне американских гегемонистских амбиций, планов развертывания европейской ПРО и застоя в диалоге по разоружению, Россия перешла к открытой критике. В феврале 2007 года на Мюнхенской конференции по безопасности Путин заявил о неприятии Москвой модели однополярного мира, осудив чрезмерное применение силы США и их пренебрежение нормами права. Он связал риски глобальной дестабилизации с кризисом контроля над вооружениями, призвав к скорейшему возобновлению переговоров и подтвердив приверженность России договору СНП в ожидании аналогично ответственных действий от Вашингтона⁵⁷.

⁵⁷ Речь президента В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 21.10.2023)

Сменивший в 2008 году на посту президента Дмитрий Медведев в своей внешнеполитической линии в целом придерживался стратегических ориентиров, сформулированных ранее Путиным, адаптируя их к изменяющимся военно-стратегическим реалиям, ключевой из которых оставалась проблема евроПРО. Им была предложена новая концепция партнерства между Россией и США – идея формирования «единого евроатлантического пространства безопасности, простирающегося от Ванкувера до Владивостока».

В последний год президентского срока администрация Джорджа Буша-младшего, столкнувшись с растущей внутренней критикой своего внешнеполитического курса, пошла на некоторые позитивные шаги. Итогом встречи на высшем уровне в Сочи 6 апреля 2008 года стало подписание Декларации о стратегических рамках двусторонних отношений. Этот документ не только зафиксировал комплексный характер взаимодействия по таким направлениям, как безопасность, нераспространение оружия массового уничтожения и противодействие ядерному терроризму, но и констатировал сохраняющиеся фундаментальные разногласия, в частности, по вопросам ПРО и дальнейшего расширения НАТО⁵⁸.

Последовавшая в августе 2008 года поддержка Вашингтоном нападения Грузии на российских миротворцев и гражданское население Южной Осетии привела к резкому обострению и без того непростых отношений между Россией и Соединенными Штатами.

В 2008 году была принята Концепция внешней политики России 2008 года, которая содержала важные положения о контроле над вооружениями, но ее суть была не столько в «сокращении», сколько в «достижении стабильности и безопасности на новой, справедливой основе».

⁵⁸ Российско-американские отношения (справочная информация). URL:<http://www.mid.ru> (дата обращения 01.03.2023)

К моменту принятия новой концепции международная обстановка серьезно изменилась по сравнению с началом 2000-х. Во-первых, продолжалось продвижение НАТО на восток, что угрожало российским национальным интересам. Во-вторых, США активно работали над развертыванием системы противоракетной обороны в Восточной Европе (Польша, Чехия), что, по мнению России, подрывало стратегический паритет. В-третьих, Договор СНВ-1 истекал в 2009 году, а Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) больше не отражал новую реальность после расширения НАТО. В-четвертых, грузино-осетинский конфликт 2008 г. окончательно убедил Москву в необходимости жестко отстаивать свои интересы и зоны влияния.

В Концепции-2008 было зафиксировано, что Россия последовательно выступала за снижение роли силового фактора в международных отношениях, но при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Этот баланс указывает на то, что ядерный потенциал рассматривался как инструмент обеспечения стабильности, а не силовой дипломатии. В документе подчеркивалась неизменная приверженность России соблюдению международных обязательств в сфере нераспространения ОМУ, контроля над вооружениями и разоружения. Концепция предусматривала участие в выработке новых договоренностей, отвечающих национальным интересам, на основе равноправия и неделимости безопасности. В Концепции-2008 был сделан важный новый акцент. В ней констатировалось, что решение проблем стратегической стабильности не может оставаться лишь сферой отношений между Россией и США, и объявлялось о намерении открыть эти рамки для других ведущих государств. Это отражало растущее понимание формирующегося многополярного мира. Россия заявляла о готовности противодействовать созданию и развертыванию дестабилизирующих видов вооружений. В документе прямо назывались такие угрозы, как: системы стратегической противоракетной обороны (ПРО), вывод

оружия в космос, ядерные заряды малой мощности, МБР с неядерными боеголовками⁵⁹.

Подход, закрепленный в Концепции-2008, нельзя рассматривать в отрыве от конкретных исторических обстоятельств и более широкого контекста безопасности. Режим ядерного нераспространения, включая ДНЯО, является частью общей архитектуры международной безопасности. Подход России, изложенный в 2008 году, был частью этой архитектуры и основывался на сотрудничестве с Западом. В конце 2000-х годов проблема развертывания американской системы ПРО в Европе стала центральной в российско-американских отношениях. Российская позиция, отраженная в Концепции, рассматривала такие системы как дестабилизирующие, поскольку они потенциально могли подрвать эффективность российского ядерного сдерживания. Это показывает, что ядерное сдерживание было для России абсолютным приоритетом, ради защиты которого она готова была идти на конфронтацию.

Концепция 2008 года развивала положения предыдущей Концепции 2000 года. Если ранее акцент делался на российско-американское взаимодействие как основу стабильности, то в 2008 году был провозглашен курс на стратегическую открытость и привлечение к решению вопросов стабильности других держав. Это можно расценивать как попытку адаптировать политику сдерживания к условиям формирующейся многополярности.

Россия была готова к дальнейшим сокращениям ядерных вооружений, но только при соблюдении двух ключевых условий:

- учет всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность. Главным таким фактором объявлялась американская ПРО. Москва настаивала на том,

⁵⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 г.

URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения 05.05.2023)

что любые договоренности по сокращению наступательных вооружений должны быть юридически связаны с ограничениями по ПРО.

- привлечение к процессу других ядерных держав. Россия указывала, что дальнейшее двустороннее сокращение с США теряет смысл, так как ядерные арсеналы растут у других стран (Китай, Великобритания, Франция). Звучали призывы к многосторонним переговорам.

Россия выступала за скорейшее заключение нового договора на смену СНВ-1, но с учетом новых реалий. Позиция Москвы была жесткой: «Нет ограничениям ПРО — нет новому договору по СНВ».

Проблема ДОВСЕ была одной из самых болезненных тем. Россия приостановила свое участие в ДОВСЕ в 2007 году. В Концепции-2008 это было закреплено как вынужденная мера. Требования России были четкими: ратификация Соглашения об адаптации ДОВСЕ странами НАТО (которое они отказывались делать, пока Россия не выведет войска из Молдовы и Грузии); приведение договора в соответствие с новыми политическими реалиями** (учет расширения НАТО и распада ОВД).

Фактически, Россия требовала не просто сокращения вооружений, а «новой, более справедливой системы европейской безопасности»⁶⁰.

В июне 2008 года Дмитрий Медведев выступил с предложением о заключении «нового Договора о европейской безопасности». Идея заключалась в создании инклюзивной системы, где решения принимались бы не в Брюсселе (НАТО), а всеми странами континента на равных. В рамках этой архитектуры вопросы контроля над вооружениями были бы интегрированы в более широкий контекст политической и военной безопасности⁶¹.

Таким образом, Концепция 2008 года задала тон внешней политике России на последующие годы. Договор СНВ-3 2010 года стал прямым

⁶⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 г.
URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения 05.05.2023)

⁶¹ Дмитрий Медведев предложил создать общеевропейский саммит для запуска разработки нового договора о европейской безопасности.
URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/news/322> (дата обращения 05.05.2023)

следствием этой политики. Несмотря на "перезагрузку" с США, Россия не отступила от своей принципиальной позиции по ПРО, что в итоге привело к новому витку напряженности в 2010-х годах. Политика 2008 года четко показала, что эпоха сотрудничества с Западом в сфере контроля над вооружениями, основанная на идеалах конца холодной войны, закончилась. Россия перешла к прагматичной и жесткой защите своих стратегических интересов. Концепция внешней политики России 2008 года в области сокращения вооружений «не была пацифистской». Это была «концепция принуждения к равноправному диалогу». Российским руководством была поставлены цель не просто уменьшить количество оружия, а создать новую, более стабильную и, с точки зрения Кремля, более справедливую архитектуру международной безопасности, где интересы России будут учитываться наравне с интересами США и НАТО. Россия была готова использовать инструменты контроля над вооружениями (готовность к переговорам по СНВ, отказ от ДОВСЕ) как рычага для решения более широких политических вопросов (ПРО, расширение НАТО). Таким образом, речь шла о «стратегическом торге», где сокращение вооружений было не самоцелью, а частью сложной дипломатической игры⁶².

В Послании президента Медведева Федеральному собранию 5 ноября 2008 г. по сути была подчеркнута важность военного фактора в обеспечении безопасности России и в международных отношениях в целом в связи с конструированием системы ПРО, окружением России военными базами, безудержным расширением НАТО.

В гонку вооружений Россия не собиралась втягиваться, но определенные меры предпринять собиралась. В целях эффективного противодействия навязываемым администрацией США новых элементов глобальной системы ПРО, включая в Европе, российский президент решил воздержаться от ранее планировавшегося снятия с боевого дежурства и

⁶² Лебедев М.А. Основные противоречия в российско-американских отношениях в период «Перезагрузки» // Власть. 2012. №7. С.144-146.

расформирования трех ракетных полков ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске. Кроме того, для нейтрализации при необходимости системы ПРО в Калининградской области был развернут ракетный комплекс «Искандер». Российское руководство предусматривало использование в этих целях и ресурса Военно-Морского Флота. С территории западного региона, то есть Калининградской области, планировалось осуществлять радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО США.

Президент собирался предпринять шаги по развитию международного режима контроля над вооружениями, в основе которого должен быть прогресс в российско-американского взаимодействия.

Российская сторона во главе с Д. Медведевым выдвинула предложение о разработке нового пакта по европейской безопасности с участием РФ, ЕС и США, нацеленного на согласование позиций и создание действенных механизмов контроля над вооружениями.

В рамках пяти стратегических приоритетов экономической модернизации, сформулированных в статье «Россия, вперед!», особо подчеркивалась необходимость не только сохранения, но и вывода на новый уровень отечественных ядерных технологий⁶³.

Администрация Б. Обамы, пришедшая к власти в США, заявила о стремлении нормализовать двусторонние отношения через политику «перезагрузки». Готовность американской стороны к широкому взаимодействию в решении острых проблем способствовала преодолению кризиса в области контроля и сокращения вооружений.

Возрождение российско-американского диалога происходило по наиболее перспективным направлениям, таким как разоружение и борьба с терроризмом. Продвигая переговоры по сокращению арсеналов, Вашингтон одновременно расширял взаимодействие с Москвой по сложному афганскому

⁶³ Медведев Д.А. Россия, вперед! 10.09.2009. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2024)

досье. Значительное оживление наблюдалось и в дискуссиях по проблеме ПРО, занявшей центральное место в отношениях двух стран с 2008 года.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ №537 от 12 мая 2009 года, была ключевым документом, определявшим подход России к вопросам безопасности на то время, включая сферу контроля над вооружениями и разоружения.

Стратегия-2009 подчеркивала готовность России к конструктивному диалогу с США и НАТО по вопросам контроля над вооружениями, но на основе «паритета» и равной безопасности. Россия декларировала приверженность существующим договорам и готова была работать над новыми соглашениями. Главными столпами системы безопасности считались: Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО); Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ); создание безъядерных зон. В Стратегии четко указывалось, что ядерное оружие оставалось главным гарантом национальной безопасности России. Любые дальнейшие шаги по разоружению должны были укреплять, а не подрывать стратегическую стабильность.

В Стратегии-2009 были обозначены следующие приоритеты. Во-первых, выполнение и развитие договора СНВ-1. Одной из ключевых задач было «заключение нового юридически обязывающего договора о сокращении стратегических наступательных вооружений» на смену СНВ-1. Это прямое указание в Стратегии стало дорожной картой для переговоров, которые завершились подписанием Договора СНВ-III в апреле 2010 года. Во-вторых, проблема ПРО. Стратегия 2009 года открыто называла «развертывание Соединенными Штатами глобальной системы противоракетной обороны (ПРО)» одной из главных ущерб стратегической стабильности. Россия настаивала на том, что дальнейшее прогрессивное сокращение ядерных арсеналов невозможно без учета факторов ПРО и высокоточного обычного оружия. Требовалась юридически обязывающая договоренность о

неразмещении ПРО вблизи границ других государств. В-третьих, неразмещение оружия в космосе (ПРОК). Россия активно продвигала идею заключения международного договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, но этот вопрос натолкнулся на сопротивление со стороны США. В-четвертых, Стратегия критиковала «нарушение странами НАТО согласованных параметров группировки обычных вооружений» в Европе в рамках Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Россия в 2007 году приостановила свое участие в ДОВСЕ, и в Стратегии 2009 года это решение было закреплено. Условием для возвращения к договору называлось приведение его в соответствие с новыми реалиями (расширение НАТО). В-пятых, нераспространение ОМУ. Борьба с распространением ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки определялась как одна из важнейших задач⁶⁴.

Таким образом, Стратегия национальной безопасности России 2009 года была сформулирована в период временного улучшения отношений с Западом. Сочетала готовность к диалогу и новым сокращениям (что привело к СНП) с жесткими условиями: «паритет, учет факторов ПРО и увязка с обычными вооружениями». Стратегия рассматривала ядерное оружие как главный инструмент сдерживания, но открывала путь для дальнейших переговоров и закрепляла новую, более жесткую позицию России по таким вопросам, как ДОВСЕ, и предупреждала о рисках, связанных с развертыванием американской ПРО. Это был документ переходного периода, который отражал как надежды на сотрудничество, так и глубокие системные противоречия между Россией и Западом, которые впоследствии только усилились.

В апреле 2009 года на саммите «двадцатки» президенты Медведев и Обама договорились продолжить переговоры о сокращении СНВ. Затем в июле, во время визита Обамы в Москву, стороны подписали ряд важных

⁶⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года
 URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277/page/1> (дата обращения 15.05.2023)

документов, включая соглашение о транзите в Афганистан и совместное понимание по СНВ. Также была создана Российско-Американская Президентская комиссия для развития сотрудничества. После отказа США от планов по ПРО в Восточной Европе, в сентябре того же года лидеры двух стран обсудили дальнейшее взаимодействие, включая вопросы противоракетной обороны. Эти встречи заложили основу для диалога по ключевым стратегическим вопросам.

В Послании Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. идеи и задачи внешней политики, провозглашенные президентом Медведевым в 2008 году, получили дальнейшее развитие.⁶⁵ Главной задачей прагматичной внешней политики являлось укрепление статуса России как мировой державы и экономическое развитие страны.

В Послании Федеральному собранию 30 ноября 2010 г. президент Медведев большое внимание уделил проблеме реформирования Вооруженных сил России в целях эффективного обеспечения национальной безопасности и обороны. Был взят курс на глубокую модернизацию Вооруженных Сил, на проведение в них системных, значимых преобразований: обновление боевого состава; системы боеготовности, управления и материально-технического обеспечения войск; проведение регулярных боевых учений. В рамках Госпрограммы вооружения до 2020 года войска начали оснащаться современной техникой.

В связи с развитием планов США по ПРО в области укрепления боеспособности национальной обороны России ставились задачи: укрепления воздушно-космической обороны страны, объединения существующих систем ПВО и ПРО, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства под единым управлением стратегического командования; развития современных армии и флота; укомплектования новейшим оружием и высококласными специалистами; развития международного сотрудничества

⁶⁵ Послание президента РФ Д.А.Медведева Федеральному собранию. 12.11. 2009.
URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2023)

в сфере безопасности. Россия была готова совместно с заинтересованными государствами работать над укреплением механизмов противодействия ракетному распространению.

На саммите Россия–НАТО (2010 г.) в Лиссабоне Д.Медведев поделился своими соображениями о формировании возможной архитектуры европейской ПРО, которая сопрягает потенциалы России и Североатлантического альянса, где ведущую роль играют США, и обеспечивает защиту всех стран Европы от ракетных ударов. Президент подчеркнул, что в ближайшее десятилетие Россию и США ждет следующая альтернатива: или мы достигнем согласия по противоракетной обороне и создадим полноценный совместный механизм сотрудничества, или же (если не удастся выйти на конструктивную договорённость) начнется новый виток гонки вооружений. И России придется принимать решение о размещении новых ударных средств.⁶⁶

Современная российская ядерная стратегия была представлена в новой «Военной доктрине Российской Федерации», опубликованной в феврале 2010 г.,⁶⁷ в основе которой лежит доктрина ядерного сдерживания. Порядок применения ядерного оружия был определен следующим образом: Россия «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Таким образом, российская ядерная доктрина выстраивается вокруг трех фундаментальных сценариев применения. Главным остается принцип сдерживания — гарантированное возмездие в ответ на любой вражеский

⁶⁶ Послание президента РФ Д.А.Медведева Федеральному собранию. 12.11. 2009. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2023)

⁶⁷ Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. URL:http://newskremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения 15.09.2024)

ядерный удар по России или ее союзникам. Второй сценарий расширяет рамки сдерживания, допуская первый ядерный удар как асимметричный ответ на применение противником оружия массового поражения неядерного типа – химического, бактериологического или радиологического. Третий, наиболее дискреционный сценарий, предусматривает право на использование ядерного оружия в критической ситуации, когда масштабная атака с применением обычных вооружений создает непосредственную угрозу самому существованию государства. Эта оговорка, очевидно, нацелена на нейтрализацию преимуществ НАТО в конвенциональных силах и высокоточном оружии, а также на сдерживание потенциальных угроз со стороны Востока в условиях меняющегося в невыгодную для России ключе стратегического баланса.

В целом можно отметить, что, во-первых, доктрина сдерживания совершенно определенно сохраняет свою актуальность; во-вторых ядерное оружие сохраняется в качестве главной опоры безопасности страны.

Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года содержала важные положения о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Этот документ был утвержден Президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 года и стал ключевым ориентиром для российской дипломатии на последующие годы.

В Концепции подчеркивалась приверженность России цели полной ликвидации ядерного оружия, но с важной оговоркой — «только на многосторонней основе и при условии стратегической стабильности», что являлось классическим для России подходом. Концепция-2013 прямо называла Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3, или New START), вступивший в силу в 2011 году, в качестве одного из ключевых достижений и основы для дальнейшей работы. Россия заявляла о своей готовности последовательно выполнять этот договор. В документе содержался призыв к другим ядерным державам, не входящим в официальный «ядерный клуб»

Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) — в первую очередь Великобритании, Франции и Китаю — присоединиться к многосторонним усилиям по сокращению ядерных арсеналов. Россия настаивала, что дальнейший прогресс невозможен без участия этих стран. Концепция-2013 четко увязывала будущее сокращение стратегических вооружений с решением проблем, связанных с развертыванием глобальной системы ПРО США. Россия считала, что развертывание ПРО подрывает стратегическую стабильность и паритет, так как дает одной из сторон потенциал для нейтрализации ответного удара. Указывалось, что поиск договоренностей в этой области является одним из внешнеполитических приоритетов. Концепция провозглашала принцип, что дальнейшее сокращение СНВ возможно только при учете всех факторов, влияющих на глобальную стабильность, включая не только ядерные боеголовки и носители, но и системы ПРО, а также потенциал «высокоточного обычного оружия» (т.н. "Быстрый глобальный удар" США), которое может выполнять стратегические функции⁶⁸.

К 2013 году период «перезагрузки» в отношениях России и США подходил к концу. Нарастали разногласия по Сирии, Ирану, а также по вопросу ПРО. Но Договор СНВ-III действовал, и стороны приступили к инспекциям и сокращениям. Россия демонстрировала свою надежность как партнера в рамках действующих соглашений. По сути, Концепция-2013 готовила почву для будущих переговоров после истечения срока действия СНВ-III в 2021 году. Она четко обозначала «красные линии» Москвы: «без учета ПРО и без участия других ядерных держав дальнейшее сокращение невозможно».

Таким образом, Концепция внешней политики России 2013 года представляла собой «умеренно-оптимистичную и конструктивную, но жесткую» позицию по вопросу сокращения стратегических вооружений. Она подтверждала приверженность выполнению существующих обязательств

⁶⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.)
URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 01.09.2024)

(СНВ-III); четко обозначала условия для дальнейшего прогресса: «учет систем ПРО и глобализация процесса»; заложила основу для переговоров, которые, однако, так и не состоялись из-за общего ухудшения отношений между Россией и Западом. В целом, Концепция-2013 отражала последнюю на тот момент точку «нормального» диалога по контролю над вооружениями, который впоследствии был свернут.

Подводя **итог** параграфу, необходимо отметить следующее. В 2000-2013 гг. внешняя политика России носила оборонительный характер, будучи сформированной в условиях роста внешних угроз. Ключевыми вызовами стали продвижение НАТО на восток, выход США из Договора по ПРО и их планы по развертыванию европейской системы ПРО. В ответ на эту неблагоприятную обстановку администрации Медведева и Путина сконцентрировались на укреплении военного потенциала: модернизации армии, развитии воздушно-космической обороны и создании новейших ядерных систем сдерживания.

На протяжении обозначенного периода произошла, во-первых, смена парадигмы - от «американоцентризма» к прагматичному отстаиванию национальных интересов. Политика 1990-х, характеризовавшаяся ориентацией на Запад и размытыми национальными интересами, была признана несостоятельной. С приходом к власти В. Путина и принятием Концепции внешней политики 2000 года был взят курс на построение многополярного мира, прагматизм, последовательность и безусловный приоритет национальных интересов. Контроль над вооружениями стал инструментом обеспечения стратегической стабильности, а не уступок.

Во-вторых, роль ядерного оружия была закреплена в качестве краеугольного камня безопасности и дипломатии. На протяжении всего периода ядерный потенциал рассматривался как главный гарант национальной безопасности и статуса великой державы (Военная доктрина 2000 г., 2010 г.). Доктрина ядерного сдерживания эволюционировала, но оставалась

неизменной в своей основе: ядерное оружие — основной инструмент предотвращения любой крупномасштабной агрессии.

В-третьих, была четко обозначена ключевая проблема - увязка стратегических наступательных вооружений (СНВ) с противоракетной обороной (ПРО). С самого начала 2000-х гг. центральным противоречием в отношениях с США стало намерение Вашингтона развернуть национальную систему ПРО. Россия последовательно требовала юридически обязывающего соглашения, ограничивающего ПРО, рассматривая ее развертывание как прямую угрозу стратегическому паритету. Этот принцип «нет ограничениям ПРО — нет новому договору по СНВ» стал лейтмотивом российской позиции.

В-четвертых, произошла эволюция от двустороннего формата к требованию многосторонности. Изначальная модель контроля над вооружениями (Россия-США) была признана устаревшей. Начиная с Концепции внешней политики 2008 года, Россия настаивала на необходимости подключения к процессу сокращения вооружений других ядерных держав (Великобритании, Франции, Китая), что отражало курс на многополярность.

В-пятых, концептуально было зафиксировано использование инструментов контроля над вооружениями как рычага в более широком политическом торге. Российская политика не была пацифистской. Сокращение вооружений рассматривалось не как самоцель, а как элемент «стратегического торга». Примеры: приостановление участия в ДОВСЕ (2007 г.) для давления по вопросу расширения НАТО; готовность идти на новые договоры по СНВ только при учете факторов ПРО.

В-шестых, Россия ответила на попытку «перезагрузки» отношений с США до 2013 года. С приходом администрации Б. Обамы был запущен процесс «перезагрузки», кульминацией которого стало подписание Договора СНВ-III (2010 г.). Однако эта «перезагрузка» была тактической, а не стратегической. Концепция 2013 года четко зафиксировала «красные линии»: дальнейшее сокращение невозможно без учета ПРО и без участия других

ядерных держав. К 2013 году стало очевидно, что фундаментальные противоречия (ПРО, расширение НАТО, разные подходы к региональным конфликтам) не преодолены, и период конструктивного диалога подходит к концу.

В-седьмых, произошло формирование жесткой, прагматичной и суверенной модели. К концу рассматриваемого периода политика России в сфере контроля над вооружениями окончательно отошла от идеалистических ожиданий 1990-х. Она превратилась в прагматичный инструмент принуждения к равноправному диалогу, нацеленный не просто на сокращение вооружений, а на создание новой, более справедливой (с точки зрения Москвы) архитектуры международной безопасности, где интересы России учитывались бы наравне с интересами США и НАТО.

В итоге, период 2000-2013 гг. стал для России временем формирования и закрепления самостоятельной, основанной на жестком прагматизме и защите суверенитета, политики в сфере контроля над вооружениями, которая рассматривала соответствующие договоры как важный, но не единственный элемент обеспечения национальной безопасности в условиях нарастающего противостояния с Западом.

§2. Концептуальные и нормативно-правовые основы российской политики в сфере контроля над вооружениями в 2014-2024 гг.

В 2014 году произошел ряд ключевых событий, которые кардинально изменили международную обстановку и оказали серьезное негативное влияние на процесс контроля над вооружениями. Основными факторами стали углубление российско-украинского конфликта; воссоединение Крыма с Россией; обострение отношений между Россией и Западом.

В ответ на присоединение Крыма к России НАТО в апреле 2014 года приостановила все практическое гражданское и военное сотрудничество с

Россией. Это затронуло важные каналы диалога, включая работу Совета Россия-НАТО⁶⁹.

К концу 2014 года Россия приступила к пересмотру своей военной доктрины. Новая редакция, утвержденная в декабре, впервые прямо включила в список основных внешних военных опасностей «наращивание силового потенциала НАТО и приближение военной инфраструктуры альянса к границам России». Это официально закрепило курс на сдерживание блока как центральную угрозу безопасности⁷⁰.

Несмотря на попытки возобновить контакты в 2016-2017 годах, к 2019 году сотрудничество по гражданской и военной линии было полностью прекращено, что окончательно ликвидировало важные инструменты взаимопонимания и предотвращения инцидентов.

Конфликт в Украине стал практическим воплощением кризиса и нанес серьезный удар по существовавшим договоренностям в сфере безопасности.

Крупные учения Вооруженных Сил России, такие как «Восток-2014», продемонстрировали возросшие возможности и готовность применять силу для защиты своих интересов. Аналитики отмечали, что масштаб учений и задействованные активы указывали на отработку сценариев отражения угрозы со стороны крупной державы⁷¹.

На фоне ухудшения политического климата стороны конфликта взяли курс на наращивание и модернизацию своих военных потенциалов.

Пентагон в 2014 году объявил о широкомасштабной модернизации вооруженных сил, чтобы сохранить преимущество перед Россией и Китаем.

⁶⁹ Выступление Генерального секретаря НАТО Андерса Фогга Расмуссена на пресс-конференции, состоявшейся по окончании заседания Совета Россия–НАТО в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_107743.htm?selectedLocale=ru (дата обращения 13.06.2025)

⁷⁰ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения 15.04.2025); В военную доктрину России внесли положение о неядерном сдерживании. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/12/2014/548bf2c22ae59653833655c9> (дата обращения 15.04.2025)

⁷¹ Шойгу: план подготовки Вооруженных сил РФ на 2014 год полностью реализован. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/1613499> (дата обращения 25.08.2025)

Акцент делался на развитие робототехники, микроэлектроники и систем обработки данных⁷².

В 2014 году Генштаб России заявил о значительном (в 1,3 раза) росте боевых возможностей армии за счет массового поступления новой техники, включая межконтинентальные баллистические ракеты, самолеты и комплексы «Искандер-М». Это происходило в рамках продолжавшейся с 2008 года масштабной военной реформы, на которую до 2020 года планировалось выделить около 23 трлн рублей⁷³.

Военная доктрина Российской Федерации 2014 года содержит ключевые положения, касающиеся контроля над вооружениями и разоружения, которые отражают изменившуюся после 2010 года международную обстановку.

Важно понимать, что доктрина — это не план действий, а система официальных взглядов на подготовку к вооруженной защите страны. Поэтому положения о разоружении сформулированы в контексте обеспечения национальной безопасности и стратегической стабильности.

Вот основные положения Военной доктрины 2014 года в сфере сокращения вооружений, сгруппированные по ключевым направлениям. Во-первых, приверженность международным договорам (с оговорками). Доктрина подтверждает приверженность России действующим договорам в области контроля над вооружениями, но акцент смещен на соблюдение этих договоров всеми сторонами. Во-вторых, поддержание стратегической стабильности: Россия заявляет о готовности к дальнейшему сокращению ядерных вооружений, но только на паритетной основе и с учетом всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность. Это прямая отсылка к проблеме ПРО. В-третьих, проблема ПРО США: Один из центральных пунктов. Доктрина прямо указывает, что создание и развертывание США

⁷² Алимов Т. Пентагон сделал ставку на космическое и высокоточное оружие.
URL:<https://rg.ru/2014/12/10/project-site-anons.html>(дата обращения 25.04.2025)

⁷³ За 2014 год боевые возможности российской армии возросли в 1.3 раза.
URL:<https://topwar.ru/65860-za-2014-god-boevye-vozmozhnosti-rossiyskoy-armii-vozrosli-v-13-raza.html> (дата обращения 15.07.2025)

глобальной системы ПРО подрывает глобальную стабильность и нарушает сложившееся соотношение сил в ядерной сфере. Это рассматривается как ключевое препятствие для дальнейшего разоружения.

Россия сформулировала четкие условия, при которых возможны новые шаги в области разоружения. Это - недопущение милитаризации космоса. Россия выступает за заключение международно-правового соглашения, запрещающего размещение оружия в космическом пространстве. Соблюдение договоров всеми сторонами. Подчеркивается важность добросовестного выполнения существующих договоров (таких как ДОВСЕ — Договор об обычных вооруженных силах в Европе) всеми участниками. Фактически, это констатация того, что Россия считает эти договоры неработающими из-за действий НАТО. Учет всех видов вооружений. При любых будущих переговорах по разоружению Россия настаивает на учете не только стратегических ядерных вооружений, но и: неядерных высокоточных стратегических вооружений; оружия на новых физических принципах; состояния сил ПРО и потенциала «быстрого глобального удара».

В доктрине отражен подход, согласно которому Россия оставляет за собой право на асимметричный и симметричный ответ на действия, угрожающие ее безопасности⁷⁴.

По проблеме ядерного сдерживания подчеркивается ключевая роль ядерного оружия для сдерживания не только ядерной, но и обычной агрессии против России. Это означает, что в условиях наращивания обычных вооружений НАТО и развертывания ПРО, значение ядерных сил как гаранта безопасности только возрастает, что делает их дальнейшее сокращение маловероятным.

Доктрина предусматривает возможность размещения войск и вооружений, в том числе на территории других дружественных государств,

⁷⁴ Военная доктрина Российской Федерации
(утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976)
URL:<http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения 15.04.2025)

для парирования угроз национальной безопасности. Это было ответом на расширение НАТО и приближение его инфраструктуры к границам России.

Ключевой идеей, пронизывающей весь документ, является отказ от любых форм одностороннего разоружения. Все сокращения должны быть взаимными, обеспечивать равную безопасность и учитывать всю совокупность военных и политических факторов.

Как указано выше, Военная доктрина 2014 года была принята в период резкого обострения отношений с Западом после украинских событий и воссоединения Крыма с Россией. Это наложило отпечаток на ее содержание. Доктрина декларирует оборонительную направленность, но механизмом обороны провозглашается мощное, в том числе ядерное, сдерживание. Доктрина де-факто констатировала, что эра сотрудничества в области разоружения, характерная для 1990-2000-х годов, закончилась. На смену ей пришла эра стратегической конкуренции, где разоружение возможно только на строго паритетных условиях, которые на тот момент (и сейчас) не выполнялись⁷⁵.

Таким образом, в сфере сокращения вооружений доктрина 2014 года не провозглашала новых инициатив по разоружению, а, наоборот, устанавливала жесткие рамки и условия для его возможности, которые Западом на тот момент не выполнялись, с точки зрения России⁷⁶.

В 2015 году была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 года, которая содержала важные положения, касающиеся контроля над вооружениями и разоружения. Причем, в документе эта проблема зафиксирована не как однозначное стремление к тотальному разоружению, а как «сложный, многогранный процесс,

⁷⁵ Военная доктрина Российской Федерации
(утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976)
URL:<http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения 15.04.2025)

⁷⁶ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

направленный на укрепление безопасности России в условиях новых вызовов».

В Стратегии говорится о приверженности России действующим договорам в области контроля над вооружениями и нераспространения. Однако главным принципом является соблюдение принципа «равной и неделимой безопасности». Это означает, что меры по разоружению не должны подрывать обороноспособность России и безопасность одной страны не должна обеспечиваться за счет безопасности другой.

Документ был принят уже после украинского кризиса 2014 года и на фоне обострения отношений с США и НАТО. В нем прямо указывается, что одной из угроз национальной безопасности является «политика стран Запада, направленная на достижение превосходства в военной сфере», в том числе путем: развертывания системы ПРО; реализации концепции «Глобального удара»; размещения оружия в космосе; одностороннего неограниченного наращивания военной мощи НАТО.

Россия заявила о своей готовности сокращать ядерные и другие вооружения, но «только на двусторонней или многосторонней основе», при условии, что все участники процесса будут соблюдать договоренности. В документе подчеркивается, что одностороннее разоружение недопустимо⁷⁷.

Одна из ключевых задач — укрепление режима нераспространения ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки. Россия позиционирует себя как ответственная держава в этой сфере.

По понятным причинам существенное внимание в документе уделено задачам «модернизации Вооруженных Сил, оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и развитию новых видов вооружений». Это включает: повышение боеспособности армии и флота; развитие высокотехнологичных

⁷⁷Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 года.
URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения 15.04.2025)

видов оружия; поддержание ядерного потенциала сдерживания на достаточном уровне⁷⁸.

Таким образом, проблема сокращения и контроля над вооружениями в Стратегии-2015 года рассматривалась в рамках приверженности международному праву в этой сфере; была ответной мерой на действия НАТО и Запада в целом, угрожавшие национальной безопасности России.

Следом за Стратегией национальной безопасности российское руководство в 2016 году обновило Концепцию внешней политики.

В целом, КВП-2016 придерживалась прагматичного подхода по вопросу контроля и сокращения вооружений. Был сделан акцент на «соблюдении существующих договоров и учете всех факторов безопасности», включая развёртывание глобальной ПРО США.

В концепции подчеркивалась важность Договора СНВ-3 (СНВ-III), который был тогда (и остается сейчас) краеугольным камнем стратегической стабильности. Россия заявляла о готовности его соблюдать, но ожидала того же от США. Согласно пункту 56, «Российская Федерация строго соблюдает свои обязательства в области контроля над вооружениями и считает важным поддерживать жизнеспособность соответствующих международно-правовых режимов. Готовность к дальнейшим шагам в области контроля над вооружениями и сокращения вооружений напрямую зависит от того, будут ли партнеры придерживаться такого же подхода, включая учет всех без исключения факторов, влияющих на стратегическую стабильность»⁷⁹.

В КВП-2016 была четко обозначена связь сокращений с проблемой ПРО (противоракетной обороны). Это был один из ключевых моментов. Россия четко заявляла, что дальнейшие сокращения ядерных арсеналов невозможны без учета потенциала глобальной ПРО. Аргумент заключался в том, что

⁷⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 года. URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения 15.04.2025)

⁷⁹ Концепция внешней политики России 2016 г. URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 15.04.2025)

развертывание ПРО США подрывает принцип взаимного гарантированного уничтожения, который является основой стратегической стабильности, и вынуждает Россию принимать ответные меры для преодоления этой системы. Согласно пункту 58, «Российская Федерация рассматривает в качестве серьезной угрозы международной безопасности и стратегической стабильности создание и развертывание глобальных систем ПРО... будет рассматривать развертывание глобальной системы ПРО... как угрозу своей безопасности, а в случае подрыва ею стратегической стабильности — оставляет за собой право принять адекватные ответные меры»⁸⁰.

Помимо ПРО, Россия настаивала на том, чтобы в будущих переговорах по разоружению учитывались и другие элементы: высокоточное неядерное оружие (например, крылатые ракеты), которое может выполнять стратегические функции; оружие в космическом пространстве; планы по «глобальному мгновенному удару» (Prompt Global Strike) США.

То есть, российское руководство выступала за более широкий подход к разоружению, а не только за сокращение классических стратегических ядерных боеголовок и носителей.

Концепция призывала к подключению к процессу разоружения других ядерных держав, прежде всего Великобритании, Франции и Китая. Россия считала несправедливой ситуацию, когда основные сокращения ложатся только на РФ и США, в то время как другие страны наращивают или модернизируют свои арсеналы⁸¹.

Таким образом, Концепция 2016 года ознаменовала собой сдвиг к более жесткой и условной позиции России по проблеме контроля и сокращения вооружений. Основной посыл был следующим: Россия готова сокращать

⁸⁰ Концепция внешней политики России 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 15.04.2025)

⁸¹ Концепция внешней политики России 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 15.04.2025)

вооружения, но США должны соблюдать дух и букву существующих договоров; необходимо решить проблему глобальной ПРО, которая угрожает стратегической стабильности; переговоры должны учитывать все современные виды вооружений, а не только традиционные; процесс должен стать многосторонним.

Поскольку эти условия не были выполнены, а США в 2019 году вышли из Договора о РСМД (ДРСМД), а в 2020 году — из Договора по Открытому небу, заявленная в концепции 2016 года позиция лишь укрепилась. Это в конечном итоге привело к приостановке Россией своего участия в Договоре СНВ-3 в 2023 году, что стало логическим продолжением подходов, сформулированных еще в 2016 году.

Таким образом, Концепция 2016 года не столько продвигала идею скорейшего сокращения стратегических вооружений, сколько очерчивала «красные линии» и условия, при которых такое сокращение в принципе возможно в современных геополитических реалиях.

Ключевым моментом в сфере национальной безопасности стало подписание Президентом России в 2020 году стратегического документа «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». Это ознаменовало собой прецедент, когда наша страна, обладая ядерным арсеналом, официально обнародовала принципы его использования в контексте обеспечения национальной безопасности.

Согласно опубликованным «Основам...», обеспечение гарантированного сдерживания потенциальной агрессии в отношении Российской Федерации и ее союзников является одной из важнейших государственных задач. Данная цель достигается за счет всей военной мощи государства, в том числе и ядерных сил. Подчеркивается, что политика России в данной сфере имеет сугубо оборонительную направленность: ядерное оружие рассматривается исключительно как инструмент сдерживания, но не как средство для нападения или агрессии. Главная задача заключается в

обеспечении неотвратимости ответных действий, то есть в нанесении гарантированного ответного удара в случае агрессии.

Аналогично положениям Военной доктрины, в документе акцентируется внимание на ситуациях, связанных с приграничными территориями и прилегающими морскими пространствами, особенно в случаях размещения там средств доставки ядерного оружия. В перечне основных военных угроз выделяются следующие: развертывание государствами, рассматривающими Россию как противника, систем ПРО, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных БПЛА и оружия направленной энергии; создание и размещение в космическом пространстве средств ПРО и ударных систем; обладание государствами ядерным оружием или иными видами ОМП, которые могут быть использованы против России и ее союзников, включая средства их доставки; бесконтрольное распространение ядерного оружия, технологий и оборудования для его производства; размещение ядерного оружия и его носителей на территориях неядерных государств⁸².

В документе также зафиксированы ключевые принципы ядерного сдерживания: выполнение международных договоренностей в сфере контроля над вооружениями, постоянное поддержание потенциала сдерживания, обеспечение постоянной боевой готовности выделенных сил и средств ядерного сдерживания и другие.

Определены и условия, при которых Россия может рассмотреть возможность применения ядерного оружия: получение надежных данных о запуске баллистических ракет по территории России или ее союзников; использование противником ядерного оружия или иных видов ОМП против РФ или ее союзников; атака противника на критические объекты

⁸² Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355.
[URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/) (дата обращения 15.04.2025)

государственного или военного значения, выход которых из строя приведет к нарушению функционирования сил ответного удара; агрессия с применением обычных вооружений, когда под угрозу поставлено само существование государства⁸³.

Таким образом, представленный документ четко позиционирует ядерную политику России как оборонительную. Ее фундаментом является предотвращение агрессии со стороны недружественных государств и военных альянсов против России и ее партнеров. При этом, что закономерно, в документе особый фокус сделан на приграничных зонах, особенно в чувствительном для России регионе – пространстве СНГ⁸⁴.

К 2021 году, после выхода США из ключевых договоров (ДРСМД, Договор по открытому небу) и дальнейшего расширения НАТО, риторика в новой российской Стратегии национальной безопасности 2021 года стала значительно жестче, а акцент сместился с диалога о разоружении на безусловное развитие военной мощи как главного гаранта выживания в условиях «распада системы международного права».

Стратегия 2021 года подтверждает и усиливает роль ядерного оружия как «главного гаранта национальной безопасности России» с целью не допустить эскалации военного конфликта до масштабов, угрожающих существованию государства. В документе уточняется, что Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие «только в ответ на агрессию с применением оружия массового поражения (ОМП) против России и/или ее союзников, а также в случае агрессии с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Этот подход

⁸³ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355.
[URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/) (дата обращения 15.04.2025)

⁸⁴ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

известен как политика «деэскалации» или «сдерживания через угрозу эскалации»⁸⁵.

В Стратегии 2021 года вопрос контроля и сокращения вооружений ставится в жесткую зависимость от действий других держав, в первую очередь США.

Россия заявляет о своей готовности к равноправному диалогу по контролю над вооружениями и мерам укрепления доверия. Но сокращение вооружений возможно «только при условии, что оно будет взаимным и будет учитывать все без исключения факторы, влияющие на стратегическую стабильность». Под этим подразумевается: развертывание США глобальной системы ПРО; планы США по развертыванию ракет средней и меньшей дальности (после выхода из Договора РСМД); развитие высокоточного неядерного оружия, в том числе гиперзвукового; космическое и кибернетическое оружие⁸⁶.

Стратегия прямо отражает негативную оценку действий США, которые привели к развалу ключевых договоров в области контроля над вооружениями. Как упоминалось выше, Договор по ПРО (1972) -США вышли из него в 2002 году. Россия считает создание глобальной ПРО угрозой эффективности своего ядерного сдерживающего потенциала. Договор РСМД (1987) - США вышли в 2019 году, Россия — в ответ. В документе это преподносится как вынужденная мера. Договор СНВ-III - на момент принятия Стратегии его будущее было под вопросом. Россия выражала озабоченность по поводу нежелания США обсуждать новые системы вооружений. Продление договора в начале 2021 года было воспринято как тактическая необходимость, но общий тренд на сворачивание сотрудничества сохранился.

⁸⁵Корнев Е. «Осажденная крепость» с открытыми воротами. Новая Стратегия национальной безопасности РФ. 4 августа 2021. URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/-osazhdennaya-krepost-s-otkrytymi-vorotami-novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/> (дата обращения 25.04.2025)

⁸⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения 15.04.2025)

Стратегия расширяет понятие сдерживания, включая в него не только ядерные, но и неядерные средства: высокоточное обычное оружие - развитие систем, способных наносить удары, сопоставимые по эффекту с ядерными, рассматривается как важный элемент сдерживания на неядерном уровне; информационные и кибернетические операции - указывается на необходимость противодействовать угрозам в этих сферах⁸⁷.

Таким образом, Стратегия 2021 года знаменует переход от курса на партнерство с Западом и взаимное разоружение к политике жесткого, асимметричного и унилатерального сдерживания в условиях, которые являются «сломом старой системы безопасности» и нарастающей враждебностью со стороны США и НАТО.

Основной лейтмотив документа по проблеме сокращения – Россия не против сокращений, но только если они будут взаимными и будут учитывать все современные виды вооружений, а не только те, по которым наша страна в выигрыше. Пока же Запад нарушает паритет, Россия будем наращивать и модернизировать свои вооружения, чтобы гарантировать безопасность любыми средствами, с опорой на ядерный щит.

Таким образом, Россия не отказывается от идеи сокращения вооружений как таковой, но делает ее крайне зависимой от изменений во внешней политике других держав, чего в обозримом будущем Москва не ожидает. На практике это означает курс на «поддержание и модернизацию военного арсенала», особенно ядерного, в качестве ключевого инструмента обеспечения безопасности в «смутные времена»⁸⁸.

Стратегический курс России на международной арене закреплён в Концепции внешней политики, ратифицированной президентским указом в 2023 году. Данный документ фиксирует статус государства как влиятельной мировой державы, играющей ключевую роль в укреплении глобальной

⁸⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г.
[URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/) (дата обращения 15.04.2025)

⁸⁸ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

безопасности и содействии мирному развитию. При этом стратегическую стабильность подрывают такие негативные факторы, как дестабилизирующее наращивание и модернизация наступательных вооружений, а также размывание сложившейся системы договоров в области контроля над вооружениями.

В числе ключевых ориентиров внешнеполитической деятельности РФ выделяется «построение справедливого и устойчивого миропорядка, фундаментом которого служит принцип неделимости безопасности как на глобальном, так и на региональном уровне». Важнейшей задачей в этой связи является «укрепление международного мира, направленное на обеспечение стратегической стабильности, снижение угрозы развязывания масштабного военного конфликта, а также минимизацию рисков применения ядерного и иных видов оружия массового поражения»⁸⁹.

Для достижения этих целей Российская Федерация концентрирует усилия на нескольких стратегических направлениях. В их числе — реализация политики стратегического сдерживания, а также совершенствование договорной базы, регулирующей вопросы стратегической стабильности, контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ. Особое внимание уделяется развитию международных политических договоренностей, служащих основой для поддержания стабильности и сдерживания гонки вооружений, включая недопущение ее распространения на новые среды. Параллельно с этим наращиваются меры по повышению предсказуемости и укреплению доверия между государствами, противодействию ядерному терроризму. Россия выступает за усиление роли многосторонних экспортных контролирующих механизмов в сфере безопасности и нераспространения, противодействуя попыткам использовать их в качестве инструмента для

⁸⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.)
URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 15.07.2025)

введения дискриминационных ограничений, затрудняющих легитимное международное сотрудничество⁹⁰.

Подводя итог, можно заключить, что Концепция не только подтверждает позицию России как влиятельного участника международных отношений, но и детально формулирует ее приоритеты в области поддержания стратегической стабильности. Эти приоритеты включают сохранение международно-правовых основ стабильности, обеспечение безопасности хранения ядерных арсеналов, недопущение их распространения и безусловное противодействие ядерному терроризму⁹¹.

Эволюцию российской позиции в сфере контроля и сокращения вооружений можно проследить при анализе Посланий Президента В.В. Путина Федеральному Собранию. В определенной степени сенсационным и поворотным можно назвать Послание Президента 2018 года, так как в нем были впервые публично продемонстрированы новейшие российские стратегические вооружения. Путин заявил, что это «ответ на односторонний выход США из Договора по ПРО» и на развертывание их глобальной системы ПРО. Президентом были представлены системы, которые, по заявлению России, «обходят любую существующую ПРО»: ракетный комплекс «Авангард» (гиперзвуковой планирующий блок; крылатая ракета неограниченной дальности «Буревестник» (ядерная энергетическая установка); подводный беспилотный аппарат «Посейдон» (с ядерной боевой частью и ядерной силовой установкой); гиперзвуковая аэробаллистическая ракета «Кинжал»; лазерные комплексы «Пересвет»⁹².

Основным посылом к Западу стало то, что США пытаются добиться военного превосходства, но Россия создала оружие, которое делает эту

⁹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.)

URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 15.07.2025)

⁹¹ Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.

⁹² Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. б/н

(О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства).

URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения 15.04.2025)

стратегию бесперспективной и восстанавливает стратегический паритет, причем на долгие годы вперед.

В Послании Президента Федеральному Собранию 2020 года, которое было оглашено в условиях окончания действия Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и проблем с продлением Договора СНВ-3, В.В. Путин подтвердил, что новые системы («Авангард», «Посейдон» и др.) приняты на вооружение. Президент предложил «немедленно и без всяких условий продлить Договор СНВ-3» на пять лет, чтобы «сохранить хоть какие-то инструменты контроля над вооружениями». Также было предложено ввести «мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности в Европе», если США не будут этого делать (ответ на выход США из ДРСМД)⁹³.

Послание 2021 года было оглашено в условиях продления в феврале 2021 года Договора СНВ-3, что было отмечено Президентом В.В.Путиным как позитивный шаг. Однако тон Послания Президента в целом оставался жестким и отвечавшим на реалии сложной международной обстановки. В Послании подчеркивалось, что Россия в своих действиях в сфере безопасности будет исходить из принципа «сила — на силу». Было заявлено, что любые попытки перейти «красные линии» России получат мгновенный и зеркальный ответ⁹⁴.

Послания Президента 2023 и 2024 годов были оглашены в условиях начавшейся в 2022 году специальной военной операции, поэтому в основном были посвящены ситуации вокруг Украины и отношениям с Западом. Прямых новых инициатив по сокращению вооружений не звучало, но в 2023 году Договор СНВ-3 был фактически заморожен Россией. В послании 2023 года В.В. Путин объявил о приостановке участия России в договоре, справедливо обвинив Запад в прямом участии в ударах по российским стратегическим

⁹³ Послание Президента Российской Федерации от 15.01.2020 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (дата обращения 15.04.2025)

⁹⁴ Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения 15.04.2025)

объектам. Основной акцент делался на «обеспечении безопасности в новых условиях» и на успехах оборонно-промышленного комплекса⁹⁵.

В 2024 году российский президент в Послании заявил, что Россия «готова к переговорам по контролю над вооружениями», но не с позиции силы, а на равных, и с учетом всех факторов стратегической стабильности, включая наступательный потенциал Великобритании и Франции⁹⁶.

Таким образом, на основе анализа Посланий Президента Федеральному Собранию, можно сделать следующие выводы. Ключевыми тезисами российского президента в Посланиях были следующие.

1. Эволюция от сотрудничества к конфронтации. От призывов к диалогу и соблюдению договоров — к демонстрации силы и приостановке участия в них.

2. Ответный характер. Все ключевые шаги (разработка нового оружия, выход/приостановка договоров) преподносятся как «вынужденная ответная мера» на действия США и НАТО (выход из ДРСМД, развертывание ПРО, расширение НАТО).

3. Доктрина «асимметричного ответа». Вместо дорогостоящей гонки вооружений с США, Россия сделала ставку на разработку оружия, которое нивелирует преимущества потенциального противника (гиперзвуковые системы, оружие на новых физических принципах).

4. Принцип «Сила — на Силу». Четко заявленная готовность наращивать военный потенциал в ответ на любые угрозы и действовать зеркально в ответ на недружественные шаги.

⁹⁵ Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации).

[URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010>](http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010) (дата обращения 15.04.2025)

⁹⁶ Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации).

[URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431>](http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431) (дата обращения 15.04.2025)

Таким образом, в посланиях Федеральному Собранию тема сокращения вооружений прошла сложную эволюцию: от риторики о партнерстве она трансформировалась в обоснование необходимости наращивания и модернизации арсенала для сохранения паритета в условиях, когда, по мнению Кремля, диалог с Западом в этой сфере стал невозможен.

25 сентября 2024 года под председательством Президента России В. В. Путина состоялось заседание Постоянного совещания по ядерному сдерживанию — ключевого совещательного органа при Совете Безопасности. На нем глава государства выступил с инициативой о корректировке действующей с 2020 года редакции «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

Основной целью планируемых изменений являлось приведение документа в соответствие с современными реалиями. В проекте обновленной доктрины конкретизировались и расширялись условия возможного применения ядерного оружия. В частности, пересматривался и дополнялся перечень государств и военных блоков, в отношении которых осуществляется политика ядерного сдерживания, а также спектр военных угроз, на нейтрализацию которых она направлена⁹⁷.

Особое внимание в новой редакции уделялось сценариям гибридной агрессии. Так, любое нападение на Россию с использованием обычных вооружений, но осуществленное при участии или с поддержкой государства, обладающего ядерным оружием, будет расцениваться как совместная атака на РФ. Кроме того, документ четко фиксирует пороговые условия, при которых страна может рассмотреть возможность перехода к применению ядерного оружия. Таким условием, в частности, считается получение достоверных данных о массированном пуске средств воздушно-космического нападения (стратегической авиации, крылатых ракет, БПЛА, гиперзвуковых аппаратов) с последующим пересечением ими государственной границы.

⁹⁷ Заседание Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию. 25 сентября 2024 г.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75182> (дата обращения 15.05.2025)

Отдельным пунктом закреплялось право России на использование ядерного оружия в случае военной агрессии против Республики Беларусь как государства-участника Союзного Договора. Это право также распространяется на ситуации, когда противник, применяя обычные вооружения, создает прямую угрозу суверенитету и территориальной целостности страны.

По словам В. В. Путина, все предлагаемые поправки являются тщательно выверенным ответом на текущие военные риски и угрозы в адрес Российской Федерации⁹⁸.

Данный шаг по модернизации ядерной стратегии обусловлен значительными изменениями в сфере глобальной безопасности, включая дестабилизацию военно-политической обстановки и эрозию системы стратегической стабильности. Важным контекстом послужило и решение администрации США: летом 2024 года президент Джо Байден скорректировал американскую ядерную политику, открыто заявив о потенциальном наращивании арсенала для сдерживания одновременно России, Китая и КНДР⁹⁹.

Анализ Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания 2024 года показывает, что документ вносит существенные изменения в подходы России к ядерному сдерживанию, расширяя его сферу применения и уточняя условия применения ядерного оружия¹⁰⁰. Обновленные Основы подчеркивают оборонительный характер государственной политики в этой сфере. Ядерное оружие рассматривается как средство сдерживания, применение которого

⁹⁸ Заседание Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию. 25 сентября 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75182> (дата обращения 15.04.2025)

⁹⁹ Sanger D.E. Biden Approved Secret Nuclear Strategy Refocusing on Chinese Threat. URL: <https://www.nytimes.com/2024/08/20/us/politics/biden-nuclear-china-russia.html> (дата обращения 15.04.2025)

¹⁰⁰ Одибоев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» 2024 года. URL: <https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrence/> (дата обращения 15.04.2025)

является крайней и вынужденной мерой. Его ключевая задача — гарантированно удержать потенциального противника от агрессии против России и/или ее союзников, а в случае конфликта — не допустить эскалации и прекратить боевые действия на приемлемых для России условиях.

Сферу применения ядерного сдерживания расширили. Помимо отдельных государств и военных коалиций, обладающих ядерным оружием или значительным обычным потенциалом, оно теперь также распространяется на государства, предоставляющие свою территорию, воздушное или морское пространство для подготовки и осуществления агрессии против России. Доктрина также вводит принцип коллективной ответственности: агрессия любого государства-участника военного блока против России или ее союзников будет расцениваться как агрессия всего блока в целом.

Документ детализирует военные опасности, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание. По сравнению с версией 2020 года, их перечень был существенно расширен и теперь включает - развёртывание новых видов вооружений:- наличие и развёртывание потенциальным противником систем ПРО, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотников и оружия направленной энергии; милитаризация космоса - создание и размещение в космическом пространстве средств ПРО, противоспутниковых систем и ударных систем; расширение военных блоков - создание новых или расширение существующих военных коалиций, приводящее к приближению их военной инфраструктуры к границам России; новые виды гибридных угроз - действия, направленные на изоляцию части территории РФ, включая блокирование жизненно важных транспортных коммуникаций, воздействие на экологически опасные объекты России,

способное привести к техногенным или социальным катастрофам; проведение крупномасштабных военных учений вблизи границ Российской Федерации¹⁰¹.

Наиболее существенные изменения внесены в раздел, определяющий условия возможного применения ядерного оружия. Вместо четырех сценариев 2020 года теперь указано пять¹⁰² :

1. Поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории Российской Федерации и/или ее союзников.
2. Применение противником ядерного или других видов оружия массового поражения по территориям, воинским формированиям или объектам РФ, в том числе расположенным за ее пределами.
3. Воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты России, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил.
4. Агрессия против Российской Федерации и/или Республики Беларусь с применением обычного оружия, создающая критическую угрозу их суверенитету и/или территориальной целостности. Это условие конкретизирует ранее существовавшую формулировку об «угрозе существованию государства» и впервые на доктринальном уровне распространяет ядерные гарантии на территорию Союзного государства .
5. Новое условие: Поступление достоверной информации о массированном старте (взлете) средств воздушно-космического нападения (стратегическая и тактическая авиация, крылатые ракеты, беспилотные и гиперзвуковые летательные аппараты) и пересечении ими государственной границы России .

Таким образом, Основы.. являются ответом на современные вызовы. Доктрина адаптирована к новой военно-политической обстановке, учитывая такие факторы, как милитаризация космоса, развитие высокоточных

¹⁰¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения 15.04.2025)

¹⁰² Что такое ядерная доктрина России и что в ней записано сейчас URL: <https://www.rbc.ru/base/19/11/2024/673c66da9a79475d63653a3c> (дата обращения 15.04.2025)

неядерных вооружений и гибридные методы противостояния. Зафиксировано расширение и детализация условий применения ядерного оружия призваны повысить предсказуемость действий России для потенциальных противников и исключить возможность ошибочной трактовки ее «красных линий». Беларусь включена в число стран, защищаемых ядерным оружием, свидетельствует о курсе на дальнейшую интеграцию в рамках Союзного государства и укрепление общего оборонного пространства¹⁰³. В число принципов ядерного сдерживания добавлен пункт о централизации управления применением ядерного оружия, в том числе размещенного за пределами территории РФ, что подчеркивает исключительную роль Верховного Главнокомандующего в принятии такого решения.

В целом, обновленная ядерная доктрина отражает эволюцию взглядов российского руководства на роль ядерного оружия в условиях обострения международной напряженности и является инструментом стратегического сдерживания, направленным на предотвращение крупномасштабной агрессии.

Подводя **итог** параграфу, необходимо подчеркнуть следующее в рассматриваемый период – 2013 – 2024 гг., во-первых, в концептуальном плане произошла смена парадигмы: от сотрудничества к конфронтации и сдерживанию. Ключевым переломным моментом стал 2014 год, после которого политика сместилась от партнерства с Западом к эре стратегической конкуренции. Действия Запада (расширение НАТО, развертывание ПРО, выход из договоров) были восприняты как прямая угроза безопасности России, что обусловило оборонительно-сдерживающий характер всей политики.

Во-вторых, Россия зафиксировала в соответствующих документах жесткие и условные рамки для разоружения. Россия не отказывается от идеи

¹⁰³ Владимир Путин утвердил основы госполитики России в области ядерного сдерживания. 12 декабря 2024.

[URL:https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/vladimir-putin-utverdil-osnovy-gospolitiki-rossii-v-oblasti-yadernogo-sderzhivaniya-46542.shtml](https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/vladimir-putin-utverdil-osnovy-gospolitiki-rossii-v-oblasti-yadernogo-sderzhivaniya-46542.shtml) (дата обращения 15.04.2025)

контроля над вооружениями, но выдвигает ряд неперенных условий: взаимность и паритет - категорический отказ от любого одностороннего разоружения; учет всех факторов - требование учитывать не только стратегические ядерные арсеналы, но и неядерные высокоточные системы, потенциал ПРО, космическое оружие и планы «быстрого глобального удара»; решение проблемы ПРО - создание США глобальной системы ПРО рассматривается как ключевое препятствие для дальнейших сокращений, так как оно подрывает стратегическую стабильность; многосторонность - необходимость подключения к процессу других ядерных держав (Великобритании, Франции, Китая).

В-третьих, концептуально была зафиксирована централизация роли ядерного оружия. Ядерное оружие окончательно закрепилось как «главный гарант безопасности» и инструмент сдерживания не только ядерной, но и обычной агрессии. Эволюция ядерной доктрины (2014, 2020, 2024 гг.) вела к расширению и конкретизации условий возможного применения ядерного оружия, включая угрозу существованию государства от обычной агрессии и распространение ядерных гарантий на союзников (Беларусь).

В-четвертых, Россией был взят курс на модернизацию и асимметричный ответ. В ответ на действия Запада Россия взяла курс на наращивание и модернизацию своего военного потенциала в рамках масштабной военной реформы. Стратегия «асимметричного ответа» проявилась в разработке и демонстрации новых видов вооружений («Авангард», «Посейдон», «Кинжал»), призванных нивелировать военные преимущества противника и сохранять стратегический паритет.

В-пятых, в рассматриваемый период произошла эрозия договорной системы как следствие кризиса. Политика стала ответом на «развал системы международного права» в сфере безопасности. Приостановка участия в ДОВСЕ, выход из ДРСМД, приостановка участия в ДСНВ-III представлены как вынужденные ответные меры на деструктивные действия США и НАТО.

Таким образом, за рассмотренный период российская политика в сфере контроля над вооружениями трансформировалась из основанной на сотрудничестве в жесткую, условную и ориентированную на сдерживание. Ее краеугольным камнем стало поддержание военного паритета любыми средствами в условиях, которые Москва оценивает как враждебные и угрожающие ее ключевым интересам безопасности. Разоружение стало рассматриваться не как самоцель, а как возможный инструмент лишь при полном учете российских условий, выполнение которых в обозримом будущем не ожидается.

В заключение к первой главе необходимо резюмировать следующее. Внешняя политика России в сфере контроля над вооружениями претерпела значительную трансформацию: от курса на стратегическое партнерство с Западом в начале 2000-х годов к политике сдерживания в условиях нарастающей конфронтации. Если изначально Россия рассматривала себя как часть «демократической солидарности» и стремилась к интеграции в западную систему безопасности, то впоследствии, столкнувшись с расширением НАТО и развертыванием элементов ПРО у своих границ, она перешла к более жесткой позиции. К 2024 году ядерное сдерживание официально рассматривается как мера противодействия военным коалициям, которые рассматривают Россию как противника.

В обновленной ядерной доктрине 2024 года были конкретизированы и расширены условия, при которых Россия может применить ядерное оружие. По сравнению с редакцией 2020 года, в новой версии прямо указывается, что агрессия против России и ее союзника Белоруссии с применением обычного оружия, создающая «критическую угрозу их суверенитету», может стать основанием для ядерного ответа. Это изменение подчеркивает возросшую роль союзнических обязательств в стратегии сдерживания.

Концептуальные основы политики стали учитывать развитие новых типов вооружений, которые теперь рассматриваются как значимые угрозы. К ним относятся гиперзвуковое оружие, ударные беспилотники, высокоточное

неядерное оружие и системы в космосе. Ответом на это стало активное развитие Россией собственных передовых систем, таких как гиперзвуковая ракета «Циркон» и ракетная система «Орешник», которые позиционируются как неядерные средства сдерживания, способные наносить удары, сопоставимые по эффекту с тактическим ядерным оружием.

Политика России вынужденно адаптировалась к распаду сложившейся за десятилетия системы международных договоров по контролю над вооружениями (таких как ДОВСЕ, ДСМД). На этом фоне произошел закономерный отказ от идеи ограничений как самоценности и переход к курсу на наращивание собственных военных возможностей. Это привело к осознанию критической важности мобилизационных резервов экономики и промышленности. Как показал опыт последних лет, современный конфликт характеризуется колоссальным расходом боеприпасов, что требует от военно-промышленного комплекса (ВПК) способности к быстрому развертыванию массового производства.

В ответ на изоляцию со стороны «коллективного Запада» концептуальной основой политики России стало укрепление собственной системы союзов и зон влияния. В официальных документах, таких как ядерная доктрина 2024 года, акцент сместился на сдерживание не отдельных стран, а военных коалиций в целом. Одновременно Россия активизировала взаимодействие в рамках организаций, созданных на пространстве бывшего СССР (ОДКБ, ЕАЭС), а также с другими не-западными центрами силы, что отражает стремление к формированию новой, многополярной архитектуры международной безопасности.

Таким образом, эволюция подходов России в сфере контроля над вооружениями в течение последних двух десятилетий демонстрирует движение от интеграции в западную систему безопасности к суверенной и жесткой политике сдерживания, основанной на развитии новейших военных технологий и укреплении региональных союзов.

**Глава 2. Политика России по заключению и реализации Договора о
сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП),
Договора о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3)
в 2000-2024 гг.**

**§1. Позиция России в переговорном процессе с США по Договору о
сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП),
Договору о сокращении стратегических вооружений (СНВ-3)
в 2000-2010 гг.**

Для России окончание холодной войны имело серьезные геополитические и геостратегические последствия: возникновение серьезных региональных угроз, снижение ее влияния на глобальной стратегической арене и ослабление ее роли как равноправного участника переговоров по СНВ¹⁰⁴.

Даже в 1990-2000-е годы ядерный фактор по-прежнему определял всю архитектуру отношений между Россией и США. Срыв процесса СНВ в эпоху президентства Буша-младшего подрывал доверие и негативно сказывался на всем спектре двусторонних связей.

Ответом Москвы стала инициатива Владимира Путина, озвученная 14 ноября 2000 года. В своем заявлении, приуроченном к итогам американских выборов, он предложил радикально сократить стратегические арсеналы до 1500 боезарядов у каждой стороны. При этом Россия продолжала настаивать на недопустимости подрыва Договора по ПРО, оставаясь верной этой принципиальной позиции.

В сложившихся обстоятельствах стороны длительное время не проводили никаких официальных консультаций по проблематике СНВ. Перелом наступил летом 2001 года, когда в ходе встречи президентов Путина и Буша в Генуе в июле было подписано Совместное заявление о

¹⁰⁴ СНВ-сайт. URL:<http://armscontrol.ru> (дата обращения 11.12.2024)

стратегической стабильности. В этом документе стороны взяли на себя обязательство «начать интенсивные консультации по взаимосвязанным вопросам наступательных и оборонительных систем...»¹⁰⁵.

С началом президентства Джорджа Буша-младшего в 2001 году подход США к контролю над вооружениями претерпел радикальные изменения. Американское руководство пришло к убеждению, что прежняя система двустороннего сокращения ядерных арсеналов с Россией устарела и более не способна гарантировать стратегическую стабильность. Исчезновение СССР как главного противника устранило для Вашингтона угрозу крупномасштабного ядерного конфликта, что привело к потере интереса к ранее созданным договорным механизмам. Ключевой угрозой стала восприниматься не мощь России, а, напротив, ее нестабильность и ослабление¹⁰⁶.

В связи с этим была пересмотрена и сама доктрина ядерного сдерживания. США начали активно продвигать идею о дополнении наступательных сил масштабной системой обороны, основанной на противоракетных комплексах (ПРО). Во внешней политике возобладала тенденция к односторонним действиям в ущерб многосторонним соглашениям, что ярко проявилось в отказе от ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Еще в 2000 году, в ходе предвыборной кампании, Джордж Буш-младший заявил о необходимости новой концепции безопасности, свободной от ограничений Договора по ПРО. Он призывал отказаться от догм холодной войны, сделав акцент на односторонних сокращениях арсеналов для быстрого достижения результатов. Для его администрации приоритетами в сфере безопасности стали нераспространение оружия массового уничтожения и контроль над ракетными технологиями, а договоры по СНВ отошли на второй

¹⁰⁵ СНВ-сайт. URL:<http://armscontrol.ru> (дата обращения 11.12.2024)

¹⁰⁶ Rise C. «Promoting the National Security». //Foreign Affairs, January/February, 2000.

план, поскольку исчезли внешние ограничения для глобальных действий Америки¹⁰⁷.

Теракты 11 сентября 2001 года стали катализатором определенных позитивных сдвигов в переговорном процессе между Россией и США по вопросам СНВ. У многих экспертов появились ожидания, что противоречия между сторонами удастся урегулировать уже в ноябре того же года в рамках запланированного саммита в Кроуфорде. Эти оптимистичные прогнозы основывались на активном развитии двустороннего сотрудничества в антитеррористической сфере.

Тем не менее, встреча на высшем уровне продемонстрировала сохранение принципиальных расхождений во взглядах на сокращение стратегических наступательных вооружений и проблемы ПРО. В ходе переговоров администрация Джорджа Буша предложила одностороннее сокращение арсенала развернутых стратегических ядерных боезарядов до 1700–2200 единиц. Однако этот шаг сопровождался принципиально новым подходом к подсчету, который фактически позволял США сохранить свой парк стратегических носителей. Президент России Владимир Путин, согласившись на адекватное сокращение, настаивал на юридическом оформлении договоренностей, предложив заключить формальное соглашение. Хотя стороны не пришли к консенсусу по методике сокращений, они согласовали дальнейший диалог, наметив подписание документа в ходе предстоящего визита Буша в Москву летом 2002 года.

В тот же период эволюционировала и позиция Москвы по Договору о ПРО. Если ранее Россия выступала за его безусловное сохранение, то к ноябрю 2001 года она отказалась от планов резкой реакции на возможный выход США. Эта смена курса предопределила спокойную и сдержанную реакцию

¹⁰⁷Georg W. Bush's remarks on national security, Washington, D.C., May 24 2000. URL: <http://www.whitehours.ru> (дата обращения 08.08.2021);

Speech of the president the USA Bush before students and and teachers of National defensive university. URL: <http://www.strana.ru/worldwide/press/2001/05/03/988908309/html> (дата обращения 08.08.2021)

Кремля на официальное заявление Буша от 14 декабря 2001 года о денонсации Вашингтоном Договора по ПРО 1972 года.

Российский президент, осудив это решение, одновременно исключил принятие каких-либо ответных резких мер¹⁰⁸.

Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП), подписанный в 2002 году, стал значимым, но неоднозначным шагом в процессе ядерного разоружения. Вот его анализ по ключевым аспектам.

Договор СНП, также известный как Московский договор, был подписан президентами России и США Владимиром Путиным и Джорджем Бушем-младшим 24 мая 2002 года и вступил в силу 1 июня 2003 года. Его центральное положение содержалось в Статье I Стороны обязались сократить и ограничить количество своих развернутых стратегических ядерных боеголовок до уровня 1700–2200 единиц для каждой из сторон. Крайним сроком для выполнения этого условия было 31 декабря 2012 года. Каждая сторона получала право самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений в рамках установленного лимита.

Договор СНП стал символом новой фазы в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». Договор ознаменовал переход от стратегического соперничества к партнерству, основанному на принципах «взаимной безопасности, сотрудничества, доверия, открытости и предсказуемости». В Статье II договора подтверждалось, что ранее заключенный Договор СНВ-I 1991 года остается в силе, что обеспечивало правовую преемственность в области контроля над вооружениями¹⁰⁹.

¹⁰⁸ СНВ-сайт. URL:<http://armscontrol.ru> (дата обращения 11.12.2021)

¹⁰⁹ Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. /СИМО. Т.4. С.564-565.

Несмотря на свое историческое значение, Договор СНП подвергался серьезной критике со стороны экспертов, что обусловило его противоречивые оценки. Договор не предусматривал собственной системы проверок. Стороны договорились использовать для этого механизмы Договора СНВ-I, что было сочтено недостаточным для обеспечения полной прозрачности и доверия. Договор не требовал физического уничтожения боеголовок, снятых с носителей. Их можно было поместить на склад и впоследствии вновь развернуть, что не обеспечивало необратимость сокращений. В договоре не было четко согласовано определение «стратегический ядерный боезаряд». Это создавало возможности для различного толкования условий договора сторонами. Договор обязывал достичь целевых показателей лишь к конечному сроку (2012 год), не устанавливая промежуточных этапов, что снижало предсказуемость процесса.

Договор СНП действовал до 31 декабря 2012 года. Согласно положениям нового Договора СНВ-III (подписан в 2010 году), Московский договор утратил силу 5 февраля 2011 года, будучи замененным более современным и комплексным соглашением.

Договор СНП 2002 года сыграл важную политическую роль, закрепив курс на сокращение ядерных арсеналов, однако его технические недостатки ограничивали эффективность, и впоследствии он был заменен более проработанным Договором СНВ-III.

В ходе слушаний в Сенате США в июле 2002 года администрация Буша четко обозначила свой подход к выполнению Договора. Государственный секретарь Колин Пауэлл указал, что США будут учитывать только оперативно развернутые ядерные боеголовки. Министр обороны Дональд Рамсфелд, в свою очередь, дал понять, что Вашингтон не намерен обсуждать с Москвой какие-либо меры проверки выполнения нового соглашения.

Подписанный документ возлагал выработку процессуальных аспектов на создаваемую «двустороннюю комиссию по выполнению», что означало возможность затягивания согласований вплоть до окончания срока действия

договора. На практике это привело к тому, что сокращения достигались в основном за счет снижения боеготовности сил, а не их физической ликвидации. Проблема транспарентности также оставалась нерешенной, хотя США сохраняли определенный контроль над российским арсеналом через программу «Совместного уменьшения угрозы» (Нанна-Лугара), финансировавшую утилизацию российских стратегических вооружений¹¹⁰.

По своей сути, Договор СНП стал рамочным соглашением, которое заложило основу для последующих переговоров по Договору СНВ-3.

В 2002 году Вашингтон вышел из Договора по ПРО, чтобы получить свободу действий в сфере противоракетной обороны. В ответ Москва заявила о прекращении соблюдения Договора СНВ-2, что привело к фактическому замораживанию переговорного процесса по СНВ на несколько лет. Новый импульс к диалогу наметился с приходом к власти в России Дмитрия Медведева и в США Барака Обамы.

Президент Обама заявил, что проблема ядерного разоружения долгое время игнорировалась после окончания Холодной войны, и пообещал предпринять шаги для движения к полной ликвидации ядерного оружия, включая ратификацию ДВЗЯИ. Таким образом, одной из ключевых задач его администрации стало восстановление авторитета международных режимов контроля над вооружениями.

Данный курс был подтвержден другими представителями администрации. Вице-президент Джо Байден, например, в марте 2009 года в переговорах с европейскими лидерами затрагивал тему политики движения к нулевому уровню ядерных вооружений. Советник президента по контролю над вооружениями Эллен Таушер говорила о необходимости защитить будущие поколения от ядерной угрозы и подтверждала намерение президента работать в направлении полной ликвидации ядерного оружия.

¹¹⁰ СНВ-сайт. URL:<http://armscontrol.ru> (дата обращения 11.12.2021)

Эта инициатива нашла поддержку среди ряда влиятельных американских политиков и экспертов в области безопасности, таких как Генри Киссинджер, Уильям Перри, Джордж Шульц и Сэм Нанн, которые уже несколько лет выступали за радикальное сокращение ядерных арсеналов¹¹¹.

Для более детального ознакомления с аргументацией американских сторонников диалога по проблематике разоружения Президент России Дмитрий Медведев организовал серию консультаций с авторитетными политическими фигурами США. Так, 16 ноября 2008 года состоялась беседа с делегацией авторитетного американского Совета по международным отношениям. В рамках этого диалога экс-госсекретарь США Мадлен Олбрайт подчеркнула исключительную значимость партнерства между двумя державами, заявив, что «подобные взаимоотношения между США и Россией носят фундаментальный характер, в них крайне важны дружественный дух и взаимное уважение, что обязывает нас выстраивать максимально тесное взаимодействие»¹¹².

Далее, в апреле 2009 года, в Кремле прошла встреча с членами независимой американской комиссии, занимавшейся анализом внешнеполитического курса США в отношении РФ, куда входили опытные экс-чиновники различных администраций. В своем выступлении Д. Медведев отметил значительное ухудшение двусторонних связей за предыдущий период. «Это вызывает сожаление, — констатировал российский лидер, — однако я уверен, что у нас существуют все необходимые предпосылки для того, чтобы начать совершенно новый этап в отношениях между нашими странами. Те послы, которые в настоящее время поступают из Соединенных Штатов, в частности от Президента Обамы, я расцениваю как в целом конструктивные».

¹¹¹ Stephen Philip. Obama grasps the nuclear nettle. //The Financial Times. 27.03. 2009.
URL:<http://search.ft.com> (дата обращения 05.09.2022)

¹¹² Встреча с представителями Совета по международным отношениям. 16 ноября 2008 года. Вашингтон. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)

Со своей стороны, представитель комиссии Гэри Харт заявил, что «нынешний уровень взаимодействия между нашими государствами не отвечает национальным интересам Америки, а стратегическое партнерство с вашей страной имеет для нас не меньшую ценность, чем для вас». По итогам работы комиссией для правительства Б. Обамы был подготовлен пакет предложений, «нацеленных на активизацию сотрудничества с Россией. Рекомендации охватывали такие сферы, как регулирование в области вооружений, их сокращение, укрепление сотрудничества в сфере национальной и глобальной безопасности, обеспечение стабильности поставок энергоресурсов, а также противодействие террористическим угрозам»¹¹³.

В марте 2009 года, выступая на страницах «Вашингтон Пост», Дмитрий Медведев констатировал кризис в отношениях между Россией и США. Российский лидер связал эту негативную динамику, наблюдавшуюся по итогам предыдущего года, с рядом непопулярных в Москве инициатив американской администрации. В их числе он выделил планы по размещению элементов ПРО в Восточной Европе, активное продвижение расширения НАТО и отказ Вашингтона ратифицировать Договор об обычных вооружениях в Европе. По словам президента, эти действия задевали стратегические интересы России, вынуждая ее рассматривать варианты асимметричного ответа.

Медведев подчеркнул, что выход из сложившегося тупика лежит через возрождение партнерства в сфере контроля над вооружениями. Он обозначил, что стабильность в евроатлантическом регионе напрямую зависит от качества диалога между Москвой и Вашингтоном, а потенциальной основой для такой архитектуры безопасности могло бы стать трехстороннее взаимодействие с

¹¹³ Начало встречи с членами независимой консультативной комиссии по изучению политики США в отношении России. 10 марта 2009 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

участием России, США и Европейского союза. Таким образом, статья стала программным заявлением, очертившим контуры «перезагрузки» с акцентом на проблематику стратегической стабильности, ядерной безопасности и возобновления процесса разоружения¹¹⁴.

Внутри России дискуссии о параметрах будущего Договора о СНВ, который должен был прийти на смену предыдущим соглашениям и отвечать национальным интересам, велись как до, так и после ратификации СНВ-2. В ходе этих обсуждений сформировались ключевые принципиальные подходы. Сокращение арсеналов должно было быть строго паритетным с Соединенными Штатами, поскольку утрата количественного равенства лишила бы Москву значимого влияния на последующие шаги в области ядерного разоружения. Кроме того, любые сокращения не могли подрывать способность стратегических сил России нанести гарантированный ответный удар или ограничивать их структурную гибкость, необходимую для адаптации к меняющейся международной обстановке¹¹⁵.

Прорывом стало проведение в Лондоне 1 апреля 2009 года встречи между Дмитрием Медведевым и Бараком Обамой. Центральной темой переговоров стал Договор СНВ-1, срок действия которого подходил к концу. В совместном заявлении лидеры двух стран констатировали, что договор полностью выполнил свои задачи, а установленные в нем лимиты были достигнуты сторонами много лет назад. В связи с этим было принято решение о начале работы над новым, всеобъемлющим и юридически обязывающим соглашением¹¹⁶.

¹¹⁴ Строя российско-американские отношения. Статья Дмитрия Медведева опубликована в газете «Вашингтон пост». 31 марта 2009 года. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

¹¹⁵ На повестке дня договор СНВ-3. /Дьяков А.С., Подвиг П.Л. - сотрудники Центра по изучению проблем разоружения. 2000-05-26. URL:http://nvo.ng.ru/concepts/2000-05-26/4_snv3.html (дата обращения 20.11.2021)

¹¹⁶ Совместное заявление Президента РФ Д.А.Медведева и Президента США Б.Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений. 1 апреля 2009 г. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)

Переговорным группам поручалось руководствоваться следующими принципами: основой документа должны стать меры по сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений; устанавливаемые уровни должны быть ниже, чем по Московскому договору 2002 года; новое соглашение призвано укреплять безопасность обеих сторон и включать эффективные механизмы проверки, основанные на опыте реализации СНВ. Стороны договорились отчитаться о прогрессе к июлю 2009 года, что ознаменовало возобновление прерванного в эпоху Дж. Буша-мл. диалога по стратегическим вооружениям.

Переговоры, проходившие с мая по ноябрь 2009 года в Москве и Женеве, составили восемь раундов. Их отличительной чертой стала твердая позиция российской делегации, настаивавшей на увязке подписания нового договора с отказом США от развертывания системы ПРО в Восточной Европе. Хотя Вашингтон не пошел на полный отказ от своих планов, сторонам удалось достичь компромисса, согласовав, что неразрывная связь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями найдет свое отражение в тексте итогового документа.

Значительные разногласия между делегациями возникли по методике подсчета ядерных зарядов на баллистических ракетах с разделяющимися головными частями (РГЧ). Американская сторона выступила с инициативой учитывать исключительно те боеголовки, которые установлены на развернутых ракетах на текущий момент. Это предложение шло вразрез с ранее действовавшими договоренностями, где за каждой ракетой фиксировалось максимальное число блоков, с которыми она проходила испытания (например, до 14 на ракетах типа UGM-133A). Подобный подход породил серьезные опасения, так как значительное количество зарядов, находящихся на хранении, оказывалось вне правового поля договора, создавая так называемый «возвратный потенциал» для их быстрого развертывания в будущем. В итоговом тексте соглашения этот вопрос был регламентирован формулировкой: «Количеством боезарядов является количество боеголовок,

установленных на развернутых МБР и на развернутых БРПЛ», что не устранило указанную проблему полностью.

Договором предусматривалось два формата инспекционной деятельности. Задачи инспекций первого типа заключались в верификации заявленных количественных показателей развернутых стратегических наступательных вооружений. Второй тип инспекций был нацелен на проверку данных по вооружениям, не находящимся в развернутом состоянии, а также по тем, которые подлежали переоборудованию или утилизации. Стороны договорились о ежегодных квотах: не более 10 инспекций первого типа и 8 – второго. При этом одновременно на территории другой стороны могла проводиться только одна проверка.

В рамках углубленного диалога, 6 июля 2009 года в Москве прошли российско-американские переговоры, по итогам которых был подписан пакет документов, охватывающих широкий спектр двусторонних отношений. В него вошли соглашения по вопросам ПРО, дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений, военного сотрудничества и взаимодействия в ядерной области. Одним из практических итогов стало межправительственное соглашение, разрешающее транзит американских военных грузов и персонала через территорию России для поддержки операции в Афганистане.

Для координации сотрудничества была учреждена Российско-Американская Президентская комиссия, заменившая ранее действовавшую комиссию Гор–Черномырдин. Координаторами с сторон выступили министр иностранных дел России С.В. Лавров и госсекретарь США Х. Клинтон. В структуру комиссии вошли 16 рабочих групп, курирующих различные направления, включая сотрудничество в оборонной сфере, контроль над вооружениями, ядерную безопасность и борьбу с терроризмом¹¹⁷.

¹¹⁷ Переговоры с президентом США Б.Обамой. Москва. 06.07.2009. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

В документе «Совместное понимание» президенты России и США договорились о необходимости заключения нового юридически обязывающего договора, который бы определил следующие ключевые параметры на последующие семь лет после его вступления в силу:

- «Предельные уровни для носителей должны быть установлены в диапазоне 500–1100 единиц, а для связанных с ними боезарядов – 1500–1675 единиц».
- «Стороны сохраняют суверенное право самостоятельно определять состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений».
- В договоре должна быть признана «взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями».
- «Все стратегические наступательные вооружения должны базироваться исключительно на национальных территориях сторон».
- Планировалось создание «исполнительного органа для реализации договора».
- Срок действия документа был установлен в 10 лет.

По завершении переговоров Д.А. Медведев и Б. Обама провели совместную пресс-конференцию, в ходе которой подчеркнули договоренность о комплексном рассмотрении наступательных и оборонительных средств. Оба лидера заявили о намерении осуществить «перезагрузку» двусторонних отношений, чтобы вывести сотрудничество по взаимовыгодным направлениям на новый, более эффективный уровень¹¹⁸.

4 декабря 2009 года главы Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки подписали Совместное заявление, приуроченное к истечению срока действия Договора СНВ-1. В документе стороны констатировали взаимную

¹¹⁸ Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. Москва. 06.07.2009. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021);

Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы о сотрудничестве в ядерной сфере. 6 июля 2009. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

заинтересованность в сохранении стратегической стабильности и подтвердили фундаментальную готовность к продолжению взаимодействия в духе договора даже после его формального прекращения, выразив решимость добиться скорейшего заключения нового соглашения о сокращении стратегических вооружений¹¹⁹.

В 2009-2010 годах велась активная работа по подготовке документа, известного как Договор СНВ-3. Ключевым моментом стало заявление Барака Обамы 24 февраля 2010 года, в котором он отверг предложения российской стороны прямо включить в текст договора положения, касающиеся американской системы ПРО. Такая формулировка могла бы вызвать сопротивление со стороны республиканцев в Сенате, чье одобрение было необходимо для ратификации. Тем не менее, к 26 марта текст соглашения был полностью согласован.

В процессе переговоров вновь проявились две давние проблемы в позиции США, уходящие корнями еще в советско-американский диалог: нежелание учитывать ядерный потенциал союзников по НАТО и уклонение от принятия конкретных обязательств относительно взаимосвязи систем наступления и обороны. Вторая проблема приобрела особую остроту с 2008 года на фоне планов Вашингтона по развертыванию европейского сегмента ПРО¹²⁰.

Официальные лица американской администрации разъясняли в СМИ, что вопрос противоракетной обороны в новом договоре будет решен через

¹¹⁹ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки в связи с завершением срока действия Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений . 4 декабря 2009 года.

URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

¹²⁰ О подписании Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: Распоряжение. 7 апреля 2010 г. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

упоминание в преамбуле о признании взаимозависимости наступательных и оборонительных вооружений¹²¹.

7 апреля 2010 года Президент России издал распоряжение о подписании Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Историческое подписание состоялось на следующий день, 8 апреля, в Праге. Этот документ, сменивший утративший силу Договор СНВ-1991, стал значительным шагом в укреплении отношений двух стран в сфере разоружения. Одновременно был подписан и Протокол к данному Договору.

В преамбуле СНВ-3 «стороны, исходя из принципа неделимой безопасности, заявили о намерении выстроить новые стратегические отношения на базе доверия, открытости и сотрудничества. Они признали взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, отметив, что нынешние системы ПРО не подрывают эффективность ядерных сил другой стороны».

Ключевые положения Договора включали следующие положения. «Установление предельных уровней через 7 лет после вступления в силу: не более 700 единиц развернутых межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) и тяжелых бомбардировщиков (ТБ); не более 1550 ядерных боезарядов на них; и не более 800 единиц для развернутых и неразвернутых пусковых установок и бомбардировщиков. Право каждой стороны самостоятельно определять структуру своих стратегических наступательных вооружений. Создание Двусторонней консультационной комиссии для реализации целей Договора.

¹²¹ Foreign Policy.01.04.2010. URL:http://thecable.foreignpolicy.com/posts/2010/03/31/us_officials_no_daylight_between_medvedev_and_putin_on_nuke_treaty (дата обращения 15.09.2021)

Проведение на паритетной основе обмена телеметрическими данными о пусках МБР и БРПЛ»¹²².

При подписании Российская Федерация сделала особое заявление по ПРО, указав, что «жизнеспособность Договора напрямую зависит от отсутствия качественного и количественного наращивания американской системы противоракетной обороны, способного создать угрозу для российского стратегического потенциала»¹²³.

На последовавшей совместной пресс-конференции Барак Обама охарактеризовал Договор как предусматривающий значительное сокращение развернутого ядерного арсенала и средств его доставки, а также устанавливающий эффективный механизм проверки. Он пообещал добиться ратификации документа Сенатом в 2010 году и подчеркнул, что соглашение демонстрирует приверженность США политике нераспространения, открывая новые возможности для законопослушных стран и изолируя те, что уклоняются от обязательств, намекая на Иран.

Дмитрий Медведев со своей стороны отметил, что стороны ориентировались на качество документа, и благодаря профессиональной работе переговорных команд им удалось в сжатые сроки подготовить сбалансированный документ, в котором нет проигравших. Он подчеркнул, что Договор укрепляет глобальную стабильность и выводит отношения двух стран на новый уровень.

Что касается иранского досье, российский лидер заявил, что возможные санкции должны быть «умными», точечными и не приводить к гуманитарной катастрофе, а их цель – побудить Тегеран к соблюдению норм международного права.

¹²² Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). 8 апреля 2010 г. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

¹²³ Заявление Российской Федерации относительно противоракетной обороны. 8 апреля 2010 года. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

Отвечая на вопрос о разногласиях по ПРО, Медведев сослался на «международный правовой принцип, согласно которому коренное изменение обстоятельств, послуживших основой для договора, может быть основанием для его пересмотра. При этом он выразил готовность к гибкому диалогу и тесному сотрудничеству с американскими партнерами по этому вопросу»¹²⁴.

С российской точки зрения, Договор о СНВ-3, заключенный с США, вызвал серьезную озабоченность среди политического и военного руководства страны, поскольку был воспринят как создающий ряд стратегических угроз для национальной безопасности России.

Ключевые претензии российской стороны можно свести к следующему.

Во-первых, проблема ПРО и юридическая необязательность договоренностей. Основная проблема виделась в односторонних действиях США. Российская сторона настаивала на фиксации взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. Однако Сенат США при ратификации указал, что это положение не имеет юридической силы. По оценкам экспертов, например, генерал-полковника В. Есина, это позволило Вашингтону в одностороннем порядке развивать систему ПРО без каких-либо ограничений, девальвируя российский потенциал сдерживания.

Во-вторых, асимметричные обязательства и «лазейки» для США. Российские аналитики указывают на ряд дисбалансов в договоре:

- Ядерный арсенал союзников США - договор игнорирует ядерные потенциалы Великобритании и Франции, что в совокупности дает НАТО 30-процентное превосходство.

- «Возвратный потенциал» и неучтенные вооружения - США сохраняют возможность быстрого наращивания арсенала за счет неразвернутых носителей. Кроме того, договор не ограничивает разработку и развертывание

¹²⁴ Совместная пресс-конференция с Президентом Соединённых Штатов Америки Бараком Обамой по итогам российско-американских переговоров 8 апреля 2010 г. Прага. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2011)

систем в рамках концепции «быстрого глобального удара», включая гиперзвуковое оружие.

- Несправедливый учет вооружений - американские тяжелые бомбардировщики, способные нести до 20 крылатых ракет каждый, считаются за один боезаряд. Это позволяет США формально соблюдать лимиты, фактически развернув до 3500 стратегических боезарядов, что более чем вдвое превышает планируемый российский арсенал.

В-третьих, критическое состояние российских СЯС и угроза ПРО. На момент подписания договора российские стратегические ядерные силы (СЯС) уже были близки к его нижним пределам. По оценкам специалистов, к 2017 году, в связи с выбытием устаревшей советской техники, Россия могла располагать лишь 200-250 носителями. Существующая и развиваемая американская система ПРО оценивалась как способная нейтрализовать этот сокращенный арсенал, что ставило под сомнение саму возможность гарантированного ответного удара.

В-четвертых, проблема тактического ядерного оружия (ТЯО). Договор не обязывал США вывести тактическое ядерное оружие с территории европейских союзников. Для России ТЯО является ключевым инструментом регионального сдерживания, в то время как для США оно таковым не считается, что делает паритет в этой сфере невозможным¹²⁵.

Таким образом, в России Договор СНВ-3 был воспринят не как укрепление безопасности, а как соглашение, закрепляющее в ряде моментов стратегические преимущества США. Он не ограничил развитие американской ПРО, проигнорировал ядерный потенциал союзников Вашингтона и содержал формулировки, позволившие США обходить ключевые ограничения. Это заставило российских военных и политиков делать вывод о необходимости

¹²⁵ Договор СНВ-3 и двойные стандарты США. Центр зарубежной военной информации и коммуникаций Восточного военного округа РФ. URL:<http://artinfo.ru/commentary/commentary.html> (дата обращения 09.09.2022);

Леонид Ивашов: Нынешний договор СНВ-3 погубит Россию.

URL:<http://svpressa.ru/politic/article/23062> (дата обращения 09.09.2022)

выстраивания оборонной политики, ориентируясь прежде всего на реальные военные возможности, а не на декларативные намерения партнеров.

Накануне июньских 2010 года переговоров между Россией и США президент Дмитрий Медведев в своем интервью изданию «Уолл-стрит Джорнэл» подчеркнул важность консолидации позитивных сдвигов в двустороннем диалоге. Он констатировал, что несколькими годами ранее взаимодействие между странами деградировало до крайне низкой отметки, едва не вернувшись к реалиям «холодной войны». Такая ситуация, по оценке российского лидера, была деструктивной как для американской, так и для российской стороны. Однако на тот момент сторонам удалось не только возобновить полноформатный диалог, но и достичь конкретных результатов, среди которых – слаженная работа по ключевым международным вопросам. Наиболее значимым достижением стало подписание Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), что способствовало углублению взаимопонимания между Москвой и Вашингтоном. Медведев отметил, что вслед за налаживанием стратегического партнерства необходимо активизировать сотрудничество в экономической сфере¹²⁶.

Переговоры в Вашингтоне 24 июня 2010 года завершились договоренностью глав государств о продолжении совместных усилий в сфере сокращения стратегических арсеналов. В Совместном заявлении по стратегической стабильности была провозглашена приверженность обеих стран курсу на формирование обновленных стратегических отношений. Президенты заверили, что передадут подписанный в Праге Договор СНВ-3 на рассмотрение в Госдуму РФ и Сенат США, а также будут согласованно действовать для его скорейшей ратификации и ввода в действие. В рамках двусторонней Президентской комиссии была запланирована работа группы по контролю над вооружениями, которой предстояло проработать варианты

¹²⁶ Интервью президента России Д.Медведева американской газете «Уолл-стрит Джорнэл». 18.06.2010. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)

усиления стратегической стабильности и повышения уровня открытости в этих отношениях. Кроме того, стороны подтвердили намерение сотрудничать в создании механизма по обмену информацией о пусках баллистических и космических ракет, что в перспективе должно было привести к формированию глобальной системы мониторинга подобных запусков¹²⁷.

Процесс ратификации договора в США сопровождался значительными политическими сложностями. Столкнувшись с сопротивлением республиканцев, президент Барак Обама предоставил им письменные гарантии о развертывании в Европе полноценной системы ПРО, что в итоге позволило провести ратификацию. Голосование в Сенате с 16 по 22 декабря 2010 года завершилось одобрением документа с результатом 71 голос «за» при 26 «против». Несмотря на этот успех администрации, напряженность в межпартийной борьбе сохранилась, что создавало риски для будущих инициатив Обамы в области контроля над вооружениями¹²⁸.

Основная полемика развернулась вокруг статьи XIV договора, предоставлявшей России право выхода из соглашения в случае качественного или количественного роста американской системы ПРО. Республиканская оппозиция, считавшая договор невыгодным для США, добилась принятия специальной декларации, где подтверждалось намерение Вашингтона развивать и совершенствовать системы противоракетной обороны для противодействия угрозам со стороны таких стран, как Иран и КНДР¹²⁹.

Ратификация договора американским парламентом инициировала аналогичный процесс в России. Российские законодатели заняли выжидательную позицию, заявив, что рассмотрят документ только после его одобрения Конгрессом. Федеральный закон о ратификации был принят

¹²⁷ Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки о стратегической стабильности 24 июня 2010 года. Вашингтон. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

¹²⁸ The Washington Post. December, 23. 2010.

¹²⁹ РИА «Новости». URL:<http://www.voanews.com/russian/news/Russia-EuroPRO-2011-09-20-130205183.html?gclid=CPemosT7rasCFUXxzAod2WbjKA> (дата обращения 12.09.2015)

Госдумой 25 января 2011 года и одобрен Советом Федерации 26 января. При этом закон содержал ряд принципиальных условий выполнения договора, включая: поддержание боеготовности стратегических ядерных сил РФ, обеспечение безопасности при обращении с вооружениями, а также распространение действия договора на любые новые виды стратегических наступательных вооружений¹³⁰.

Отдельно оговаривались «исключительные обстоятельства», при которых Россия оставляет за собой право выйти из договора. К ним были отнесены: существенное нарушение США своих обязательств, создающее угрозу национальной безопасности РФ; развертывание ПРО, способной подрвать эффективность российских СЯС; наращивание стратегических наступательных вооружений США или их союзников, а также развертывание вооружений, способных нарушить работу российской системы предупреждения о ракетном нападении.

28 января 2011 года Дмитрий Медведев, комментируя ратификацию, отметил, что «договор будет определять параметры ядерного разоружения на десятилетие и заложит основу стратегического баланса на ближайшую перспективу». Он подчеркнул, что российская сторона внесла в документ симметричные поправки, отражающие озабоченности, аналогичные тем, что были высказаны американскими парламентариями. Официальное вступление договора в силу состоялось 5 февраля 2011 года после обмена ратификационными грамотами между госсекретарем Хиллари Клинтон и главой МИД России Сергеем Лавровым¹³¹.

Политические дебаты вокруг Договора СНВ-3 не прекратились даже после его ратификации. Группа республиканцев в Сенате США под руководством Джона Кайла выдвинула администрации Барака Обамы

¹³⁰ Справка Государственно-правового управления к Федеральному закону «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». 28 января 2011 г. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2015)

¹³¹ Подписан закон о ратификации российско-американского договора о СНВ. 28 января 2011 года. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)

требование рассекретить материалы, связанные с закрытой частью переговоров с Россией по проблематике ПРО. Законодатели выразили тревогу относительно потенциальной передачи американских технологических секретов и разведывательной информации¹³².

Ответная реакция не заставила себя ждать. В своем обращении к Федеральному Собранию Дмитрий Медведев предостерег, что отсутствие конструктивного диалога между Москвой и Вашингтоном способно привести к возобновлению интенсивной гонки вооружений. Американская сторона незамедлительно ответила обвинениями, высказав предположения о переброске российских тактических ядерных зарядов вблизи границ государств НАТО. Экс-посол США в ООН Джон Болтон использовал эти данные для аргументации своей точки зрения о невозможности полагаться на Россию в вопросах ограничения вооружений.

Правовой основой Договора СНВ-3 с момента его ратификации стала предметом разночтений. В 2010 году Сенат США в одностороннем порядке определил, что положения преамбулы не являются юридически обязывающими, тем самым резервируя за Америкой возможность бесконтрольно совершенствовать свою противоракетную оборону. Этот шаг, однако, противоречил официальной российской позиции, которая была закреплена в национальном законе о ратификации. Упомянутый Кайлом министр иностранных дел Сергей Лавров открыто заявил о данном правовом конфликте, напомнив о предусмотренном договором праве на выход из него в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. С точки зрения Москвы, создание США мощной глобальной системы ПРО как раз и подпадало под это определение, что и стало центральным пунктом в аргументации Кайла.

¹³² Серова Н. Америка напрашивается на «злого следователя». URL:<http://www.utro.ru/articles/2010/12/16/944221.shtml> (дата обращения 15.09.2022)

Со стороны российского военного ведомства также прозвучали важные оговорки. Заместитель министра обороны РФ Анатолий Антонов указал, что готовность Кремля к дальнейшим шагам в области разоружения, как и общий характер отношений между бывшими противниками по холодной войне, в значительной степени определяются тем, предложат ли западные партнеры России достойную роль в создаваемой системе европейской противоракетной защиты. По его словам, высказанным на февральской пресс-конференции 2011 года, сотрудничество в сфере ПРО является безошибочным индикатором, демонстрирующим готовность НАТО и США к прозрачному, равноправному и паритетному партнерству.

Заместитель главы МИД Сергей Рябков, на той же встрече с журналистами охарактеризовал новый Договор СНВ как отправную точку для обновления двусторонних отношений, подчеркнув важность сохранения позитивной динамики и движения вперед. При этом оба представителя российской дипломатии заявили, что любые дальнейшие инициативы по ядерному разоружению должны быть обусловлены получением Москвой гарантий относительно ряда угроз. В их числе были названы риски, связанные с обычными вооружениями, милитаризацией космоса, а также ядерными потенциалами таких держав, как Великобритания и Китай. Главной же потенциальной угрозой Антонов обозначил развертывание системы ПРО без участия Российской Федерации¹³³.

В мае 2011 года республиканцы в Конгрессе вновь создали администрации Барака Обамы серьезные препятствия. Комитет по вооруженным силам Палаты представителей одобрил поправку к закону о финансировании выполнения договора СНВ-3. Данный законодательный акт ограничивает президентские полномочия в части реализации соглашения и фактически блокирует выделение бюджетных средств, необходимых для сокращения стратегических наступательных вооружений американской

¹³³ Gutterman Steve. Russia sets out liners as arms pact takes effect. URL:<http://www.reuters.com> (дата обращения 07.02.2021)

стороной. Конгресс посчитал, что ядерно-оружейный комплекс страны и так испытывает дефицит финансирования. В связи с этим было принято решение, что до 2017 года сокращения невозможны, пока министры обороны и энергетики не предоставят детальный план выполнения соответствующих работ¹³⁴.

Подводя **итог** параграфу, необходимо сделать следующие выводы. Окончание холодной войны стало для России периодом серьезных геополитических потерь, включая ослабление глобального влияния и рост региональных угроз. Несмотря на это, ядерная проблематика оставалась стержнем российской безопасности и отношений с США, как с ядерной державой. российско-американских отношений. Однако их динамика в 1990-2000-е годы определялась принципиально разными подходами сторон.

С приходом администрации Джорджа Буша-младшего США радикально пересмотрели свою стратегию, отойдя от классической системы договоров в пользу односторонних действий. Результатом стал выход США из Договора по ПРО, но после заключения Договора СНП, который носил во многом декларативный характер. Его главными недостатками были отсутствие механизмов верификации и уничтожения вооружений, а также возможность быстрого «возвратного» наращивания арсеналов, что создавало асимметрию в пользу США.

«Перезагрузка» при президентах Обаме и Медведеве позволила преодолеть многолетний кризис и заключить более проработанный Договор СНВ-3. Несмотря на это, переговорный процесс выявил глубокие и непреодоленные противоречия. Главным из них была проблема ПРО: Россия настаивала на юридической связи наступательных и оборонительных вооружений, в то время как США, отразив эту связь лишь в преамбуле, на практике получили свободу действий для развития своей системы противоракетной обороны.

¹³⁴ Федякина А. Конгресс США притормозил выполнение договора о СНВ-3 //Российская газета. 12.05.2011.

В результате Договор СНВ-3 стал шагом вперед по сравнению с SORT и установил более жесткие лимиты и механизмы проверки, но российская сторона указала на ряд системных дисбалансов: игнорирование ядерных арсеналов Великобритании и Франции, «лазейки» в учете американских бомбардировщиков, что позволяло Вашингтону фактически превышать установленные лимиты, и угрозу, которую развивающаяся ПРО создавала для сокращенного российского стратегического потенциала.

Процесс ратификации договора в США и России сопровождался взаимными условиями и оговорками, которые де-факто закрепляли взаимное недоверие. США, обеспечивая ратификацию, дали гарантии о развитии ПРО, а Россия прямо зафиксировала в своем законе о ратификации право выйти из договора в случае создания американской ПРО угрозы ее ядерному сдерживанию.

Таким образом, эволюция отношений России и США, как основных партнеров в переговорах по разоружению, в сфере контроля над вооружениями в этот период демонстрирует переход от партнерской риторики к жесткому прагматизму. Даже успешное заключение такого комплексного документа, как СНВ-3, не разрешило фундаментальных противоречий, связанных с односторонними действиями США в области ПРО и стратегическим дисбалансом. Это привело к тому, что в Москве договор был оценен, с одной стороны, как инструмент укрепления безопасности, а с другой стороны, как вынужденная мера в условиях, когда реальная политика стала основываться не на декларативных намерениях, а на расчете военных возможностей и готовности к новой гонке вооружений.

§ 2. Реализация российско-американского Договора о сокращения стратегических вооружений (СНВ-3) в 2012-2024 гг. и позиция России

Заключение Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3) 8 апреля

2010 года и его последующая ратификация стали кульминационным моментом в постбиполярной истории контроля над вооружениями. Этот документ, унаследовавший базовые принципы верификации от СНВ-1 и СНВ-2, представлял собой амбициозную попытку адаптировать классический двусторонний формат к реалиям XXI века, характеризующимся технологической революцией, геополитической диффузией власти и появлением новых вызовов стратегической стабильности. Период его реализации (2011-2024 гг.) представляет собой уникальный и многогранный кейс эволюции российско-американских отношений в сфере безопасности: от прагматичного, хотя и ограниченного, сотрудничества по достижению количественных лимитов к тотальной эрозии доверия, кризису верификационных механизмов и, в конечном итоге, к приостановке действия Договора. Ретроспективный анализ этого периода позволяет выявить не только операционные пробелы в выполнении договоренностей, но и фундаментальные сдвиги в парадигме международной безопасности. Эти сдвиги включают отказ от принципа «равной безопасности», возрождение логики «силового доминирования» и кризис самой идеи договорного ограничения вооружений в условиях возрождения острого соперничества великих держав и размывания основ глобального управления.

Для глубокого понимания динамики реализации СНВ-3 необходимо учитывать более широкий исторический и политический контекст. Договор стал преемником целой серии соглашений в области контроля над ядерными вооружениями, начиная с Договора ОСВ-1 1972 года¹³⁵. Однако, в отличие от своих предшественников, СНВ-3 заключался в условиях, когда биполярная система международных отношений ушла в прошлое, а на смену ей пришла сложная и многополярная архитектура. Это наложило отпечаток на переговорный процесс и дальнейшую реализацию договора. Сторонам

¹³⁵ Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013. С.530.

пришлось учитывать не только взаимные интересы, но и растущую роль других игроков, прежде всего Китая, чей ядерный потенциал не был ограничен какими-либо международными соглашениями. Кроме того, технологический прогресс, выразившийся в разработке новых видов вооружений, таких как гиперзвуковые системы и оружие на новых физических принципах, создавал дополнительные вызовы для традиционных подходов к контролю над вооружениями.

Таким образом, СНВ-3 с момента своего подписания нес в себе не только потенциал для сотрудничества, но и семена будущих конфликтов. Его реализация стала своего рода лакмусовой бумажкой для состояния российско-американских отношений и в более широком смысле – для жизнеспособности всей системы договоров по контролю над вооружениями в новом столетии¹³⁶.

После вступления Договора в силу 5 февраля 2011 года стороны приступили к активной и, с формально-технической точки зрения, исключительно успешной реализации его количественных положений. К февралю 2018 года, установленному в качестве конечного срока для достижения лимитов, как Российская Федерация, так и Соединенные Штаты Америки официально подтвердили ход выполнения всех ключевых количественных ограничений: 700 единиц для развернутых носителей (межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет подводных лодок и тяжелых бомбардировщиков), 1550 для развернутых боезарядов и 800 для развернутых и неразвернутых пусковых установок¹³⁷. Верификационный механизм, являющийся сложным наследием предыдущих договоров, был усовершенствован и функционировал в штатном режиме. Он включал в себя проведение взаимных инспекций на объектах стратегических

¹³⁶ Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013. С.500-502.

¹³⁷ Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013. С.481.

ядерных сил, регулярный обмен данными телеметрии о испытательных пусках баллистических ракет и плодотворную работу Двусторонней консультационной комиссии (ДКК), выполнявшей роль технического арбитра и форума для разрешения спорных вопросов. За первые семь лет действия Договора было проведено свыше 200 инспекций, что способствовало поддержанию необходимого уровня транспарентности и предсказуемости, которые традиционно считаются краеугольным камнем стратегической стабильности по модели «взаимно гарантированного уничтожения».

Однако, именно в этот период внешне «управляемой кооперации» начали кристаллизоваться и накапливаться системные проблемы, заложенные как в самой структуре Договора, так и в фундаментально различных подходах сторон к его трактовке. Эти проблемы, носившие латентный характер, впоследствии стали катализатором его эрозии.

Во-первых, неразрешенный вопрос о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Российская Федерация с самого начала настаивала на юридической значимости преамбулы Договора, где была зафиксирована «взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений». Это положение, а также право на выход из Договора в случае создания потенциала системы ПРО, подрывающего российский стратегический потенциал (Статья XIV), были дополнительно закреплены в российском Заявлении в связи с подписанием СНВ-3. Американская же сторона, в свою очередь, рассматривала эти положения как политически обязывающие, но не имеющие жесткой операционной силы, что создавало институциональную почву для будущих конфликтов. Этот спор отражал более глубокую философскую проблему: классическая концепция стратегической стабильности, понимаемая как устранение стимулов для нанесения первого удара в условиях гарантированного ответного удара, напрямую зависит от соотношения наступательных и оборонительных потенциалов. Развертывание США глобальной системы ПРО, даже в заявлено ограниченных масштабах, направленных против «региональных угроз»,

воспринималось Москвой не как оборонительная мера, а как долгосрочная и стратегическая угроза эффективности ее ядерного сдерживания. Российские военные стратеги опасались, что в перспективе даже ограниченная, но высокоэффективная система ПРО, особенно в сочетании с потенциалом глобального удара, способна нейтрализовать ослабленный ответный удар, тем самым подрывая саму основу сдерживания.

Во-вторых, структурная асимметрия «возвратного потенциала» и методы сокращений. Методология сокращений, применявшаяся США, в значительной степени базировалась не на физическом уничтожении носителей, а на их «консервации» или переоборудовании. Яркими примерами служили снятие боевых блоков с МБР шахтного базирования Minuteman III (при этом сами пусковые установки оставались функциональными) или переклассификация стратегических бомбардировщиков В-52Н в неядерный статус без необратимых изменений в их конструкции. Это позволяло Вашингтону в сравнительно короткие сроки (оценочно, в течение нескольких месяцев) нарастить развернутый арсенал на сотни единиц, используя так называемый «возвратный потенциал». Российская сторона, осуществлявшая в основном физическую утилизацию носителей (например, разрезание подводных лодок проектов 667БДРМ и бомбардировщиков Ту-95МС), такой оперативной гибкости была практически лишена. Данная структурная асимметрия, ставшая одним из ключевых предметов дискуссий в ДКК, подрывала принцип равной безопасности, создавая у Москвы обоснованные опасения относительно скрытых резервов стратегических сил НАТО и ставя под сомнение необратимость сокращений.

В-третьих, технологический вызов и появление «серых зон». Договор СНВ-3 был ориентирован на традиционную «стратегическую триаду» в ее классическом понимании. Однако уже в середине 2010-х годов началось активное развитие перспективных видов вооружений, не подпадавших под его ограничения. В экспертной среде, в частности в таких аналитических центрах, как американский Карнеги-центр и Стокгольмский международный институт

исследования проблем мира (SIPRI), активно дискутировался вопрос о необходимости распространения будущих ограничений на новые системы. К ним относились гиперзвуковые планирующие боевые блоки (такие как российский «Авангард»), крылатые ракеты с ядерной энергоустановкой (российская «Буревестник»), а также стратегические неядерные высокоточные системы дальнего радиуса действия. Создание этих вооружений формировало обширную «серую зону» в стратегическом балансе, порождая взаимные подозрения в попытках обойти договорные ограничения и подрывая саму логику договора, основанную на регулировании проверяемых и легко идентифицируемых систем¹³⁸.

В-четвертых, внешнеполитический контекст и общая деградация доверия. Оставались нерешенными вопросы, выходящие за формальные рамки Договора, но оказывавшие прямое дестабилизирующее влияние на общий стратегический климат. К ним относились сохранявшийся значительный дисбаланс в нестратегическом (тактическом) ядерном оружии в пользу США, наличие американского тактического ядерного оружия на территории европейских союзников по НАТО в рамках программы «совместное ядерное планирование», а также продолжавшееся развертывание элементов глобальной системы ПРО США в Европе (в Румынии и Польше), что Москва рассматривала как прямое нарушение духа ранее достигнутых договоренностей¹³⁹. Таким образом, к моменту формального выполнения количественных лимитов в 2018 году накопился критический объем взаимных политических и военно-стратегических претензий, который требовал не технического урегулирования в ДКК, а высочайшего уровня политической воли для комплексного диалога¹⁴⁰. Однако такая воля отсутствовала на фоне

¹³⁸ Замахина Т., Мисливская Г. Россия продлила действие Договора СНВ-3 до 2026 года. URL: <https://rg.ru/2021/01/27/rossiia-prodlila-dejstvie-dogovora-snv-3-do-2026-goda.html> (дата обращения: 15.09.2023)

¹³⁹ Российско-американские отношения в области сокращения ядерных вооружений: современное состояние и перспективы. /Под ред. А.С.Дьякова, издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный. 2001. С.43.

¹⁴⁰ Заявление МИД России. 05.02.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1562499/ (дата обращения: 15.09.2023);

общей деградации российско-американских отношений, усугубленной украинским кризисом 2014 года, введением взаимных санкций и обвинениями во вмешательстве во внутренние дела.

Период после 2018 года характеризовался постепенной, но неуклонной трансформацией латентных противоречий в открытый системный кризис. Геополитический контекст коренным образом изменился: мир вступил в эпоху «соперничества великих держав», где главной осью противоречий официально стали американо-китайские отношения, однако конфронтация между Москвой и Вашингтоном приобрела особую, идеологически заряженную остроту и была определена ведущими западными экспертами, такими как участники проекта «Бульвар Санта-Фе», как «наиболее опасная за всю историю». Продление Договора СНВ-3 в феврале 2021 года администрацией Джоозефа Байдена на пять лет, безусловно, стало позитивным тактическим шагом, оттянувшим полный коллапс системы контроля над вооружениями, однако оно было достигнуто не благодаря, а вопреки общей тенденции. Это продление стало скорее актом консервации кризиса и «заморозки» умирающего режима, нежели его реанимации или разрешения.

Ключевым вызовом для жизнеспособности СНВ-3 стал последовательный развал его верификационной системы, являвшейся нервной системой всего Договора. Изначально, пандемия COVID-19 в 2020 году привела к вынужденной и взаимно согласованной приостановке инспекционной деятельности. Однако последующее введение западными странами беспрецедентных санкционных режимов против России в 2022 году,

О российско-американском Договоре о СНВ и ситуации, приведшей к решению о приостановлении его действия.

URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_pribleny/1413415/ (дата обращения: 15.09.2023);

О суммарных количествах стратегических наступательных вооружений России и США в соответствии с Договором о СНВ.

URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_pribleny/1833766/ (дата обращения: 30.09.2023)

включая закрытие воздушного пространства и драконовские ограничения в выдаче виз российским официальным лицам, сделало возобновление инспекций практически невозможным де-факто. Российская сторона неоднократно и на самом высоком уровне указывала на создавшуюся при этом критическую асимметрию: в условиях санкций проведение российских инспекций на территории США было полностью заблокировано логистическими и визовыми барьерами, в то время как американская сторона формально сохраняла право на доступ к российским объектам. Это лишало Договор одного из его основополагающих принципов – паритета в обмене информацией и взаимном доступе, превращая его из инструмента взаимного сдерживания в инструмент потенциального одностороннего контроля, что являлось абсолютно неприемлемым для российской национальной безопасности¹⁴¹.

Многочисленные попытки разрешить данный кризис в рамках ДКК оказались безрезультатными и с предельной ясностью продемонстрировали фундаментальное расхождение в философских подходах сторон к безопасности. Российская делегация, руководствуясь принципом неделимости безопасности (который предполагает, что безопасность одного государства не должна обеспечиваться за счет безопасности другого), настаивала на комплексном, холистическом рассмотрении всех накопившихся проблем. В фокус дискуссий были поставлены не только технические нестыковки (спорное переоборудование 56 пусковых установок БРПЛ «Трайдент-II» и 41 тяжелого бомбардировщика В-52Н, вопрос о статусе четырех учебных шахт МБР в США), но и фундаментальные стратегические вопросы («возвратный потенциал», качественное и количественное развитие американской системы ПРО, включая ее космический компонент). Вашингтон, в свою очередь,

¹⁴¹ О российско-американском Договоре о СНВ и ситуации, приведшей к решению о приостановлении его действия.
URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1413415/ (дата обращения: 15.09.2023)

занимал жесткую позицию «компартиментализации», предлагая решать сугубо технические вопросы верификации и уточнения договорных положений в полной изоляции от более широких политико-стратегических разногласий. Такой подход был категорически признан Москвой неприемлемым, поскольку он игнорировал системный характер нарастающего кризиса и вел к консервации односторонних преимуществ США¹⁴².

Параллельно с институциональным кризисом СНВ-3 нарастало внешнеполитическое напряжение, вышедшее далеко за рамки контроля над вооружениями. Эскалация конфликта на Украине, перешедшая в фазу полномасштабных боевых действий в феврале 2022 года, привела к фактическому замораживанию любого диалога по стратегической стабильности на высоком уровне и превратила Россию и США из «договорных партнеров» в сторонников прямо противоположных участников ожесточенного военного противостояния. Заявления высокопоставленных западных официальных лиц о возможности нанесения Украиной ударов по территории России с использованием западных вооружений, включая объекты критической инфраструктуры, а также предполагаемое содействие в планировании таких операций, были восприняты в Москве как прямая и непосредственная угроза объектам, подпадающим под действие СНВ-3 (таким как базы стратегической авиации, командные центры). Это стирало грань между условной «договорной» реальностью, в которой стороны обмениваются инспекциями, и реальностью гибридной войны, и ставило под сомнение саму этическую и политическую возможность поддержания договорных отношений со страной, которая, по оценке Кремля, вела против нее непрямую, но полномасштабную войну¹⁴³.

¹⁴² О суммарных количествах стратегических наступательных вооружений России и США в соответствии с Договором о СНВ. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_pr oblemy/1833766/ (дата обращения: 30.09.2023)

¹⁴³ О российско-американском Договоре о СНВ и ситуации, приведшей к решению о приостановлении его действия. URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_pr oblemy/1413415/ (дата обращения: 15.09.2023)

Накопление операционных, юридических и политических противоречий достигло своей критической массы, что привело к кардинальному и закономерному решению Российской Федерации. В своем обращении к Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года Президент В.В. Путин объявил о приостановлении участия России в Договоре СНВ-3. Данный шаг был впоследствии законодательно оформлен принятием соответствующего федерального закона. Важно подчеркнуть, что приостановление, а не выход, означало прекращение участия России в инспекционной деятельности и заседаниях ДКК, что де-факто парализовало жизненно важные функции Договора, но оставило юридическую дверь открытой для его потенциального возобновления¹⁴⁴.

В обоснование своей позиции Москва сформулировала развернутый и иерархизированный комплекс причин, отражающих многоуровневый характер кризиса:

1. Коллапс верификации как краеугольный операционный повод. Невозможность обеспечения паритета в инспекционной деятельности из-за введенных Западом санкций была обозначена как ключевой и формальный повод для приостановления. Российская сторона аргументировала, что это лишало ее суверенного права на адекватную оценку состояния и динамики американских стратегических сил, в то время как США сохраняли формальное право на доступ к российским объектам. Таким образом, Договор трансформировался из инструмента взаимного сдерживания в инструмент

¹⁴⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 21 февраля 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 15.09.2023)

Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1855184/ (дата обращения: 15.09.2023);

¹⁴⁴ President Biden Statement Ahead of the 10th Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/01/president-biden-statement-ahead-of-the-10th-review-conference-of-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons/> (дата обращения 04.10.2023)

одностороннего контроля и сбора разведывательной информации, что создавало прямые и неприемлемые риски для национальной безопасности России в условиях фактического состояния конфронтации.

2. Прямая вовлеченность США в гибридную войну у границ России. Поддержка Украины со стороны США и их союзников была интерпретирована в Москве не как косвенное участие, а как прямая и нарастающая вовлеченность в военный конфликт. Это ставило под сомнение саму возможность ведения двусторонних отношений в сфере стратегической стабильности с государством, которое, по формулировке российского МИДа, «поддерживает и поощряет удары по базам стратегической авиации России и другим объектам стратегической инфраструктуры». Договор в таких условиях превращался из инструмента снижения рисков в потенциальный источник стратегической уязвимости, поскольку информация, получаемая в рамках договорных процедур, могла быть потенциально использована для планирования операций против российской стороны.

3. Стратегическое наращивание потенциала США и игнорирование российских озабоченностей. Нежелание Вашингтона учитывать российские системные озабоченности по поводу «возвратного потенциала», спорного переоборудования носителей и дальнейшего качественного и количественного развития системы ПРО, включая планы по ее выводу в космическое пространство в рамках концепции «Комплексного сдерживания», было оценено как долгосрочная и целенаправленная стратегия. Целью этой стратегии, с точки зрения Москвы, был последовательный подрыв российского ядерного сдерживания и достижение подавляющего превосходства, делающего ядерный паритет иллюзорным¹⁴⁵.

¹⁴⁵ О российско-американском Договоре о СНВ и ситуации, приведшей к решению о приостановлении его действия.
URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problemy/1413415/ (дата обращения: 15.09.2023)

В контексте современных международных вызовов американская администрация последовательно артикулирует свою позицию относительно Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). Ключевой тезис официального Вашингтона — заинтересованность в сохранении действующих договорных ограничений на стратегические арсеналы России. При этом возобновление полноформатного диалога по стратегической стабильности ставится в прямую зависимость от дальнейших действий российского руководства. Эту линию, в частности, озвучила помощник госсекретаря Мэллори Стюарт в начале июня 2022 года¹⁴⁶.

Февраль 2023 года ознаменовался новой попыткой дипломатического зондажа. Заместитель госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями Бонни Дженкинс, выступая на брифинге, призвала отделить обсуждение договора СНВ от украинского кризиса. Она акцентировала, что с технической точки зрения никаких препятствий для возобновления инспекционной деятельности нет, и выразила сожаление в связи с приостановкой рабочих контактов со стороны Москвы. «Для нашей национальной безопасности крайне важно соблюдение договора, — заявила Дженкинс. — Мы демонстрируем готовность к встрече, как только Россия проявит ответную готовность»¹⁴⁷.

Решение Российской Федерации о приостановлении участия в СНВ-3 вызвало в США волну критических оценок. Официальный представитель Госдепартамента Нед Прайс охарактеризовал этот шаг как лишенный ответственности и подрывающий основы глобальной безопасности. По его мнению, соглашение десятилетиями служило краеугольным камнем в сфере

¹⁴⁶ US President Biden announced his readiness to discuss with Russia the replacement of the START-3 treaty. [URL:https://pledgetimes.com/us-president-biden-announced-his-readiness-to-discuss-with-russia-the-replacement-of-the-start-3-treaty/](https://pledgetimes.com/us-president-biden-announced-his-readiness-to-discuss-with-russia-the-replacement-of-the-start-3-treaty/) (дата обращения 04.10.2023)

¹⁴⁷ Alexis Jonas E. Screwed: The US is not ready for a new nuclear arms race (with Russia). America cannot produce nuclear warheads. [URL:https://www.vtforeignpolicy.com/2023/02/screwed-the-us-is-not-ready-for-a-new-nuclear-arms-race-with-russia/](https://www.vtforeignpolicy.com/2023/02/screwed-the-us-is-not-ready-for-a-new-nuclear-arms-race-with-russia/) (дата обращения 04.10.2023)

нераспространения и стратегического взаимодействия, а на Вашингтоне и Москве лежит особая ответственность за его сохранение. Прайс также указал, что США оставляют за собой право корректировать свою политику в зависимости от развития ситуации¹⁴⁸.

На международной арене солидарность с американской позицией выразил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, осудивший действия России в Украине и призвавший отказаться от любой риторики, содержащей ядерные угрозы¹⁴⁹.

В отличие от резких формулировок Госдепа, президент Джо Байден позволил себе более сдержанные высказывания. В интервью ABC News он назвал решение Москвы «серьезной ошибкой», но при этом отметил, что не усматривает в заявлениях российского лидера признаков подготовки к практическому применению ядерного оружия. Экспертное сообщество, в лице таких аналитиков, как Джон Эрат из Центра по контролю над вооружениями, интерпретировало действия Кремля как демонстративные, нацеленные на оказание давления с целью добиться от Вашингтона переговоров на более выгодных условиях¹⁵⁰.

За декларируемой озабоченностью судьбой договора СНВ-3 просматриваются глубокие прагматические интересы Соединенных Штатов, коренящиеся в системных проблемах собственного ядерного комплекса. Как свидетельствуют данные из открытых источников, страна столкнулась с комплексом технологических и финансовых трудностей в процессе модернизации своего стратегического арсенала.

¹⁴⁸ Suspension of START-3 Treaty Is Russia's 'Annoying And Irresponsible' Decision. URL: <https://www.easternherald.com/2023/02/23/suspension-of-start-3-treaty-is-russias-annoying-and-irresponsible-decision/> (дата обращения 04.10.2023)

¹⁴⁹ Suspension of START-3 Treaty Is Russia's 'Annoying And Irresponsible' Decision. URL: <https://www.easternherald.com/2023/02/23/suspension-of-start-3-treaty-is-russias-annoying-and-irresponsible-decision/> (дата обращения 04.10.2023)

¹⁵⁰ Parker [Claire](#). What is New START and why is Russia 'suspending' its role in the treaty? URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/02/21/what-is-new-start-treaty/> (дата обращения 04.10.2023)

Критическим вызовом является деградация мощностей по производству плутониевых сердечников, ключевых компонентов ядерных боезарядов. Исторический завод в Роки-Флэтс, в эпоху Холодной войны выпускавший тысячи единиц ежегодно, был законсервирован. В настоящее время США вынуждены полагаться на мощности в Лос-Аламосе, которые, однако, расположены в сейсмически нестабильной зоне и несут операционные риски. Альтернативная площадка в Саванна-Ривер также не лишена существенных недостатков.

Согласно аналитическим отчетам, на которые опирается Пентагон, строительство объекта в Саванна-Ривер, начатое еще в 2007 году, сопровождалось серьезными проектными просчетами. Для их устранения потребуются многомиллиардные дополнительные ассигнования. Географическое расположение предприятия делает его уязвимым перед стихийными бедствиями, такими как ураганы и наводнения, а необходимость транспортировки плутония создает дополнительные логистические и политические сложности, включая протесты на маршрутах следования.

По оценкам экспертов, в среднесрочной перспективе Соединенные Штаты не обладают возможностями для налаживания выпуска необходимого количества плутониевых компонентов. Параллельно с этим нарастает проблема старения существующего арсенала. Значительная часть из приблизительно 3800 боеголовок была произведена несколько десятилетий назад. Учитывая, что установленный срок их службы приближается к финальной отметке, в ближайшие годы Пентагон может столкнуться с неизбежным снижением боеготовности стратегических сил¹⁵¹.

Именно эти фундаментальные внутренние ограничения, ставящие под сомнение способность США самостоятельно поддерживать паритет в сфере

¹⁵¹United States nuclear forces, 2020. URL:<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2019.1701286> (дата обращения 04.10.2023);

Alexis Jonas E. Screwed: The US is not ready for a new nuclear arms race (with Russia). America cannot produce nuclear warheads. URL:<https://www.vtforeignpolicy.com/2023/02/screwed-the-us-is-not-ready-for-a-new-nuclear-arms-race-with-russia/> (дата обращения 04.10.2023)

стратегических вооружений, являются, по мнению обозревателей, главным катализатором стремления Вашингтона к скорейшему возобновлению диалога с Москвой и началу проработки преемника действующему договору — СНВ-4.

На фоне текущего противостояния и Москва, и Вашингтон формально сохраняют верность целям контроля над ядерными вооружениями и их нераспространения. В своей Стратегии национальной безопасности 2022 года США, признавая ядерное оружие краеугольным камнем сдерживания, одновременно выражают готовность к верифицируемым договоренностям и диалогу для укрепления стратегической стабильности¹⁵².

Российская Концепция внешней политики 2023 года зеркально отражает эту позицию: в ней говорится о заинтересованности в сохранении паритета и мирном сосуществовании, а также об особой ответственности двух ядерных сверхдержав. Однако Москва выдвигает четкое условие: путь к сотрудничеству лежит через отказ США от курса на силовое доминирование, прекращение русофобской политики и переход к равноправному партнерству с учетом взаимных интересов¹⁵³.

Стратегическая значимость решения о приостановке, а не о выходе, заключалась в сохранении определенной маневра. Москва заявила о своем намерении и в новых условиях придерживаться количественных лимитов на развернутые боезаряды и носители в одностороннем порядке. Кроме того, была выражена готовность в течение года после истечения срока действия ДСНВ-3 (до 5 февраля 2027 года) рассмотреть вопрос о добровольном соблюдении лимитов при условии ответных шагов со стороны США, направленных на учет российских озабоченностей. Эта позиция указывала на то, что решение не было импульсивным актом, а представляло собой

¹⁵² National Security Strategy. 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения 04.10.2023)

¹⁵³ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.09.2023)

вынужденную, расчетливую и стратегически взвешенную меру. Ее целью было не уничтожение системы контроля над вооружениями как таковой, а восстановление утраченного стратегического паритета и равной безопасности вне рамок договора, который, по оценке российского руководства, более не выполнял свою ключевую функцию в условиях тотальной геополитической конфронтации.

В сентябре 2025 года Владимир Путин объявил о готовности России соблюдать центральные ограничения ДСНВ ещё в течение одного года после 5 февраля 2026 года. Это предложение было сделано при следующих условиях:

- Взаимность: США должны действовать аналогичным образом.
- Сохранение баланса: США не должны предпринимать шагов, которые подрывают или нарушают существующее соотношение сил сдерживания. В частности, Путин указал на опасность планов США по размещению систем противоракетной обороны в космосе (программа "Golden Dome").
- "Добровольные самоограничения": Продление ограничений носит характер одностороннего моратория, а не официального продления самого договора. Решение о дальнейших действиях после этого года будет приниматься на основе анализа ситуации.

Цель этой инициативы, как заявил Путин, — не провоцировать дальнейшую гонку стратегических вооружений и обеспечить "приемлемый уровень предсказуемости и сдержанности"¹⁵⁴.

В российской экспертной среде нет единого мнения о продлении Договора СНВ-3. В то время как официальная позиция России заключается в отсутствии переговоров о продлении, экспертные оценки варьируются от

¹⁵⁴ Что означает российское предложение о добровольном соблюдении ДСНВ. Россия готова соблюдать договор минимум до 5 февраля 2027 года, но при одном условии.
URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2025/68d1574b9a79476d26dfe1e6> (дата обращения: 15.09.2025)

признания его ключевой роли для глобальной безопасности до утверждений о его устаревании в текущих геополитических условиях.

Официальная позиция России, озвученная министром иностранных дел Сергеем Лавровым, однозначна: «Ни о каком продлении давно речи не идет». Несмотря на приостановку участия в договоре, Россия в качестве «жеста доброй воли» до февраля 2026 года сначала продолжала добровольно соблюдать его количественные ограничения и выражает надежду, что США поступят аналогично, чтобы сохранить пространство для диалога о стратегической стабильности¹⁵⁵.

Ряд экспертов и аналитиков подчеркивают критическую важность Договора СНВ-3 для поддержания предсказуемости и безопасности.

Эксперт Дмитрий Тренин отмечает, что ценность договора не только в ограничении вооружений, но и в создании системы верификации. Это дает сторонам уверенность в соблюдении паритета и избавляет от необходимости подозревать друг друга в стремлении к стратегическому преимуществу, что работает на стратегическую стабильность.

Военный аналитик Александр Гольц называет продление договора «первым позитивным шагом в сфере глобальной безопасности как минимум за последние пять лет». Он указывает, что документ ограничивает количественный рост ядерных арсеналов и сохраняет систему транспарентности, что «ставит определенные ограничения в гонке вооружений, которая уже идет вовсю».

Генерал-лейтенант в отставке Евгений Бужинский предупреждает, что без договора система контроля над вооружениями может быть полностью

¹⁵⁵ Васильева Н. Лавров заявил, что о продлении ДСНВ речи давно не идет. 28.10.2025
[URL:https://www.pnp.ru/politics/lavrov-zayavil-chto-o-prodlenii-dsnv-rechi-davno-ne-idet.html](https://www.pnp.ru/politics/lavrov-zayavil-chto-o-prodlenii-dsnv-rechi-davno-ne-idet.html)
 обращения: 28.10.2025)

демонтирована, что способно привести к неконтролируемой многосторонней гонке вооружений и подорвать стратегическую стабильность¹⁵⁶.

Другие эксперты и аналитики указывают на изменившуюся международную обстановку и вызовы, которые, по их мнению, делают старый договор неадекватным.

- Устаревший формат : Как отмечается в некоторых анализах, в Вашингтоне растет скепсис, поскольку двусторонний формат СНВ-3 не учитывает растущий ядерный потенциал Китая. Это мешает США легально нарастить арсенал для сдерживания двух соперников одновременно в рамках прежних лимитов .

- Новые угрозы и отсутствие доверия. Еще в 2016 году Российский институт стратегических исследований (РИСИ) указывал, что дальнейшие шаги по контролю над вооружениями невозможны без учета целого ряда факторов. В их числе: развертывание глобальной ПРО США, развитие высокоточных неядерных вооружений, милитаризация космоса и общее отсутствие доверия между странами . Многие из этих претензий остаются актуальными в текущей риторике.

- Вопрос экономики и потенциал : В публикациях встречается мнение, что возможности России для масштабной модернизации своих стратегических сил ограничены в условиях войны и санкций. Это, в свою очередь, снижает для США интерес к продлению договора, который и так фиксирует их преимущество.

Таким образом, мнения российских экспертов разделились. С одной стороны, существует четкое понимание, что договор является последним элементом системы предсказуемости и контроля, и его collapse грозит полной бесконтрольностью в ядерной сфере. С другой стороны, многие признают, что

¹⁵⁶ Профессор НИУ ВШЭ Дмитрий Тренин: чтобы не дошло до мировой войны, нужен страх перед ядерным оружием. [URL:https://www.interfax.ru/russia/964175](https://www.interfax.ru/russia/964175) (дата обращения: 28.10.2025)

простое продление старого договора в условиях, когда ключевые проблемы (многосторонность, новые виды вооружений, ПРО) не решены, маловероятно и не отвечает национальным интересам России. Будущее контроля над вооружениями, по мнению экспертов, лежит через сложные переговоры о новой, более широкой договоренности.

Подводя **итог** параграфу, необходимо отметить следующее. реализация Договора СНВ-3 в 2011-2024 годах прошла сложный и драматический путь от конструктивного, хотя и сугубо технического, сотрудничества по достижению количественных лимитов до глубокого системного кризиса, завершившегося его фактической приостановкой. Этот кризис носил не операционный или технический, а сущностный, парадигмальный характер. Он наглядно продемонстрировал, что даже самый совершенный и детализированный договорной механизм не может функционировать в условиях полной утраты базового политического доверия, острой геополитической конфронтации и фундаментально различных подходов к пониманию стратегической стабильности. Позиция России в рамках Договора прошла сложную эволюцию: от scrupulous соблюдения всех договорных обязательств в условиях нарастающих структурных асимметрий до вынужденного, но легитимного с точки зрения международного права шага по приостановке участия, который был расценен Кремлем как единственно возможная мера по защите национальных интересов и восстановлению стратегического паритета в изменившихся условиях.

Опыт реализации и последующего кризиса СНВ-3 является наглядной иллюстрацией и микрокосмом более широкого системного сдвига в архитектуре глобальной безопасности. Он показал со всей очевидностью, что будущее контроля над вооружениями лежит не в косметическом исправлении или продлении старых двусторонних договоров, унаследованных из биполярной эпохи, а в создании новой, более комплексной, гибкой и инклюзивной архитектуры. Эта архитектура будущего должна в обязательном порядке учитывать все факторы стратегической стабильности XXI века,

включая новые виды высокоточных и гиперзвуковых неядерных вооружений, кибернетические и космические средства поражения, необходимость перехода к многостороннему формату с обязательным участием всех ядерных держав, прежде всего Китая и Великобритании с Францией, и неукоснительное соблюдение принципа равной и неделимой безопасности как его философского фундамента. Приостановка действия СНВ-3 знаменует собой символический финал целой эпохи, когда российско-американские отношения служили стержнем глобальной стабильности, и открывает новый, несравненно более турбулентный и непредсказуемый этап. В этом новом этапе поиски новой, адекватной вызовам времени модели сдерживания и стабильности будут происходить в условиях нарастающей многополярности, технологической неопределенности, отсутствия общепризнанных «правил игры» и глубокого дефицита доверия между всеми ключевыми акторами мировой политики.

В заключение к главе, необходимо подчеркнуть следующее. Политика России в этот период демонстрировала последовательную приверженность системе договоров об ограничении ядерных вооружений, унаследованной от советско-американских отношений. Подписание Договора о СНП в 2002 году и последующая работа над СНВ-3, вступившим в силу в 2011 году, подтверждали готовность Москвы поддерживать этот диалог даже на фоне сложной международной обстановки.

Договор СНП (2002-2011 гг.) был сравнительно мягким: он устанавливал лишь общий предел для развернутых боеголовок (1700-2200 единиц) и не имел строгих механизмов проверки, позволяя сторонам снимать боезаряды с дежурства и помещать их на хранение. В отличие от него, Договор СНВ-3 (2011-2023 гг.) стал значительным шагом вперед, вводя четкие, проверяемые лимиты не только на боеголовки (1550 единиц), но и на средства их доставки (700 единиц) и пусковые установки (800 единиц), а также предусматривал взаимные инспекции и обмен данными.

В 2023 году Россия не вышла из СНВ-3, а приостановила свое участие в нем. Этот шаг стал новым инструментом в ее дипломатическом арсенале. В качестве причин Москва назвала вовлеченность США в конфликт на Украине, западные санкции, которые, по ее утверждению, мешали российским инспекциям в США, и общее "враждебное" поведение Вашингтона. Это означает, что Россия формально остается участником договора, но прекращает его практическую реализацию (инспекции, обмен данными, работу консультативных комиссий).

Ключевым выводом является то, что с течением времени Москва все более жестко увязывает выполнение договоров по контролю над вооружениями с общим состоянием отношений с Западом. Эта тенденция проявилась еще в 2002 году, когда Россия вышла из Договора СНВ-II в ответ на выход США из Договора по ПРО. В 2023 году приостановка участия в СНВ-3 была прямо обусловлена требованием к США "отказаться от враждебного курса".

Несмотря на приостановку действия СНВ-3, Россия оставила для себя возможность продления договора. В 2025 году Президент В.В. Путин заявил о готовности России соблюдать условия договора еще в течение года после его истечения в феврале 2026 года, если США поступят аналогичным образом. Это указывает на двойственную позицию: с одной стороны, нежелание быть связанным договором в условиях конфронтации, а с другой — осознание опасностей неконтролируемой гонки стратегических вооружений и ценности предсказуемости.

Глава 3. Политика России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД) и по проблеме противоракетной обороны (ПРО) в 2000-2024 гг.

§1. Позиция России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г. (ДРСМД)

Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), подписанный Михаилом Горбачёвым и Рональдом Рейганом 8 декабря 1987 года в Вашингтоне, стал беспрецедентным событием в истории контроля над вооружениями, ознаменовавшим собой поворот от конфронтации к диалогу в самый разгар перестройки. Впервые две сверхдержавы договорились не просто ограничить, а полностью ликвидировать целый класс ядерных вооружений — баллистические и крылатые ракеты наземного базирования средней (1000-5500 км) и меньшей (500-1000 км) дальности. Договор, вступивший в силу 1 июня 1988 года, предусматривал уничтожение 1846 советских и 846 американских ракетных комплексов в течение трех лет, что было выполнено к июню 1991 года под беспрецедентным контролем инспекционных групп с обеих сторон. Значение ДРСМД выходило далеко за рамки собственно контроля над вооружениями — он стал не только символом окончания "холодной войны" и перехода к новым отношениям между СССР и Западом, но и краеугольным камнем европейской безопасности, устранившим класс оружия, способный спровоцировать ядерный конфликт с крайне малым временем для принятия решений¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.). М.: Автор, 1996. С. 674-675;

Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы. М, 1987. С. 32;

Речь Р.Рейгана на обеде в Белом доме в честь Горбачева/ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы. С.75.

Для современной России позиция в отношении ДРСМД и последующего выхода из него представляет собой сложный комплекс исторических, военно-стратегических, внешнеполитических и идеологических аспектов, требующих комплексного анализа. Эволюция российской позиции от поддержки договора до вынужденного выхода из него является своего рода индикатором, отражающим глубинные изменения в системе международной безопасности, перераспределении сил на мировой арене и смене парадигм военно-политического сдерживания от биполярной модели к полицентричной.

Подписанный в 1987 году Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности содержал ряд фундаментальных положений, которые на десятилетия определили архитектуру европейской безопасности и установили новые стандарты верификации. Согласно статье 3 Договора, уничтожению подлежали с советской стороны ракеты средней дальности РСД-10 "Пионер" (SS-20), Р-12 (SS-4), Р-14 (SS-5) и крылатые ракеты наземного базирования РК-55 (SSC-X-4), а с американской — "Першинг-2" и крылатые ракеты BGM-109G "Томагавк" наземного базирования. Из числа ракет меньшей дальности СССР уничтожал оперативно-тактические ракеты "Ока" (ОТР-23, SS-23), что стало предметом споров, поскольку их официальная дальность составляла 400 км, но США настаивали, что реальная дальность превышала 500 км. Договор предусматривал инновационные механизмы проверки, включая взаимные инспекции на местах, непрерывный мониторинг производственных мощностей и создание совместных комиссий, что создавало беспрецедентный уровень транспарентности и доверия в военной сфере, ранее немыслимый для двух противоборствующих блоков¹⁵⁸.

Военно-стратегическое значение ДРСМД для Европы трудно переоценить. Ликвидация ракет средней и меньшей дальности снимала угрозу внезапного обезглавливающего ядерного удара с малым подлетным временем,

¹⁵⁸ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы. М, 1987. С. 57-59.

который мог бы сделать невозможным принятие ответных решений и дестабилизировал стратегический баланс. Особую озабоченность СССР вызывали развернутые в Западной Германии американские ракеты "Першинг-2", подлетное время которых до целей на территории Советского Союза составляло всего 6-8 минут, что ставило под вопрос саму возможность ответно-встречного удара. С другой стороны, для НАТО советские мобильные ракетные комплексы РСД-10 "Пионер" (SS-20), оснащенные тремя боевыми блоками индивидуального наведения и высокой точностью, представляли смертельную угрозу для всей военной инфраструктуры альянса в Западной Европе, включая командные пункты, порты и аэродромы, что в случае войны делало бы невозможной своевременную переброску американских подкреплений через Атлантику и подрывало саму доктрину "гибкого реагирования"¹⁵⁹.

Политическое значение Договора выходило далеко за рамки собственно контроля над вооружениями. ДРСМД стал первым реальным шагом к завершению "холодной войны", демонстрируя, что даже непримиримые идеологические противники способны договариваться о радикальном сокращении наиболее опасных видов вооружений на основе паритета и равной безопасности. Успешная реализация Договора создала позитивный задел для последующих соглашений в сфере контроля над вооружениями, включая Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) 1991 года и Договор СНВ-2 1993 года. Более того, механизмы проверки, предусмотренные ДРСМД, стали моделью для последующих договоров в области контроля над вооружениями, устанавливая стандарты открытости и верификации, которые позднее были использованы в Договоре о химическом оружии и других режимах нераспространения.

¹⁵⁹ АВП РФ. Ф.84. Оп.3. П.6. Д.17. Л.29-31; 64-65; 80; 81; 88-89; 91.

Согласно Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), под уничтожение подлежали следующие основные типы ракет:

Со стороны СССР:

- Ракеты средней дальности: Было уничтожено 826 единиц, включая баллистические ракеты РСД-10 "Пионер" (SS-20), Р-12 (SS-4), Р-14 (SS-5) и крылатые ракеты РК-55 (SSC-X-4).
- Ракеты меньшей дальности: Было ликвидировано 1020 ракет "Ока" (ОТР-23, SS-23).

Со стороны США:

- Ракеты средней дальности: Подлежали уничтожению 689 ракет, а именно "Першинг-2" и BGM-109G "Томагавк".
- Ракеты меньшей дальности: Было ликвидировано 157 ракет "Першинг-1А"¹⁶⁰.

Подписание в 1987 году Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) инициировало в странах НАТО сложный процесс выработки новой оборонной политики. Руководство альянса пришло к консенсусу, что вывод ракет требует создания компенсирующего потенциала. Решено было сделать ставку на виды вооружений, не попадавшие под действие договора, — крылатые ракеты воздушного (КРВБ) и морского (КРМБ) базирования.

Единого подхода к реализации этой стратегии не существовало. Позиции членов блока разделились: Франция и Великобритания выступали за активную модернизацию тактического ядерного оружия (ТЯО) и категорически отвергали новые переговоры с СССР. Их жесткая линия противоречила осторожной позиции ФРГ, которая склонялась к поиску дипломатического компромисса и согласованных сокращений вооружений. В это же время в США, особенно среди демократов, набирала обороты

¹⁶⁰ АВП РФ. Ф.84. Оп.3. П.6. Д.17. Л.91, 32.; 63-65;96, 100.

концепция «сдерживания обычными силами», предполагавшая перераспределение бюджета в пользу высокоточных обычных вооружений и отход от доктрины «гибкого реагирования».

В штабах НАТО велась активная разработка конкретных мер для восполнения утраченных возможностей. Главной задачей было сохранение способности наносить ядерные удары по стратегическим целям в глубоком тылу Варшавского договора. Наибольшую поддержку получил план развертывания в Европе 336 американских бомбардировщиков «FВ-III», вооруженных современными крылатыми ракетами с дальностью 400 км, оснащенными средствами преодоления ПВО. В перспективе их планировалось заменить малозаметными стелс-бомбардировщиками «F-19». Параллельно прорабатывался вариант оснащения флотов альянса ядерными крылатыми ракетами большой дальности. Реализации этих амбициозных проектов помешал последовавший распад Организации Варшавского договора.

Дипломатическое сопровождение процесса оставалось крайне напряженным. 12 декабря 1988 года президент США в докладе Конгрессу обвинил СССР в ряде нарушений договоров по контролю над вооружениями, ссылаясь на развертывание Красноярской РЛС и локаторов в районе Гомеля и Москвы. В докладе, впрочем, констатировалось, что, несмотря на отдельные технические отступления от Договора по РСМД, советская сторона предпринимает шаги по их исправлению и в целом соглашение выполняется успешно.

Ответ СССР последовал незамедлительно. Уже 13 декабря 1988 года МИД СССР в неофициальном заявлении на имя Госдепартамента США охарактеризовал публичные обвинения американского президента как действия, подрывающие дух Договора о РСМД и конструктивный диалог. При этом Советский Союз подтвердил свое решение о демонтаже упомянутых радиолокационных станций¹⁶¹.

¹⁶¹ АВП РФ. Ф.84. Оп.3. П.6. Д.17. Л.113-114; 115-116.

Для Советского Союза подписание ДРСМД стало значительной уступкой, поскольку по количеству уничтожаемых ракетных комплексов СССР превосходил США более чем в два раза (1846 против 846 единиц), а по количеству боеголовок — почти в три раза. Однако советское руководство во главе с Горбачёвым считало такие жертвы оправданными в контексте политики "нового мышления", курса на разрядку международной напряженности и необходимости сокращения непосильных военных расходов для советской экономики¹⁶². Впоследствии, уже в российской историографии и военно-политических кругах, эта уступка стала предметом острой критики, особенно на фоне начавшегося в 1999 году расширения НАТО на восток, которое, по мнению многих российских экспертов и политиков, противоречило "духу" договоренностей, достигнутых при завершении "холодной войны", и подрывало принцип неделимости безопасности.

Кризис вокруг ДРСМД развивался постепенно, имея латентную фазу в 2000-х годах и открытую фазу после 2014 года, и был обусловлен многоуровневым комплексом факторов, включая технические, регионально-политические и глобально-стратегические.

В ответ на американскую программу ПРО Россия выдвинула три ключевые нерешённые претензии:

- Испытания ПРО как ширма: С 1999 г. РФ заявляла, что США под видом испытаний ПРО разрабатывают технологии БРСД, используя «ракеты-мишени» в качестве фактически запрещенных средств доставки.
- Проблема ударных БПЛА: С 2001 г. Москва настаивала, что тяжелые американские беспилотники подпадают под определение крылатых ракет наземного базирования и должны быть запрещены ДРСМД.

¹⁶² Речь Р.Рейгана на обеде в Белом доме в честь Горбачева/ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы. С.75; Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы. М., 1987 . С. 85.

- Универсальные пусковые установки: С 2014 г. РФ указывала на прямое нарушение Договора — развертывание в Европе УВП Мк-41, способных запускать ударные ракеты «Томагавк»¹⁶³.

Технико-договорные противоречия стали непосредственной причиной обострения кризиса. Начиная с середины 2000-х годов США неоднократно в закрытом, а затем и в публичном формате высказывали претензии к России в отношении несоблюдения Договора. Американская сторона утверждала, что Россия с середины 2000-х годов разрабатывает и испытывает крылатую ракету наземного базирования 9М729 (по классификации НАТО - SSC-8), дальность которой, по данным разведки США, превышает установленные Договором 500 км. Российская сторона последовательно отвергала эти обвинения, настаивая на том, что максимальная дальность ракеты не превышает 480 км, и предлагая продемонстрировать ракету и пусковые установки американским экспертам в рамках специального технического брифинга. Однако, по утверждению российских официальных лиц, эти предложения либо игнорировались, либо встречали неприемлемые предварительные условия со стороны Вашингтона.

С другой стороны, Россия также сформулировала развернутый перечень претензий к США в контексте выполнения Договора. В российских официальных заявлениях и нотах указывалось, что американские универсальные пусковые установки Мк-41, развертываемые в рамках системы ПРО Aegis Ashore в Румынии (2016 г.) и Польше (строительство начато в 2020 г.), по своей конструкции идентичны установкам на кораблях ВМС США, используемым для запуска ударных крылатых ракет "Томагавк". Российская сторона утверждала, что их размещение на сухопутных базах в Европе представляет собой нарушение Статьи VI ДРСМД, запрещающей производство и развертывание пусковых установок ракет средней и меньшей

¹⁶³ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с докладом США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН). URL: http://www.mid.ru/ru/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/-/asset_publisher/ckorjLV1kS61/content/id/3633105#2 (дата обращения 08.08.2025)

дальности. Кроме того, Россия указывала на то, что американские ударные беспилотные летательные аппараты (БПЛА), такие как MQ-9 Reaper, по своим функциям и характеристикам соответствуют определению крылатых ракет наземного базирования, но США в одностороннем порядке исключили их из-под действия Договора путем собственной интерпретации его положений, что создавало опасный прецедент¹⁶⁴.

Геополитический контекст стал катализатором кризиса. Украинский кризис 2014 года и последовавшее воссоединение Крыма с Россией привели к резкой конфронтации между Москвой и Западом. В этих условиях ДРСМД из технического вопроса контроля над вооружениями превратился в политический заложник общего кризиса доверия. Взаимные обвинения в нарушении Договора стали использоваться как инструмент информационной и дипломатической войны. Для Запада тема "нарушения Россией ДРСМД" стала частью нарратива о "ревизионистской и непредсказуемой России", в то время как для Москвы обвинения в адрес США стали доказательством "лицемерия и несоблюдения Вашингтоном своих же международных обязательств".

Важнейшим глобально-стратегическим фактором, обусловившим выход США из Договора, стало возвышение Китая, не связанного какими-либо ограничениями в области ракет средней и меньшей дальности. К 2018 году, когда Дональд Трамп объявил о выходе из ДРСМД, Китай создал крупнейший в мире арсенал таких ракет, оцениваемый в 1500-2000 единиц (включая DF-21, DF-26), что, по мнению американских военных аналитиков, создавало критическую угрозу американским базам и военно-морским силам в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так называемым защита от доступа/блокировка зоны доступа" (A2/AD) возможности. Официально объявляя о выходе из Договора,

¹⁶⁴ Театр ракетных действий. Минобороны РФ раскрыло характеристики «изделия 9М729», попавшего под обвинения США. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3861425> (дата обращения 08.08.2025);

Ракеты в свободном полете. Россия вслед за США выходит из договора о РСМД. 04.02.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3873393> (дата обращения 08.08.2025)

Трамп прямо ссылался на то, что "Китай разрабатывает это оружие", не будучи связанным договором, и США не могут оставаться "единственной страной в мире, ограниченной в развитии этого вида вооружений"¹⁶⁵. С российской точки зрения, использование "китайской карты" США было лишь предлогом, поскольку ДРСМД являлся двусторонним договором и не ограничивал возможности США по созданию ракет средней дальности морского или воздушного базирования для сдерживания Китая в Азии, при условии, что такие ракеты наземного базирования не размещались бы в Европе, что и было главной заботой России.

Кризис вокруг Договора о РСМД развивался постепенно. Еще в период с 2007 по 2013 годы между США и Россией проводились первые закрытые консультации о взаимных озабоченностях по соблюдению договора. Однако переломный момент наступил в июле 2014 года, когда США впервые официально обвинили Россию в нарушении ДРСМД испытаниями крылатой ракеты 9М729.

Последовавший за этим период с 2014 по 2018 год был отмечен безрезультатными дипломатическими нотами (Note Verbale) и рабочими встречами, которые не смогли разрешить нарастающий конфликт. Ситуация резко обострилась 20 октября 2018 года, когда президент США Дональд Трамп публично объявил о намерении страны выйти из договора.

4 декабря 2018 года государственный секретарь США Майк Помпео предъявил России ультиматум, потребовав вернуться к соблюдению ДРСМД в течение 60 дней. Так как этого не произошло, 2 февраля 2019 года США официально приостановили выполнение своих обязательств по договору. В тот же день президент России Владимир Путин объявил о симметричном приостановлении выполнения обязательств со стороны РФ¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Ракеты в свободном полете. Россия вслед за США выходит из договора о РСМД. 04.02.2019.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3873393> (дата обращения 08.08.2025)

¹⁶⁶ Ракеты в свободном полете. Россия вслед за США выходит из договора о РСМД. 04.02.2019.
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3873393> (дата обращения 08.08.2025)

Февраль 2019 года стал точкой невозврата в кризисе вокруг Договора о РСМД. Поводом послужил жесткий ультиматум Вашингтона, требовавшего от Москвы уничтожить ракетный комплекс 9М729 под предлогом нарушения согласованных параметров дальности. Российская сторона, отвергая обвинения, предприняла беспрецедентные шаги по демонстрации прозрачности, организовав серию показов для дипломатов и журналистов.

В попытке доказать свою правоту российские официальные лица детально изложили технические аспекты разработки. Генерал-лейтенант Михаил Матвеевский разъяснил, что ракета 9М729 является модернизацией комплекса «Искандер-М», чьи характеристики ранее не оспаривались. Ключевые усовершенствования, по его словам, были направлены на повышение мощности боевой части и точности наведения, в то время как максимальная дальность, напротив, была сокращена до 480 км.

Несмотря на предложение лично ознакомиться с технической документацией, американские эксперты проигнорировали демонстрацию. Как позже пояснила замгоссекретаря США Андреа Томпсон, внешний осмотр и даже пробный пуск не могли, по мнению Вашингтона, служить достоверным доказательством реальной дальности полета. Скептицизм проявили и ключевые союзники США по НАТО, включая Великобританию, Германию и Францию, которые воздержались от участия в мероприятиях¹⁶⁷.

Официальный выход США из Договора 1 февраля 2019 года был предсказуемым следствием нараставшей конфронтации. В заявлении госсекретаря Майка Помпео прозвучала готовность к будущим договоренностям, но с существенной оговоркой: любые новые соглашения должны полностью соответствовать интересам США и их союзников и включать действенные механизмы проверки. На формирование этой жесткой позиции заметное влияние оказал советник по национальной безопасности

¹⁶⁷ Представители США и НАТО не пришли на брифинг Минобороны России по ракете 9М729. <https://tass.ru/politika/6030677> (дата обращения 08.08.2025)

Джон Болтон, известный своими взглядами против ограничений американского военного потенциала.

В ответ Москва объявила о симметричных мерах. Президент Владимир Путин поручил начать разработку ракет ранее запрещенных классов. При этом до последнего момента Россия предлагала путь к сохранению договора, выдвинув встречные требования. В их числе — ликвидация развернутых в Румынии и планируемых в Польше пусковых установок Мк-41, способных запускать крылатые ракеты «Томагавк», а также некоторых типов ракет-мишеней и ударных беспилотников.

Министр иностранных дел Сергей Лавров детализировал претензии к США, указав на системные нарушения, включая создание инфраструктуры ПРО в Европе, применение запрещенных видов вооружений и несоблюдение ДНЯО в ходе совместных учений с неядерными государствами. Отдельной проблемой было названо выполнение Договора СНВ-3: по словам Лаврова, Вашингтон, выводя из-под учета боеголовки под предлогом конверсии, блокировал возможность России проверить необратимость этих изменений, создавая риски для стратегического баланса.

В качестве конкретных ответных мер министр обороны Сергей Шойгу предложил создать наземную версию ракетного комплекса «Калибр» с дальностью до 2600 км и разработать новые гиперзвуковые ракеты средней дальности на базе «Циркона». Эти проекты получили одобрение на высшем уровне¹⁶⁸.

Крах ДРСМД поставил перед Европой фундаментальный вопрос: не станет ли это началом новой гонки вооружений? Многие европейские лидеры, включая министра иностранных дел Германии Хайко Мааса, открыто заявляли, что безопасность континента не может быть построена на размещении новых ядерных арсеналов. Несмотря на то, что Польша выразила

¹⁶⁸ Минобороны РФ призвало США уничтожить ракеты по ДРСМД. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3875880> (дата обращения 08.08.2025)

готовность разместить у себя американские ракеты, большинство стран НАТО и ЕС, как ожидается, будут блокировать подобные инициативы через многосторонние институты, стремясь избежать полномасштабной милитаризации региона.

Финальной точкой в истории ДРСМД стало 2 августа 2019 года, когда договор официально прекратил свое действие после истечения шестимесячного срока с момента уведомления о выходе.

Решение администрации Трампа о выходе из Договора было воспринято в России как логичное продолжение курса на односторонний демонтаж архитектуры международной безопасности, создававшейся десятилетиями. В российских официальных кругах и экспертном сообществе отмечали, что США последовательно выходили из различных ключевых договоров в сфере контроля над вооружениями (Договор по ПРО в 2002 году, ДРСМД в 2019, Договор по Открытому небу в 2020), стремясь снять любые ограничения на развитие своего военного потенциала и получить односторонние преимущества. При этом российские представители подчеркивали, что Россия до последнего пыталась сохранить Договор, предлагая конкретные пути решения взаимных озабоченностей, включая демонстрацию ракеты 9М729, расширение инспекционных мер и обсуждение вопросов, связанных с системами ПРО и БПЛА, в рамках Специальной контрольной комиссии по ДРСМД — органа, созданного для разрешения споров по Договору.

Позиция России в отношении ДРСМД прошла сложную и многогранную эволюцию — от полной поддержки в начале 1990-х годов до вынужденного принятия решения о выходе в 2019 году, отражая общую траекторию отношений Россия-Запад. Эта эволюция может быть разделена на несколько четких этапов, каждый из которых характеризовался изменением военно-политической обстановки, пересмотром российских национальных интересов и доминированием определенных внешнеполитических концепций.

Первый этап (1991-2000 годы): Стратегическое партнерство и соблюдение обязательств. Этот период характеризуется в целом лояльным

отношением России к Договору в контексте стратегического партнерства с Западом и романтических ожиданий "конца истории". В этот период Россия не только скрупулезно выполнила все обязательства по уничтожению ракет в установленные сроки, но и предпринимала дополнительные шаги в духе Договора, видя в нем один из столпов новой, более безопасной Европы. Несмотря на сложнейшую экономическую ситуацию и фактический развал советской военной машины, Россия продолжала соблюдать все процедуры инспекций, предоставлять необходимую информацию в соответствии с положениями ДРСМД и финансировать работу Специальной контрольной комиссии. В этот период российское руководство еще рассматривало Запад в качестве стратегического партнера и рассчитывало на построение новой, инклюзивной архитектуры европейской безопасности, в которой ДРСМД занимал бы почетное место как символ преодоления раскола континента.

Второй этап (2001-2013 годы): Разочарование и нарастание критики. Этот этап ознаменовался постепенным идеологическим и стратегическим разочарованием российской политической и военной элиты в отношении перспектив равноправного партнерства с Западом. Расширение НАТО на восток (включая перспективу включения Украины и Грузии), выход США из Договора по ПРО в 2002 году, односторонняя война в Ираке в 2003 году и поддержка Западом "цветных революций" привели к фундаментальной переоценке подходов к международной безопасности и роли договоров. В этот период в России начинают все громче звучать голоса военных экспертов и депутатов Госдумы о том, что ДРСМД несправедлив по своей сути, поскольку накладывает ограничения только на две страны (Россию и США), в то время как другие государства, включая соседей России (Китай, Пакистан, Индия, Иран, КНДР), свободно развивают и наращивают арсеналы ракетных комплексов средней дальности, создавая прямую угрозу безопасности РФ. Тем не менее, официальная позиция России, озвученная, в частности, президентом В. Путиным в мюнхенской речи 2007 года, пока остается в рамках соблюдения Договора, хотя уже звучат прямые предупреждения о возможном пересмотре

этой позиции в случае продолжения "подрывающей стратегическую стабильность деятельности" со стороны США, в первую очередь — разворачивания глобальной системы ПРО.

Третий этап (2014-2018 годы): Открытая конфронтация и борьба за ДРСМД. Этот этап напрямую связан с углублением системного кризиса в отношениях Россия-Запад после украинских событий, воссоединения Крыма с Россией и начала гражданской войны на Донбассе. В этот период взаимные обвинения в нарушении ДРСМД выходят из дипломатических кабинетов на публичную арену и становятся регулярным элементом информационного противоборства. В 2014 году США впервые официально и публично заявили о том, что Россия нарушает Договор, проводя испытания запрещенной крылатой ракеты 9М729. Россия ответила контробвинениями, указав на нарушение США Договора путем разворачивания в Европе пусковых установок Мк-41, которые, по утверждению российской стороны, являются "универсальными" и могут использоваться для запуска ударных крылатых ракет. Несмотря на нарастающую конфронтацию, Россия еще предлагает варианты "спасения" Договора, в том числе через усиление мер доверия, взаимную демонстрацию вооружений (как это было с ракетой "Искандер-М" в 2007 году) и многосторонние консультации с участием третьих стран. Однако "окно возможностей" для компромисса стремительно закрывалось на фоне взаимной риторики и санкционного давления.

Четвертый этап (2019 год - по настоящее время): Выход и формирование новой реальности. Этот этап характеризуется принятием окончательного решения о выходе из Договора и его практической реализацией в условиях полного отсутствия доверия. После официального заявления США о выходе из ДРСМД Россия 2 февраля 2019 года также приостановила свое участие в Договоре, а 2 августа 2019 года, после истечения шестимесячного срока, Договор официально прекратил свое действие. В этот период российская позиция окончательно сформировалась вокруг нескольких ключевых тезисов: 1) в новых условиях, когда США открыто работают над созданием ракет

средней дальности и планируют их размещение в Европе и Азии, сохранение односторонних ограничений для России противоречит ее фундаментальным национальным интересам и подрывает ее обороноспособность; 2) ответственность за развал Договора полностью лежит на США, которые не захотели учитывать законные озабоченности России; 3) любые будущие договоренности в этой сфере должны быть многосторонними и учитывать ракетный потенциал всех региональных держав, прежде всего Китая.

Следует отметить, что на всех этапах эволюции российской позиции прослеживается четкая преемственность в базовом подходе: Россия готова соблюдать договоры в области контроля над вооружениями только в условиях строгой взаимности, учета законных интересов безопасности всех сторон и при отсутствии попыток одной из сторон получить односторонние преимущества. Когда же, по оценкам российского руководства, договор перестает отвечать этим критериям и превращается в фикцию или, что хуже, в оружие против безопасности России, она считает себя в праве выйти из него, особенно если другая сторона первой де-факто или де-юре нарушает его условия¹⁶⁹.

Современная позиция России по вопросу ДРСМД была развернуто изложена в ряде заявлений высокопоставленных официальных лиц, включая Президента В. Путина, Министра иностранных дел С. Лаврова и представителей Минобороны, а также в таких документах, как "Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания" (2020). В августе 2025 года МИД России выпустил специальное заявление, в котором констатировалось, что "РФ более не считает себя связанной самоограничениями на развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования" и "констатирует исчезновение условий для сохранения одностороннего моратория". Эта позиция аргументируется тем,

¹⁶⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с докладом США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН). URL: http://www.mid.ru/ru/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/-/asset_publisher/ckorjLVikS61/content/id/3633105#2 (дата обращения 01.09.2025)

что западные партнеры "так и не услышали предостережения Москвы насчет ее решительного противодействия размещению таких ракет в Европе" и продолжили курс на реализацию соответствующих программ. В качестве конкретного примера российские военные эксперты указывают на планы США по размещению в Германии к 2026 году первых сухопутных батарей системы *Typhon* (способной запускать ракеты *SM-6* и "Томагавк") и развертыванию ракет средней дальности *LRHW* (*Dark Eagle*) в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁷⁰.

В ответ на эти действия Россия, по словам военного эксперта Алексея Леонкова, "не только создала, но и запустила в серийное производство и поставила в войска ракетный комплекс с баллистической ракетой средней дальности "Орешник"", а также продолжает модернизацию оперативно-тактического комплекса "Искандер-М"¹⁷¹. Это свидетельствует о том, что Россия не только формально вышла из Договора, но и практически реализует свое суверенное право на создание и развертывание ракет, ранее запрещенных ДРСМД, стремясь ликвидировать возникший было разрыв в этом классе вооружений. При этом российская сторона на всех уровнях подчеркивает, что эти меры носят сугубо вынужденный ответный характер на действия США и их союзников по НАТО и не направлены на развязывание новой гонки вооружений, от ответственности за которую Москва полностью отрекается.

Важнейшим элементом современной российской позиции, официально объявленным в начале июня 2025 года главой МИД РФ Сергеем Лавровым,

¹⁷⁰ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с докладом США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН). URL: http://www.mid.ru/ru/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/-/asset_publisher/ckorjLVikS61/content/id/3633105#2 (дата обращения 01.09.2025);

Россия отказалась от обязательств по ракетам средней и малой дальности. <https://www.rbc.ru/politics/04/08/2025/6890dee79a79474aad308e4e> (дата обращения 01.09.2025);

Ответ официального представителя МИД России М.В.Захаровой на вопрос СМИ в связи с японо-американскими военными учениями *Resolute Dragon* 25. 29.08.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2044016/ (дата обращения 01.09.2025)

¹⁷¹ Эксперт объяснил новую позицию России по РСМД.04.08.2025. URL <https://ria.ru/20250804/rossiya-2033358421.html> (дата обращения 15.08.2025)

является окончательный отказ от одностороннего моратория на развертывание ракет средней и меньшей дальности. Как отметил Лавров, "США уже не откликнутся на предложение России о моратории, они уже вышли из договора, они уже эти ракеты производят, и, более того, они уже их размещают, в том числе на территории Европы, в частности, в Германии". Это решение обосновывается необходимостью поддержания стратегического паритета и стабильности сдерживания в условиях, когда США и НАТО активно развивают и планируют разместить аналогичные вооружения в непосредственной близости от российских границ, что, по оценкам Генштаба РФ, сокращает подлетное время до ключевых объектов в европейской части России до 8-10 минут.

Что касается перспектив возобновления переговоров по контролю над ракетами средней и меньшей дальности, то российская официальная позиция выглядит весьма пессимистичной и скептической. Опыт последних лет, когда, по оценкам российских представителей, многочисленные инициативы и предложения Москвы по сохранению ДРСМД, продлению ДСНВ и другим вопросам контроля над вооружениями либо игнорировались, либо отвергались Западом, привел к формированию в российском истеблишменте устойчивого вывода о бесперспективности и бессмысленности подобных переговоров в обозримом будущем. Вместо этого Россия, судя по ее военной доктрине и программам вооружения, делает стратегическую ставку на разработку асимметричных средств преодоления и развитие новых видов высокоточного оружия, включая гиперзвуковые комплексы "Авангард", "Кинжал" и "Циркон", которые, по замыслу российских стратегов, способны нейтрализовать преимущества потенциального противника в ракетах средней дальности за счет гарантированного преодоления любых существующих и перспективных систем ПРО¹⁷².

¹⁷² Щелоков А. Конец ДРСМД: Россия отменила мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности.

URL: <https://www.mn.ru/smart/konecz-drsmd-rossiya-otmenila-moratorij-na-razvertyvanie-raket-srednej-i-menshej-dalnosti> (дата обращения 01.09.2025)

Подводя **итог** параграфу, необходимо резюмировать следующее. В более широком геостратегическом контексте выход из ДРСМД является частью общей системной тенденции к демонтажу системы договоров по контролю над вооружениями, создававшейся в последние десятилетия "холодной войны" и после ее завершения. Россия, как и США, по сути, возвращается к классической концепции ядерного сдерживания, основанной не на договорных ограничениях и инспекциях, а на способности обеспечить гарантированный неприемлемый ущерб любому агрессору в любых условиях и при любом сценарии развития конфликта. В этой новой, более опасной и менее предсказуемой реальности ракеты средней и меньшей дальности, особенно с учетом развития гиперзвуковых технологий и неядерного оснащения, вновь становятся важным элементом сдерживания и ведения боевых действий в региональных конфликтах, каковыми они были до подписания ДРСМД в 1987 году, что, по сути, означает возвращение к ситуации 1980-х годов, но на новом технологическом витке и в условиях большей международной турбулентности.

Позиция России по реализации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности прошла сложную и драматическую эволюцию — от активной поддержки и видения в нем символа окончания "холодной войны" в конце 1980-х — начале 1990-х годов до вынужденного и мотивированного выхода в 2019 году. Эта эволюция определялась кардинальным изменением геополитической обстановки, пересмотром базовых подходов к международной безопасности в условиях однополярного момента и прямыми действиями других государств, в первую очередь США, которые, по оценкам Москвы, стремились к получению односторонних преимуществ. На всех этапах российская позиция носила в основном реактивный и ответный характер и была обусловлена прагматичным стремлением сохранить

стратегический паритет и национальную безопасность в условиях нарастающей конфронтации с Западом и изменения баланса сил в мире.

История ДРСМД наглядно демонстрирует хрупкость и уязвимость системы международных договоров в сфере контроля над вооружениями, особенно в условиях системного ухудшения отношений между крупными ядерными державами и исчезновения минимального уровня доверия. Российская Федерация, как следует из анализа ее дипломатических инициатив и заявлений, до последнего пыталась сохранить Договор, предлагая конкретные, хотя и ограниченные, пути решения взаимных озабоченностей через механизмы верификации и транспарентности. Однако, по оценкам российского политического и военного руководства, эти усилия не нашли адекватного отклика и доброй воли со стороны США и их союзников, которые, по мнению Москвы, изначально сделали ставку на силовое давление и выход из договора. В результате Россия сочла себя вынужденной и легитимной в своих действиях выйти из ДРСМД, чтобы не оказаться в стратегически уязвимом положении в условиях, когда другие державы, не связанные договорными ограничениями, активно развивают и разворачивают запрещенные ей ранее виды вооружений.

Перспективы возобновления договорного процесса в области ракет средней и меньшей дальности в обозримом будущем, по всей видимости, близки к нулю. Глубокий системный кризис в отношениях Россия-Запад, активное наращивание военных потенциалов по обе стороны разделительной линии, полное отсутствие доверия и разрушение механизмов верификации — все это создает практически непреодолимые препятствия для новых юридически обязывающих договоренностей в духе ДРСМД. Более того, качественное изменение характера вооружений, появление гиперзвуковых комплексов, рост значения киберпространства, космических систем и других новых аспектов конфликта создают принципиально иную военно-стратегическую реальность, в которой классические договоры по контролю над вооружениями, подобные ДРСМД, могут оказаться архаичными и

недостаточно эффективными для сдерживания конфликтов и поддержания стабильности.

Таким образом, позиция России по реализации ДРСМД является концентрированным отражением общей эволюции внешнеполитического курса и философии национальной безопасности страны — от курса на интеграцию с Западом и принятие его правил игры в 1990-е годы к курсу на защиту национальных интересов на основе стратегической самостоятельности и суверенитета в 2000-е годы и, наконец, к курсу на активное противодействие давлению Запада, защиту своих прав на равноправное участие в формировании международной повестки дня и готовность к силовой конфронтации в 2010-2020-е годы. Этот сложный и противоречивый опыт важен для понимания не только прошлого, но и будущего архитектуры международной безопасности, динамики гонки вооружений и того места, которое Россия намерена занимать в этой новой, более конкурентной и опасной глобальной системе.

§2. Позиция России по проблеме противоракетной обороны

Проблема противоракетной обороны (ПРО), центральная для российско-американских отношений конца XX века, уходит корнями в эпоху холодной войны. Переломным моментом стала Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) 1983 года, поставившая под сомнение будущее Договора по ПРО 1972 года. Этот договор был краеугольным камнем стратегической стабильности, основанной на неразрывной связи между наступательными и оборонительными вооружениями. В 1980-е годы СССР решительно отстаивал Договор, что в сочетании с технологической незрелостью СОИ удерживало США от выхода из соглашения.

Распад СССР изменил ситуацию. США, оставшись единственной сверхдержавой, начали продвигать идею национальной ПРО (НПРО) для защиты от ракетных угроз «стран-изгоев», объявив Договор по ПРО

«устаревшим». В 1991 году программа СОИ сменилась на GPALS (защита от ограниченных ударов), также противоречившую Договору.

Россия, напротив, настаивала на сохранении Договора по ПРО как условия для дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений (СНВ). Идея президента Ельцина о создании совместной «глобальной системы защиты» быстро заглохла из-за неготовности сторон к радикальному пересмотру основ стабильности.

Основной проблемой переговоров стало разграничение стратегической ПРО (запрещенной Договором) и тактической ПРО (для перехвата ракет меньшей дальности). США настаивали на поправках, четко разделяющих эти системы. Российская позиция была двойственной: на дипломатическом уровне Москва согласилась на переговоры, но военные эксперты предупреждали, что любые поправки откроют лазейку для создания стратегической ПРО под видом тактической. Подрыв Договора, по их мнению, привел бы к цепной реакции: прекращению сокращений СНВ и росту уязвимости России.

В 1997 году был достигнут компромисс. Президенты Ельцин и Клинтон в Хельсинки:

1. Подтвердили фундаментальную роль Договора по ПРО.
- 2.Согласовали количественные параметры разграничения (стратегической считалась ракета со скоростью свыше 5 км/с).
3. Договорились не разворачивать тактическую ПРО друг против друга¹⁷³.

Однако этот успех был временным. Россия осознавала, что развитие технологий потребует новых консультаций, а ключевые вопросы (например, системы на новых физических принципах) решены не были.

К концу 1990-х США активизировали планы по разворачиванию НПРО. В 1999 году был принят «Акт о национальной ПРО», законодательно

¹⁷³ Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в отношении Договора по противоракетной обороне. 21.03.1997. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voenno_strategicheskie_problem_y/1732041/ (дата обращения 15.09.2023)

закрепивший эту цель. План предполагал создание системы в три этапа с развертыванием радаров и увеличением числа перехватчиков¹⁷⁴.

Официальный аргумент США о защите от «стран-изгоев» в России воспринимался скептически. Подлинной целью Вашингтона считалось стремление обеспечить себе полную свободу действий в региональных конфликтах и создать технологический задел для подрыва российского потенциала сдерживания.

К началу 2000-х годов переговорный процесс зашел в тупик. Компромиссы 1990-х оказались непрочными. США уверенно двигались к созданию НПРО, которая, по мнению России, подрывала основы стратегической стабильности. Фундаментальное противоречие в подходах – ПРО как инструмент защиты от региональных угроз versus ПРО как угроза глобальному паритету – предопределило выход США из Договора по ПРО в 2002 году.

После формального вступления в силу Договора СНВ-2 в 2000 году российская внешняя политика активизировала усилия по защите Договора по ПРО 1972 года. Кремль начал активную кампанию, направленную на консолидацию собственной позиции и поиск поддержки у других международных игроков.

Дипломатические шаги администрации В. В. Путина в этом направлении оказались в определенной степени результативными. Стало очевидно, что позиция США по созданию национальной системы противоракетной обороны не нашла безоговорочной поддержки даже среди ключевых союзников Вашингтона по НАТО. Более того, внутри самой американской администрации при Билле Клинтоне существовал выраженный дуализм. С одной стороны, официальные лица декларировали приверженность договорным обязательствам, а с другой — настаивали на внесении таких

¹⁷⁴ Информационные материалы: О законе США "О национальной противоракетной обороне".25.07.1999. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1719022/ (дата обращения 15.09.2023)

корректив в документ, которые полностью подрывали бы его первоначальную суть.

Осознавая, что чисто негативная реакция на американские инициативы является контрпродуктивной в современных реалиях, Москва предложила альтернативный проект. Его суть заключалась в организации совместной с государствами Западной Европы системы тактической ПРО, способной обеспечить безопасность как России, так и европейских стран от ракетных угроз. Впервые эту идею озвучил В. В. Путин во время визита в Италию в июне 2000 года, сразу после саммита с Б. Клинтоном. Российская сторона предложила итальянскому правительству выступить в роли посредника для обсуждения данного предложения в других столицах Европы¹⁷⁵.

Хотя официально в реализации проекта были предложены участие и «американские партнеры», истинной целью инициативы, по всей видимости, было создание дополнительного дипломатического давления на США с целью сохранения режима Договора по ПРО 1972 года и Протокола к нему 1974 года.

Данная внешнеполитическая акция, как свидетельствуют факты, была тщательно подготовлена и скоординирована с российским военным и дипломатическим ведомствами. Уже спустя несколько дней после ее анонса тогдашний министр обороны РФ И. Д. Сергеев на заседании Совета Россия-НАТО в Брюсселе детализировал российское видение сотрудничества в создании европейской системы ПРО. В перечень потенциальных направлений взаимодействия вошли: совместный анализ масштабов распространения ракетных технологий и оценки потенциальных угроз; выработка единых концепций и планов по развертыванию общеевропейской системы нестратегической ПРО; создание многостороннего центра оповещения о пусках баллистических ракет; организация совместных штабных учений,

¹⁷⁵ Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. С.168-169.

научных исследований и испытаний; разработка и развертывание систем ПРО для защиты миротворческих контингентов и гражданского населения.

При этом Москва подчеркивала готовность к более тесной кооперации, но оговаривала, что это возможно исключительно при условии сохранения Договора по ПРО.

Однако продвижение этой инициативы имело и свои дипломатические издержки. Главной сложностью стала позиция Китая — последовательного сторонника сохранения Договора по ПРО, который полностью солидаризировался с Россией в этом вопросе (что было подтверждено во время визита Путина в Пекин в июле 2000 г.). Однако КНР выступает также против любых программ в области тактической ПРО, поскольку они не подпадают под ограничения Договора 1972 года. Вероятно, именно этим обусловлена региональная направленность российской инициативы — фокус на Европу, несмотря на заявления о готовности к глобальному сотрудничеству.

Что касается стратегических последствий данной инициативы, то ряд российских экспертов выразили сомнения в ее соответствии целям сохранения Договора по ПРО.

Во-первых, сама идея создания тактической ПРО для Европы означала косвенное признание Россией существования ракетной угрозы со стороны так называемых «непредсказуемых» государств. Тем самым Москва невольно соглашалась с тезисом Вашингтона о том, что технические средства ПРО способны нивелировать подобные риски, что по сути легитимизировало американскую аргументацию в пользу развертывания систем защиты.

Во-вторых, при разработке своей позиции Россия, возможно, недооценила, что для США стимулом к созданию ПРО является не только реальная ракетная угроза, но и сам процесс развития технологий противоракетной обороны и их развертывания в разных регионах. С этой точки зрения, появление системы ПРО в Европе могло бы послужить для Вашингтона мощным катализатором для ускорения работ по созданию национальной стратегической ПРО. Чем активнее Европа двигалась бы в этом

направлении, тем сильнее было бы внутреннее давление на американские власти в пользу развертывания полноценной системы обороны на своей территории¹⁷⁶.

В июле 2001 года, во время встречи с российским лидером Владимиром Путиным, американский президент Джордж Буш-младший выступил с инициативой по формированию нового двустороннего соглашения в области противоракетной обороны. Однако предложенная американской стороной модель кардинально отличалась от подходов прежних администраций.

В отличие от своих предшественников-республиканцев, рассматривавших договоры по контролю над вооружениями как краеугольный камень стратегической стабильности, команда Буша-младшего демонстративно дистанцировалась от классических международно-правовых форматов. Для обозначения будущих договоренностей Вашингтон ввел новые термины – «всеобъемлющее соглашение» или «схема», что подчеркивало принципиальный отказ от традиционных обязывающих документов, подобных Договору по ПРО 1972 года.

Обосновывая эту позицию, советник по национальной безопасности Кондолиза Райс отмечала, что в современных условиях нет необходимости вести многолетние перетягивания, характерные для эпохи «непримиримой вражды». По ее мнению, прежняя практика тотального прописывания всех деталей была порождена тотальным недоверием, которое теперь ушло в прошлое.

Среди американских экспертов мнения разделились. Некоторые, как президент Центра оборонной информации Брюс Блэр, поддерживали эксперименты с более гибкими, недоговорными форматами контроля над вооружениями. Однако другие выражали серьезную озабоченность. Они предупреждали, что односторонний отказ Вашингтона от договорной системы

¹⁷⁶ Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. С.170-173.

посылает опасный сигнал другим государствам и может спровоцировать их на денонсацию соглашений, жизненно важных для самих США. Также звучали опасения, что выход из Договора по ПРО подтолкнет Россию к разработке нового поколения ракет с разделяющимися боеголовками.

Даже симпатизировавший новой политике Брюс Блэр критиковал агрессивную тактику администрации, указывая на риски односторонних действий, игнорирующих интересы Москвы и ведущих к глубокому кризису в двусторонних отношениях.

Генри Сокольски, эксперт по контролю над вооружениями, призывал сосредоточиться на фундаментальных целях: предотвращение конфликта, сокращение военных расходов и минимизация рисков для гражданского населения¹⁷⁷.

В мае 2001 года Джордж Буш, выступая в Университете национальной обороны, заявил о решимости развернуть систему ПРО для укрепления глобальной безопасности¹⁷⁸. 13 июня 2002 года США официально вышли из Договора по ПРО. Российская сторона отреагировала сдержанно, поскольку такой шаг ожидался, и ответила выходом из Договора СНВ-2.

В том же году Вашингтон начал переговоры с Великобританией, Данией и другими европейскими странами, включая Украину, о размещении на их территориях элементов своей противоракетной системы.

Страны-члены НАТО в целом поддержали американскую инициативу, хотя их единодушие не было громким. При этом европейские правительства, по мнению аналитиков, недостаточно учли собственные стратегические интересы. На континенте было важно сохранять добрососедские отношения с Россией, учитывая ключевую роль российских энергоресурсов для экономик Европы. Кроме того, вызывали сомнения боевые качества самих

¹⁷⁷ Why Bush's command is not a supporter of contracts about the control over arms. URL:<http://www.csmonitor.com> (дата обращения 20.07.2021)

¹⁷⁸ Российская газета. 2001. 4 мая.

перехватчиков, которые США планировали разместить в Польше, поскольку они не прошли необходимых испытаний¹⁷⁹.

Архитектура глобальной ПРО, по замыслу Пентагона, представляла собой гигантский треугольник с базами на Аляске, в Калифорнии и в Восточной Европе. Европейский сегмент (третий позиционный район) был предназначен для обнаружения и уничтожения баллистических ракет на начальной и средней стадии полета. Также рассматривалось размещение в космосе лазерных систем перехвата. С 2003 года проект начал реализовываться со строительства первых объектов на территории США¹⁸⁰.

Москва отнеслась к планам размещения американской ПРО в Восточной Европе резко негативно. Не оспаривая саму идею создания системы обороны, российская сторона, в лице тогдашнего министра обороны Сергея Иванова, предложила модель совместной эксплуатации на определенных условиях: ненаправленность системы друг против друга, защита интеллектуальной собственности, отказ от милитаризации космоса и обеспечение полной прозрачности. Вашингтон в тот период не проявил готовности к реальному партнерству, что заставило Москву усомниться в истинных целях ПРО. Объяснения Белого дома о противодействии угрозам со стороны Ирана и КНДР выглядели неубедительными¹⁸¹.

В июне 2007 года, в ходе саммита «Большой восьмерки» в германском Хайлигендамме, российская сторона в лице президента В. Путина предложила США стратегический компромисс. Москва готова была предоставить американцам доступ к данным Габалинской РЛС в Азербайджане, арендуемой Россией, а также к новой радиолокационной станции в Краснодарском крае. В обмен Вашингтон должен был свернуть проект по развертыванию элементов

¹⁷⁹ Le Monde. URL:<http://lemonde.fr/vous/article/2007/06/29> (дата обращения 15.09.2021)

¹⁸⁰ Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века). /Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. /Сб. научных трудов, вып. 9. М., 2011. С.51-52.

¹⁸¹ Лобанов Р.О. Указ. соч. С.53-54.

своей системы противоракетной обороны в Польше и Чехии, позиционируемый как защита от иранских угроз¹⁸².

Однако администрация Дж. Буша, проявив интерес к совместной работе на объекте в Габале, не отказалась от первоначальных намерений разместить в Восточной Европе десять ракет-перехватчиков и радар. Российская Федерация расценила такой избирательный подход как неприемлемый, что вызвало встречные обвинения в отсутствии готовности к партнерству. Эти принципиальные расхождения нашли отражение в Сочинской декларации от 6 апреля 2008 года, где констатировалась необходимость дальнейшей работы по преодолению разногласий, включая вопросы ПРО и милитаризации космоса.

Следующая важная веха — встреча в июле 2008 года в Японии между новым российским лидером Д. Медведевым и действующим президентом США Дж. Бушем. Российский президент охарактеризовал тему ПРО как наиболее сложную, выразив озабоченность, что инфраструктура в Чехии и Польше может быть использована против стратегического потенциала России. Его также тревожили слухи о потенциальном размещении элементов ПРО в Литве. В свою очередь, американского президента в большей степени интересовала ситуация в Грузии, что указывало на смещение приоритетов в диалоге и вероятную передачу нерешенных вопросов будущей администрации США. На последовавшей пресс-конференции Буш уклонился от конкретного ответа о прогрессе по ПРО, акцентируя внимание на иранской проблематике, тогда как Медведев констатировал отсутствие подвижек¹⁸³.

Осенью 2008 года Москва предприняла ответный шаг, заявив о возможности развертывания оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер» в Калининградской области. Эта мера оказала значительный

¹⁸² Российская газета – Федеральный выпуск. 2007. 13 окт.

¹⁸³ Встреча с Президентом Соединённых Штатов Америки Джорджем Бушем. 7 июля 2008 г. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021); Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании встречи с Президентом Соединённых Штатов Америки Джорджем Бушем. 7 июля 2008 г. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

эффект на общественное мнение в Чехии и Польше, где прошли массовые протесты: граждане осознали, что их страны превращаются в первоочередные цели в случае конфликта. Политическая реакция не заставила себя ждать — польский президент Л. Качиньский существенно повысил финансовые требования к США за размещение объектов, что в конечном счете способствовало пересмотру американских планов¹⁸⁴.

С приходом к власти Б. Обамы в сентябре 2009 года Вашингтон официально отказался от развертывания элементов ПРО в Польше и Чехии. Новая, многоэтапная концепция европейской ПРО была представлена как более гибкая и ориентированная на реальные угрозы. Она включала размещение корабельных перехватчиков в Средиземном море к 2011 году, развертывание усовершенствованных наземных и морских систем (типа СМ-3) к 2015 и 2018 годам, и их финальную модернизацию к 2020 году. При этом вопросы дислокации ключевых компонентов, таких как радары в Турции, Грузии или Восточной Европе, оставались открытыми¹⁸⁵ (позже радары ПРО будут размещены в Турции и Японии).

Несмотря на видоизменения, российское руководство указывало, что даже обновленная архитектура ПРО способна подорвать потенциал ядерного сдерживания РФ и привести к стратегическому дисбалансу. Для снижения напряженности стороны продолжили переговоры о возможной интеграции России в проект «европейского противоракетного щита». Российская дипломатия, как подчеркивал заместитель министра иностранных дел С. Рябков, настаивала на полностью равноправном участии, совместном принятии решений и обмене данными. В марте 2009 года Москва передала Вашингтону обновленное «пакетное предложение» о создании многосторонней системы мониторинга ракетных пусков. Итогом саммита в

¹⁸⁴ Статья Постоянного представителя России при НАТО Д.О.Рогозина «ПРО как общее дело». URL:<http://www.mid.ru> (дата обращения 26.10.2021)

¹⁸⁵ Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. /Под ред. А.Арбатова и В.Дворкина. С.192-193.

июле 2009 года стало Совместное заявление, в котором стороны подтвердили готовность к сотрудничеству в оценке угроз и созданию Центра обмена данными, однако фундаментальные противоречия так и остались неразрешенными¹⁸⁶.

Попытка выстроить сотрудничество в сфере противоракетной обороны (ПРО) между Россией и Западом, инициированная на лиссабонском саммите Совета Россия-НАТО в ноябре 2010 года, столкнулась с рядом непреодолимых разногласий. Несмотря на декларируемые президентами Д. Медведевым и Б. Обамой намерения создать общую систему, способную защитить пространство Евразии и Северной Америки, в течение последующих 2010-2011 годов консенсус достигнут не был.

Российская Федерация предлагала два варианта взаимодействия: формирование единого оборонного комплекса под совместным управлением либо создание двух автономных, технологически не связанных между собой систем для России и для стран НАТО. Однако генеральный секретарь Альянса А. Расмуссен отклонил саму идею совместного командования. Его аргументация сводилась к тому, что НАТО не имеет права делегировать обязательства по коллективной безопасности государствам, не входящим в блок, заверив при этом, что Альянс не представляет угрозы для России.

С российской стороны, представленной генерал-лейтенантом А. Третьяком из Генштаба ВС РФ, прозвучали серьезные опасения. Ссылаясь на аналитику Министерства обороны, он заявил, что реализация американских планов по ПРО дестабилизирует стратегический паритет между двумя державами и подрывает фундаментальные положения Договора СНВ-3¹⁸⁷.

В поисках компромисса вице-премьер С. Иванов в апреле 2011 года выдвинул идею о предоставлении России права «вето» на применение

¹⁸⁶ Российско-американские отношения (справочная информация). URL:<http://www.mid.ru> (дата обращения 21.10.2021)

¹⁸⁷ New American - Russian race of arms? The front line has run through sphere of antimissile defense. // The Christian Science Monitor. URL:<http://www.csmonitor.com> (дата обращения 29.09.2021)

системы. Данное предложение было категорически отвергнуто американским политическим истеблишментом. Группа из 39 сенаторов в открытом письме в Белый дом расценила подобные уступки как признак «несостоятельности руководства».

Опасения в Конгрессе США относительно возможных договоренностей по ПРО с Москвой вылились в конкретные законодательные инициативы. 26 мая 2011 года, в день очередной встречи лидеров двух стран, Палата представителей приняла постановление, создающее правовые барьеры для передачи России каких-либо противоракетных технологий и запрещающее администрации заключать соглашения, ограничивающие американскую ПРО. Хотя администрация Обамы грозилась наложить вето на пункты, сковывающие выполнение СНВ-3, авторы документа парировали: если договор не ограничивает ПРО, то президенту нечего опасаться, а если ограничивает – значит, его ратификация изначально была основана на обмане.

Финансовые аспекты этого постановления также несли угрозы для процесса разоружения. Выделение полтриллиона долларов на оборону было сопряжено с условиями, затруднявшими выполнение СНВ-3. В частности, запрещалось финансировать утилизацию ядерных боезарядов до подтверждения модернизации оставшегося арсенала. Другая норма лишала главнокомандующего права менять ядерную стратегию или выводить из Европы определенные вооружения без одобрения Конгресса¹⁸⁸.

В мае 2011 года президент Медведев, направляя послания лидерам стран НАТО, акцентировал, что истинная эффективность европейской ПРО достижима лишь при равноправном участии России. Он настаивал на юридически обязывающих гарантиях, что развертываемые системы не нарушат стратегический баланс и не будут нацелены против РФ. На полях саммита «Большой восьмерки» во Франции состоялся его диалог с Б. Обамой,

¹⁸⁸ «Кнопка перезагрузки» или «красная кнопка»? URL: http://www.inopressa.ru?article/02/jun2011/washtimes/reset_pro.html. (дата обращения 20.07.2021)

в ходе которого американский лидер подтвердил приверженность поиску взаимоприемлемой конфигурации ПРО¹⁸⁹.

Примечательно заявление Медведева для прессы, в котором он обозначил 2020 год как некий рубеж, к которому стороны обязаны найти компромисс. Как пояснил тогдашний советник Совбеза США М. Макфол, это был «маркер», предупреждающий о риске «более мрачных сценариев» в случае провала. Еще одной точкой преткновения оставался вопрос обмена секретными технологиями, который уже в апреле 2010 года вызвал резкий протест 39 конгрессменов-республиканцев, потребовавших от Обамы гарантий неразглашения данных о ПРО Москве¹⁹⁰.

В середине 2011 года дипломатический диалог между Москвой и Вашингтоном по вопросу создания совместной системы противоракетной обороны (ПРО) зашел в тупик. Переговоры, прошедшие в столице США, не принесли ожидаемого прорыва. Российская сторона последовательно отстаивала принцип равноправного участия, категорически отвергая роль статиста. Как образно выразился тогдашний постпред РФ при НАТО Дмитрий Рогозин, Россия стремилась быть не «пассивным наблюдателем, вззирающим на действия американцев, подобно туристу в планетарии», а полноценным партнером.

Ключевым камнем преткновения стала проблема гарантий. Москва настаивала на получении юридически обязывающих документов, которые бы подтвердили, что развертываемая ПРО не будет направлена против стратегического ядерного потенциала России. Однако, как отмечал замминистра иностранных дел Сергей Рябков, администрация Барака Обамы

¹⁸⁹ Rozen James. Medvedev has made the amazing statement about Antimissile defense the USA. URL:<http://foxnews.com> May, 27, 2011 (дата обращения 15.09.2021);

Послания главам государств – членов Совета Россия–НАТО. 14 мая 2011. URL:<http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)

¹⁹⁰ Rozen James. Medvedev has made the amazing statement about Antimissile defense the USA. URL:<http://foxnews.com> May, 27, 2011. (дата обращения 05.07.2021)

в силу внутривнутриполитических причин не была готова предоставить такие обязательства¹⁹¹.

Российские опасения подпитывались масштабами и сроками реализации американских планов. Стремление США развернуть продвинутую систему уже в текущем десятилетии, по мнению Москвы, свидетельствовало о том, что ее истинной целью являлось не сдерживание гипотетических угроз со стороны Ирана, а создание рисков для российских сил сдерживания. В интервью Le Figaro Дмитрий Рогозин прямо заявил, что альянс, отказываясь от подлинного сотрудничества, продолжает руководствоваться логикой холодной войны.

Поскольку проект единого противоракетного щита был отклонен, российская сторона предложила альтернативу: создание двух отдельных, но технически сопряженных систем. Данная концепция предполагала, что натовская ПРО не будет распространять свое действие на территорию России, а между центрами оповещения будет налажена прямая связь для исключения ракетных пусков в условиях крайне ограниченного времени на принятие решений. Рогозин выразил недоумение пассивностью европейских стран, которые, соглашаясь с резонами Москвы, перекладывали всю ответственность на Вашингтон¹⁹².

Напряжение достигло такого уровня, что Москва была вынуждена заявить о возможных асимметричных ответных мерах. Со страниц газеты «Коммерсант» прозвучало предупреждение о потенциальном выходе России из Договора СНВ-3 и передислокации ракетных комплексов вблизи границ НАТО в случае, если ее озабоченности проигнорируют¹⁹³.

Американская сторона, в лице госсекретаря Хиллари Клинтон, на встречах с главой МИД РФ Сергеем Лавровым уверяла в оборонительном и локальном характере своей системы, нацеленной на ракеты малой и средней дальности. Тем не менее, Россию тревожил заключительный этап

¹⁹¹ [The Washington Post](#). July, 22 2011

¹⁹² Le Figaro. URL:<http://lefigaro.fr/international/2011/07/06> (дата обращения 05.07.2021)

¹⁹³ «Оба сценария предполагают определенную цену и сопряжены с рисками»
URL:<https://www.kommersant.ru/doc/5181967> (дата обращения 05.07.2025)

американской программы – «Поэтапного адаптивного подхода», предусматривавший размещение к 2020 году противоракет, способных перехватывать межконтинентальные баллистические ракеты.

Генсек НАТО Андерс Фог Расмуссен пытался смягчить ситуацию, называя жесткую риторику элементом обычного переговорного процесса и предлагая России утешиться «практическим вовлечением» в проект вместо юридических гарантий. Однако, как четко обозначил Владимир Путин, размещение элементов американской ПРО у российских рубежей было бы расценено как прямая угроза, вынуждающая к принятию ответных мер. «Это не наш выбор, — подчеркивал он, — мы просто констатируем неизбежные последствия в случае провала переговоров о совместной работе»¹⁹⁴.

В период, предшествующий 2014 году, в рамках диалога между Россией и Соединенными Штатами, а также в формате Россия-НАТО, обсуждался ряд сценариев кооперации в области противоракетной обороны. Среди них можно выделить четыре ключевых направления:

1. Интеграция потенциала двух стран через формирование общего центра оповещения о пусках баллистических ракет. Это подразумевало объединение информационных ресурсов систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН) обеих держав.

2. Разработка и развертывание единой системы ПРО, которая создавалась бы совместными усилиями российских и американских специалистов.

3. Предоставление Российской Федерации особых полномочий, а именно – права блокировать решения о применении противоракетных средств в рамках архитектуры НАТО.

¹⁹⁴ Clover Charles. Western bid to allay Russia's missile concerns. URL:<http://www.ft.com/cms> (дата обращения 05.07.2022);

Серова Н. Америка напрашивается на «злого следователя». URL:<http://www.utro.ru/articles/2010/12/16/944221.shtml> (дата обращения 05.07.2021)

4. Интенсификация развития национального потенциала, направленная на качественное усиление российских систем противовоздушной и противоракетной обороны.

Анализ этих вариантов показывает, что наибольшие шансы на практическую реализацию имел первый, интеграционный сценарий. Что касается четвертого пути, связанного с укреплением собственного оборонного щита, то его следствием неизбежно становился новый виток гонки вооружений. Данная мера, однако, могла быть оправдана необходимостью модернизации российских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) для гарантированного преодоления перспективных систем ПРО потенциального противника.

Сложившаяся ситуация требовала ответных мер по нескольким причинам. Во-первых, действия США, вышедших из ряда договоренностей на фоне восприятия снижения мощности российских стратегических ядерных сил (СЯС), изменили стратегический ландшафт. Во-вторых, сама позиция Вашингтона на переговорах демонстрировала отношение к России как к стороне, не обладающей достаточной военно-стратегической весомостью. В этих условиях для Москвы стала задача по наращиванию боеготовности не только своих СЯС, но и Вооруженных Сил в целом¹⁹⁵.

В период с 2014 года проблема противоракетной обороны (ПРО) оставалась одним из ключевых факторов, влияющих на глобальную стратегическую стабильность. Основной конфликт заключался в противоречии между стремлением американской стороны и НАТО к обеспечению своей безопасности через развертывание систем ПРО и угрозой этого курса национальной безопасности России и стратегическому потенциалу сдерживания.

Несмотря на дипломатические консультации в 2011 году, включая обсуждение возможности создания совместных центров по ПРО, прогресс в

¹⁹⁵ Каширина Т.В. Указ.соч.С.525-528.

переговорах был заблокирован. Развертывание США элементов ПРО в Восточной Европе и планы по их размещению в Азиатско-Тихоокеанском регионе Москва и Пекин расценили как шаг, подрывающий стратегический паритет и региональную стабильность. Интенсивное развитие и модернизация систем ПРО США, согласно их национальной политике, привели к тому, что российское руководство неоднократно заявляло о нарушении сложившегося ядерного паритета.

Напряженность достигла пика, когда в феврале 2023 года Россия приостановила участие в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). Исследователи Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) констатировали, что к 2025 году эпоха сокращения ядерного оружия завершилась и началась новая опасная гонка вооружений. Действие СНВ-3 истекает в феврале 2026 года, и переговоры о его продлении или замене не ведутся, что создает правовой вакуум в области контроля над вооружениями.

Таким образом, ключевыми проблемами и вызовами на современном этапе в контексте проблемы ПРО стали:

- подрыв стратегической стабильности - развитие ПРО одной из сторон было воспринято другой как элемент стратегии, нацеленный на обеспечение возможности нанесения обезоруживающего первого удара с последующим перехватом уцелевших сил ответного удара. Это прямо угрожает основе доктрины взаимного гарантированного уничтожения (MAD), которая десятилетиями служила краеугольным камнем сдерживания;
- качественное усложнение угроз - за указанный период спектр угроз, с которыми должны бороться системы ПРО/ПВО, значительно расширился. Помимо традиционных баллистических ракет, теперь необходимо противостоять гиперзвуковым маневрирующим боевым блокам, массовым атакам относительно тихоходных и малозаметных дронов-камикадзе, а также крылатым ракетам. Например, массированное применение

дешевых барражирующих боеприпасов, таких как «Герань-2», представляет серьезный вызов даже для продвинутых систем ПВО;

- кризис режима контроля над вооружениями - проблема ПРО стала одной из главных причин кризиса и последующего коллапса системы двусторонних российско-американских соглашений по контролю над вооружениями. Отсутствие договоренностей по ПРО сделало невозможным дальнейшее ограничение стратегических наступательных вооружений;
- региональная дестабилизация - планы США по созданию глобальной системы ПРО, включая размещение ее элементов в Восточной Европе и АТР, были восприняты не только Россией, но и Китаем как угроза их потенциалу сдерживания. Это способствовало сближению Москвы и Пекина, в том числе в сфере военно-технического сотрудничества, например, в создании единой системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН).

В 2000-2024 гг. проблема ПРО не разрешилась, а трансформировалась в одну из составляющих новой, более опасной и технологически сложной гонки вооружений. Эта гонка теперь включает не только традиционные ядерные арсеналы, но и новые технологии, такие как искусственный интеллект, гиперзвуковое оружие, киберсредства и космические системы, что создает дополнительные источники нестабильности.

Позиция России по проблеме противоракетной обороны (ПРО) после 2014 года сформировалась под влиянием обострения отношений с Западом и характеризуется рассмотрением систем ПРО как прямой угрозы стратегической стабильности, а также активными мерами по разработке средств их преодоления и созданию собственных оборонительных систем в кооперации с союзниками по ОДКБ.

Официальный взгляд России на угрозы, связанные с ПРО, закреплён в Военной доктрине Российской Федерации, утверждённой 25 декабря 2014 года. В ней прямо указаны следующие основные внешние военные опасности: создание и развертывание систем стратегической ПРО рассматривается как действие, подрывающее глобальную стабильность и нарушающее

сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере; эта деятельность наряду с реализацией концепции «глобального удара» и намерением разместить оружие в космосе представляет собой комплекс мер, направленных на подрыв стратегического паритета¹⁹⁶.

В мае 2025 года президент США Д.Трамп анонсировал проект создания системы ПРО «Золотой купол». Это масштабный проект США по созданию многоуровневой системы защиты для перехвата баллистических, гиперзвуковых и крылатых ракет на подлете к территории страны. Вот ключевая информация о ней.

Проект предполагает создание комплексного «щита», использующего датчики и перехватчики, размещенные на земле, на море и в космосе. Главная цель — перехватывать ракеты противника на самом раннем, разгонном участке траектории, когда их полет наиболее предсказуем. Включает четыре уровня защиты: космический эшелон -спутники для обнаружения, отслеживания и целеуказания, а также космические перехватчики; три наземных эшелона -различные системы перехвата, радары и, возможно, лазерное оружие для поражения целей на разных этапах полета.

В отличие от предложенной в 1980-х годах «Стратегической оборонной инициативы» («Звездных войн»), «Золотой купол» позиционируется как новый проект, который будет опираться на современные технологии, включая искусственный интеллект для управления огнем.

Президент Дональд Трамп заявил о намерении развернуть систему до окончания своего срока, то есть к 2029 году. Однако многие эксперты и представители промышленности относятся к этим срокам скептически, ожидая, что создание полноценной системы займет больше времени. Компания Lockheed Martin, например, планирует провести орбитальную демонстрацию перехватчика лишь к 2028 году.

¹⁹⁶Военная доктрина Российской Федерации
(в редакции от 25 декабря 2014 г.)
URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения 15.08.2025)

Проект вызывает серьезную озабоченность у России и Китая. Официальные лица России расценивают его космический компонент как дестабилизирующий и заявляют, что он отдаляет перспективу диалога по стратегической стабильности. Аналитики полагают, что реализация «Золотого купола» может спровоцировать новую гонку вооружений, особенно в космической сфере и в области разработки гиперзвукового оружия, поскольку другие ядерные державы будут вынуждены искать способы преодоления этой системы¹⁹⁷.

Эксперты указывают на серьезную угрозу развязывания глобальной гонки вооружений в связи с развертыванием системы «Золотой купол». Существующие на сегодняшний день угрозы ракетного нападения уже могут быть нейтрализованы Вашингтоном с помощью имеющегося в его распоряжении арсенала. Как полагает Уильям Хартунг, аналитик американского Института ответственного государственного управления «Куинси», наиболее эффективным способом защиты от ядерных ракет является не создание непроницаемого щита, а работа по предотвращению самого факта их применения. Для этого, по его убеждению, необходимы активизация переговорного процесса между США и Россией в сфере контроля над вооружениями, а также налаживание диалога с Китаем, касающегося перспектив разработки ядерных арсеналов.

Параллельно с этим китайское издание SCMP сообщило о создании в Китае микроволнового оружия, по своему внешнему виду напоминающего «Звезду смерти».

Разработка подобных оборонительных систем неминуемо вызывает закономерную озабоченность других государств, касающуюся их национальной безопасности. Подобные опасения уже были официально высказаны представителями России и Китая. По итогам встречи Владимира

¹⁹⁷ Как США собираются создать крупнейшую в мире систему ПРО.

Вашингтон объявил о запуске проекта «Золотой купол».

URL:<https://www.rbc.ru/politics/31/05/2025/683974e49a794732c97f6238> (дата обращения 15.08.2025)

Путина и Си Цзиньпина, обе стороны едины во мнении, что развертывание Вашингтоном ничем не сдерживаемой системы ПРО фактически означает «окончательный и бесповоротный отказ» от понимания неразрывной связи между стратегическими оборонительными и наступательными вооружениями. Кроме того, Москва и Пекин обращают внимание на то, что в рамках данной системы планируется размещение ударных вооружений в космическом пространстве. Как подчеркивают в обеих столицах, «это приведет к превращению космоса в новую арену для ведения вооруженной борьбы»¹⁹⁸.

Подводя **итог** параграфу, необходимо резюмировать следующее. Поскольку существующие договоры в области ПРО были нарушены (США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО в 2002 году), Россия в качестве ответной меры сделала ставку на разработку новых видов стратегического оружия, способного преодолевать любую систему ПРО.

Как заявил Президент РФ Владимир Путин в 2018 году, односторонний выход США из Договора по ПРО заставил Россию «напряженно работать над перспективной техникой и вооружением».

Результатом этой работы стал «большой шаг в создании новых образцов стратегического оружия», ключевым элементом которого является ракетный комплекс РС-28 «Сармат». Эта тяжелая межконтинентальная баллистическая ракета призвана гарантированно обеспечить преодоление всех существующих и перспективных систем противоракетной обороны.

Еще одним направлением политики России является укрепление совместной обороны с союзниками через создание объединенных региональных систем ПРО в рамках СНГ и ОДКБ. В объединенной системе ПВО/ПРО участвуют Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Проводятся совместные тренировки для отработки применения сил ПВО. Создание таких систем, например, с

¹⁹⁸ Сысоев И. С какими сложностями столкнутся США при создании революционной системы ПРО "Золотой купол". 21.05.2025. [URL:https://rg.ru/2025/05/21/pod-nebom-golubym-est-kupol-zolotoj.html](https://rg.ru/2025/05/21/pod-nebom-golubym-est-kupol-zolotoj.html) (дата обращения 15.08.2025)

Таджикистаном, рассматривается экспертами как способ повышения надежности охраны границ и создания «буферной зоны» для прикрытия подступов к территории России, особенно в свете нестабильности в Афганистане.

Проблема ПРО тесно переплетена с другими аспектами контроля над вооружениями. В 2014 году США впервые публично обвинили Россию в нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 года в связи с испытаниями новой крылатой ракеты. Россия, в свою очередь, неоднократно заявляла, что Договор по РСМД устарел и носит дискриминационный характер, поскольку ограничивает только две страны, в то время как другие государства подобным оружием обладают. Эта взаимная риторика и обвинения усугубляют общую атмосферу недоверия, в которой вопросы ПРО воспринимаются особенно остро.

Позиция России по проблеме ПРО является частью более широкого подхода к национальной безопасности, основанного на сохранении стратегического паритета. Поскольку диалог с США и НАТО по этим вопросам заблокирован, Москва продолжит курс на развитие ударных систем для преодоления ПРО и укрепление собственных оборонительных систем в кооперации с политически близкими государствами.

В заключение к главе необходимо резюмировать следующее. Основной причиной прекращения действия ДРСМД со стороны России в 2019 году было обвинение США в несоблюдении договора. Москва заявляла, что американская система ПРО Aegis Ashore, развертываемая в Румынии и Польше, с использованием пусковых установок Mk 41, может применяться для запуска ударных крылатых ракет, что являлось бы прямым нарушением договора. Кроме того, Россия указывала на то, что двусторонний характер ДРСМД перестал отвечать реальности, поскольку ракеты средней и меньшей дальности разрабатывали и развертывали другие державы, не связанные договором, в первую очередь Китай.

Прекращение действия ДРСМД ознаменовало собой окончательный демонтаж системы контроля над вооружениями и переход к доминированию эскалации. На смену договоренностям пришла новая фаза технологической гонки, в которой Россия сделала ставку на разработку и развертывание новых ракетных систем, включая гиперзвуковые, что позволило ей сохранить равные с США стратегические позиции.

На протяжении всего рассматриваемого периода Россия последовательно оценивала развертывание США глобальной системы ПРО как прямую угрозу своему потенциалу сдерживания. Москва считала, что даже ограниченная система ПРО, создаваемая Вашингтоном, подрывает стратегический паритет, так как потенциально способна нейтрализовать ответный удар российских стратегических сил. Это давало бы США «возможность нанесения обезоруживающего удара» и дестабилизировало глобальную безопасность.

Проблема ПРО стала одним из основных факторов, затормозивших дальнейшие шаги по разоружению. Угроза со стороны американской ПРО являлась одной из главных причин, по которым Россия была вынуждена сохранять и модернизировать свой ядерный арсенал, а также выходить из договоров, которые более не обеспечивали ее безопасность в условиях развития новых технологий Вашингтоном.

В ответ на развитие США системы ПРО Россия сделала ставку на качественное технологическое превосходство. Были разработаны и приняты на вооружение новые виды вооружений, призванные преодолевать любую существующую и перспективную систему ПРО. К ним были отнесены, в частности, гиперзвуковые комплексы «Авангард» и «Кинжал», которые, как заявлялось, обеспечивают гарантированное преодоление противоракетной обороны и являются асимметричным ответом на вызовы в этой сфере.

В целом, политика России в 2000-2024 гг. в областях, связанных с ДРСМД и ПРО, характеризуется следующими фундаментальными тенденциями:

- от партнерства к конфронтации - отход от формата сотрудничества с Западом в сфере контроля над вооружениями к силовой конфронтации, где новые виды вооружений рассматриваются как ключевой инструмент обеспечения безопасности и дипломатического давления.
- приоритет стратегического паритета - готовность в одностороннем порядке выходить из международных договоров, которые подрывают стратегическую стабильность и наносят ущерб национальной безопасности России.
- доктринальная трансформация - ядерное оружие и продвинутые ракетные системы в публичной риторике стали рассматриваться не только как инструмент сдерживания глобальной войны, но и как фактор сдерживания и деэскалации крупномасштабных конфликтов обычными вооружениями.

Заключение

В результате исследования необходимо сделать следующие выводы.

1. Политика России в 2000-2024 гг. прошла *два периода*, водоразделом между которыми лежит усиление конфронтации между Россией и США, ядерными супердержавами и основными партнерами в сфере сокращения вооружений, на волне углубления российско-украинского кризиса. *Первый период* - в 2000-2013 гг. - характеризовался выработкой Россией внешнеполитического курса в условиях сложившейся неблагоприятной международной конъюнктуры. Ключевыми вызовами национальной безопасности стали поступательная экспансия блока НАТО, односторонний выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО 1972 года, а также планы Вашингтона по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе в непосредственной близости от российских рубежей. В ответ на эти угрозы руководство страны в лице президентов Д.А. Медведева и вернувшегося к власти в 2012 году В.В. Путина сконцентрировалось на решении задач по усилению боеготовности Вооруженных Сил, развитию потенциала воздушно-космической обороны и модернизации арсенала стратегических ядерных сил.

В данный период произошли следующие фундаментальные изменения. Во-первых, смена внешнеполитической парадигмы. Произошел сознательный отход от курса 1990-х годов, который отличался американоцентричностью и нечеткостью в определении национальных приоритетов. С утверждением Концепции внешней политики в 2000 году был взят ориентир на построение многополярной мировой системы, где прагматичное и последовательное отстаивание российских государственных интересов стало безусловным приоритетом. В этом контексте механизмы контроля над вооружениями стали рассматриваться не как способ уступок, а как инструмент укрепления стратегической стабильности. Во-вторых, утверждение ядерного оружия как основы безопасности. Роль стратегических ядерных сил была законодательно закреплена в качестве краеугольного камня обороноспособности и

внешнеполитического влияния (что отражено в Военных доктринах 2000 и 2010 годов). Доктрина ядерного сдерживания, претерпевая определенную эволюцию, сохранила свою основу: ядерный потенциал рассматривался как главный фактор, предотвращающий крупномасштабную агрессию против России. В-третьих, зафиксирована проблема взаимосвязи СНВ и ПРО. Ключевым противоречием в диалоге с США с начала 2000-х стало намерение американской стороны создать глобальную систему ПРО. Российская Федерация заняла принципиальную позицию, настаивая на юридически закреплённом соглашении, ограничивающем возможности ПРО, поскольку ее развертывание расценивалось как подрыв сложившегося стратегического баланса. Лейтмотивом российской дипломатии стала формула: без договоренностей по ограничению ПРО не может быть и речи о новых соглашениях по стратегическим наступательным вооружениям. В-четвертых, произошел переход к требованию многосторонних форматов. Сложившаяся биполярная модель разоруженческого процесса (Россия – США) была признана не отвечающей современным реалиям. Начиная с Концепции внешней политики 2008 года, Москва стала активно продвигать идею подключения к переговорам по контролю над вооружениями других ядерных держав, таких как Великобритания, Франция и Китай. Этот шаг стал практическим воплощением курса на формирование многополярного миропорядка. В-пятых, закрепилось использование контроля над вооружениями как инструмента политического торга. Российский подход не был направлен на разоружение как таковое. Сокращение вооружений рассматривалось в качестве элемента «стратегического торга» для достижения более широких внешнеполитических целей. Яркими примерами служат приостановление действия Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ) в 2007 году для оказания давления в связи с расширением НАТО, а также увязка любых новых договоренностей по СНВ с обязательным учетом факторов ПРО. В-шестых, обозначилась тактическая «перезагрузка» и ее пределы. Инициатива администрации Барака Обамы по «перезагрузке»

двусторонних отношений, результатом которой стало подписание Договора СНВ-3 в 2010 году, была воспринята Москвой как тактическая пауза, а не стратегический разворот. Принятая в 2013 году Концепция внешней политики четко обозначила «красные линии», определив, что дальнейшее сокращение ядерных арсеналов невозможно без учета вопросов ПРО и вовлечения в процесс других обладателей ядерного оружия. К этому времени стало очевидно, что базовые противоречия (по ПРО, НАТО, региональным конфликтам) не устранены, и фаза конструктивного взаимодействия с Вашингтоном подошла к концу. В-седьмых, произошло становление суверенной и прагматичной модели. К 2013 году политика России в сфере контроля над вооружениями окончательно освободилась от идеалистических представлений 1990-х годов. Она трансформировалась в жесткий, прагматичный инструмент, нацеленный на принуждение Запада к равноправному диалогу. Ее конечной целью стало не просто сокращение вооружений, а формирование новой, более справедливой, с российской точки зрения, архитектуры глобальной безопасности, в которой интересы Москвы учитывались бы на паритетных началах с интересами США и НАТО.

Таким образом, период 2000–2013 годов стал временем становления и консолидации самостоятельной внешнеполитической линии России в области контроля над вооружениями. Эта политика, базирующаяся на жестком прагматизме и защите национального суверенитета, рассматривала международные договоры как значимый, но не единственный элемент обеспечения безопасности в условиях углубляющегося противостояния с западными странами.

Второй период - с 2013 по 2024 гг. - ознаменовался кардинальной трансформацией российского подхода к вопросам контроля над вооружениями. На смену прежней парадигме партнерства с западными странами пришла модель, основанная на принципах конфронтации и стратегического сдерживания. Переломным моментом, определившим этот разворот, стал 2014 год, после которого отношения с Западом вступили в фазу

открытой геополитической конкуренции. В ответ на такие шаги, как расширение альянса НАТО, развертывание системы противоракетной обороны и демонтаж ключевых договоров, Россией были предприняты меры оборонительного характера, направленные на нейтрализацию воспринимаемых угроз ее национальной безопасности.

В этих условиях Российская Федерация сформулировала новую стратегию, жесткую и обусловленную рамками разоруженческой политики. Ее суть заключается не в отказе от самого института контроля над вооружениями, а в выдвижении ряда обязательных требований. Центральными из них являются: неукоснительное соблюдение принципа взаимности и военного паритета, исключающее любые формы односторонних уступок; комплексный учет всех факторов стратегической стабильности, включая не только ядерные арсеналы, но и потенциал высокоточного неядерного оружия, силы ПРО, космические вооружения и концепции «глобального удара»; урегулирование проблемной ситуации с глобальной системой ПРО США, которая расценивается как подрыв основ паритета; а также переход к многостороннему формату переговоров с участием всех ядерных держав, таких как Великобритания, Франция и Китай.

Одновременно произошла фундаментальная переоценка роли ядерных сил. Ядерное оружие было официально закреплено в качестве основного гаранта государственного суверенитета и универсального инструмента сдерживания, применяемого как против ядерных, так и против масштабных обычных угроз. Эволюция доктринальных установок, нашедшая отражение в редакциях Военной и ядерной доктрины 2014, 2020 и 2024 годов, привела к расширению и детализации критериев возможного применения ядерного оружия. В их число вошли ситуации, возникающие в результате обычной агрессии, но несущие угрозу самому существованию государства, а также практика распространения ядерных гарантий на территории союзных государств, как в случае с Беларусью.

Для сохранения стратегического баланса в условиях наращивания военных потенциалов стран НАТО Россия избрала курс на технологическую модернизацию и разработку асимметричных средств противодействия. В рамках масштабной военной реформы был осуществлен качественный рывок в развитии вооружений, продемонстрированы уникальные комплексы, подобные гиперзвуковому «Авангарду», подводному аппарату «Посейдон» и авиационному ракетному комплексу «Кинжал». Эти системы призваны эффективно нейтрализовать технологическое превосходство потенциального противника и гарантировать неизменность паритета.

Ключевым следствием общего кризиса доверия стала системная деградация международно-правовой базы в сфере безопасности. Российская сторона характеризует свои шаги — такие как приостановка действия Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), выход из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и приостановка участия в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-III) — как вынужденные ответные меры на деструктивные действия Вашингтона и его союзников, приведшие к «развалу системы международного права».

Таким образом, за указанное десятилетие политика России в области контроля над вооружениями претерпела радикальные изменения, превратившись из кооперативной в жестко-оборонительную. Ее краеугольным камнем стало безусловное поддержание военного паритета любыми доступными средствами в обстановке, которую Москва квалифицирует как враждебную по отношению к ее коренным интересам безопасности. В новой концепции разоружение утратило статус самоцели и рассматривается исключительно как потенциальный инструмент, применение которого возможно лишь при полном и безоговорочном выполнении всех выдвинутых Россией условий, что в обозримой перспективе представляется маловероятным.

2. На протяжении 2000-2024 гг. подход Российской Федерации к вопросам контроля над вооружениями кардинально изменился. Изначальная установка на стратегическое взаимодействие с западными странами, актуальная для начала 2000-х годов, постепенно уступила место доктрине сдерживания в контексте углубляющегося геополитического противостояния. От идентификации в рамках «демократической солидарности» и стремления к встраиванию в западные механизмы безопасности Москва перешла к жесткой позиции, что было спровоцировано такими факторами, как поступательная экспансия НАТО и создание элементов системы ПРО в непосредственной близости от российских рубежей. В текущих условиях ядерный потенциал официально трактуется как инструмент противодействия военным альянсам, видящим в России стратегического противника.

Обновленный вариант ядерной доктрины, представленный в 2024 году, содержит более детализированные и расширенные критерии для возможного применения ядерного оружия. Ключевым отличием от версии 2020 года стало прямое указание на то, что масштабная атака с использованием конвенциональных вооружений на Россию или ее союзника — Республику Беларусь, ставящая под вопрос их государственный суверенитет, может спровоцировать ядерный контрудар. Данная корректировка знаменует усиление российских обязательств перед партнерами в общей архитектуре сдерживания.

Современная российская военно-политическая мысль интегрировала в расчеты появление новых видов вооружений, оцениваемых как серьезные угрозы национальной безопасности. В их числе — гиперзвуковые комплексы, ударные БПЛА, высокоточное оружие неядерного класса и космические системы. В качестве асимметричного ответа Москва ведет активные разработки собственных перспективных образцов военной техники. Такие системы, как гиперзвуковая ракета «Циркон» или ракетный комплекс «Орешник», презентуются как высокоэффективные неядерные средства

сдерживания, чья разрушительная мощь способна сравниться с тактическим ядерным оружием.

Адаптация российской политики была неизбежна в свете разрушения устоявшейся за долгие годы системы международных договоров по контролю над вооружениями (например, ДОВСЕ и ДРСМД). В этой ситуации произошел закономерный отказ от восприятия ограничений как безусловной ценности и переход к курсу на укрепление национального оборонного потенциала. Это, в свою очередь, актуализировало вопрос о критической необходимости мобилизационных резервов в экономике и промышленном секторе. Опыт новейшего времени продемонстрировал, что современное противостояние сопряжено с огромным расходом материальных средств, что требует от ВПК способности к оперативному переходу на рельсы массового производства.

Реагируя на политику изоляции, проводимую «коллективным Западом», Москва взяла курс на укрепление собственной системы союзов и сфер влияния. В официальных стратегических документах, включая обновленную ядерную доктрину, фокус сместился на сдерживание не конкретных государств, а крупных военных коалиций в целом. Параллельно Россия наращивает сотрудничество в рамках постсоветских интеграционных структур (ОДКБ, ЕАЭС), а также с другими не-западными мировыми центрами силы, что отражает ее стремление к построению многополярной модели глобальной безопасности.

Таким образом, трансформация российской позиции в сфере контроля над вооружениями наглядно иллюстрирует переход от попыток интеграции в западную систему безопасности к суверенной и жесткой политике сдерживания. Эта новая стратегия базируется на интенсивном развитии передовых военных технологий, а также на активном укреплении региональных союзнических отношений.

3. Постбиполярный период ознаменовался для России значительным сокращением ее геополитических позиций, что выразилось в утрате глобального веса и усилении угроз на региональном уровне. В этих условиях

именно ядерный щит продолжил выступать ключевым гарантом национальной безопасности, а также основой для диалога с Соединенными Штатами как равной ядерной державой. Тем не менее, эволюция двусторонних отношений в 1990-х и 2000-х годах протекала на фоне принципиального расхождения в стратегических подходах обеих сторон.

Смена администрации в Вашингтоне и приход к власти Джорджа Буша-младшего привели к кардинальному изменению американского курса. США отказались от парадигмы договорных ограничений, взяв ориентацию на односторонние шаги. Ярким проявлением этой политики стал демарш США в отношении Договора по ПРО, который, однако, не помешал подписанию Договора о СНП. Данное соглашение носило скорее декларативный характер, поскольку его фундаментальными изъянами являлись отсутствие действенных процедур инспекции и физической ликвидации вооружений, а также сохраненная возможность оперативного «возвратного потенциала», создававшая асимметричные преимущества для Вашингтона.

Некоторую нормализацию отношений удалось достигнуть в эпоху «перезагрузки» при президентах Обаме и Медведеве, результатом которой стало подписание более детализированного Договора СНВ-3. Несмотря на этот прорыв, в ходе переговоров со всей очевидностью проявились глубинные, не устраненные противоречия. Центральной точкой напряжения стала проблема ПРО: российская сторона требовала юридически зафиксированной взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. США же, ограничившись лишь упоминанием этой связи в преамбуле документа, сохранили за собой полную свободу для развертывания своей системы противоракетной обороны.

В итоге Договор СНВ-3, безусловно, стал значительным шагом вперед по сравнению с ДСНП, установив более строгие лимиты и прозрачные механизмы контроля. Однако Москва справедливо указала на ряд заложенных в нем системных перекосов. Среди них — игнорирование ядерных арсеналов Великобритании и Франции, наличие лазеек в учете американских

стратегических бомбардировщиков, позволявших США негласно превышать установленные пороги, а также нарастающая угроза от разворачиваемой ПРО для сокращенного российского стратегического арсенала.

Процедура ратификации договора в США и России сопровождалась взаимными предварительными условиями и оговорками, которые де-факто легитимизировали состояние обоюдного недоверия. Американская сторона, обеспечивая ратификацию, параллельно давала гарантии о дальнейшем развитии своей ПРО. В ответ Россия в своем федеральном законе о ратификации прямо закрепила право на выход из Договора СНВ-3 в том случае, если разворачивание американской системы ПРО станет представлять угрозу для эффективности ее сил ядерного сдерживания.

Таким образом, динамика взаимодействия между Россией и США — ключевыми участниками переговорного процесса по разоружению — в сфере контроля над вооружениями на данном этапе демонстрирует отход от партнерской риторики к жесткому прагматизму. Даже успешное заключение столь комплексного соглашения, как СНВ-3, не смогло разрешить фундаментальных разногласий, вызванных односторонними действиями США в сфере ПРО и стратегическим дисбалансом. Это привело к двойственной оценке Договора в Москве: с одной стороны, он рассматривался как инструмент укрепления стабильности, а с другой — как вынужденная и прагматичная мера в условиях, когда реальная политика стала определяться не декларациями, а сухим расчетом военных потенциалов и готовностью к потенциальному витку гонки вооружений.

4. Динамика российско-американского взаимодействия в сфере контроля над вооружениями изначально носила волнообразный характер, где периоды согласованных действий неизбежно чередовались с этапами глубоких разногласий. В настоящий момент двусторонние отношения переживают один из таких кризисов. Однако современная фаза имеет качественные отличия, главным из которых является смещение эпицентра противоречий на постсоветскую территорию.

Активность Вашингтона в этом геополитическом пространстве планомерно усиливалась, начиная с событий почти двадцатилетней давности. В данный процесс включены поддержка смены политических режимов в 2003-2004 гг., интеграция армий ряда государств, образовавшихся после распада СССР, в программы военных учений альянса НАТО, а также пятидневная война в Закавказье в 2008 году. Знаковым рубежом стал украинский кризис 2013-2014 годов, приведший к кардинальной эскалации конфронтации с Москвой. Апогеем этой политики стала масштабная финансовая и военно-техническая помощь Киеву после начала Специальной военной операции.

Нарастающие сложности с выполнением Договора СНВ-3 демонстрируют системный сбой в механизмах двусторонних отношений. Данная ситуация наглядно иллюстрирует, что даже самые совершенные инструменты верификации утрачивают эффективность в условиях разрушения основ политического диалога и нарастания геополитической напряженности. Кризис в сфере взаимного контроля, влияние внешних дестабилизирующих сил и общая деградация отношений привели к тому, что единственное оставшееся соглашение, ограничивающее стратегические арсеналы двух ведущих ядерных держав, было заморожено.

Таким образом, возрождение системы контроля над вооружениями невозможно без кардинальных изменений не в технической, а в политической плоскости. Для этого необходим возобновленный стратегический диалог на принципиально новой основе. Перспективы сохранения стратегической стабильности в мире сегодня зависят от того, сумеют ли Россия и США выработать новые форматы взаимодействия, поскольку прежняя договорно-правовая система переживает фундаментальный кризис и более не соответствует текущим реалиям.

5. На протяжении указанного периода Российская Федерация подтверждала свою приверженность международно-правовому режиму, направленному на сдерживание гонки ядерных вооружений, который стал наследием эпохи двусторонних отношений между СССР и США. Показателем

этой последовательной линии стало заключение в 2002 году Договора о СНП, а также дальнейшие усилия по разработке и ратификации СНВ-3, который начал действовать с 2011 года. Эти шаги свидетельствовали о готовности Москвы сохранять конструктивный диалог, несмотря на растущую геополитическую напряженность.

Сравнительный анализ двух соглашений демонстрирует их существенные различия. Договор СНП, действовавший до 2011 года, носил скорее рамочный характер. Он фиксировал общий потолок для развернутых боеголовок в диапазоне 1700–2200 единиц, но не предусматривал надежных процедур верификации. Данный пробел позволял сторонам не ликвидировать излишки вооружений, а переводить их в состояние резерва. В свою очередь, Договор СНВ-3 ознаменовал качественно новый этап в области разоружения. Он установил строгие и поддающиеся контролю ограничения не только на количество боеголовок (1550 ед.), но и на носители (700 ед.) и пусковые установки (800 ед.). Важным элементом договора стал механизм взаимных инспекций на местах и регулярного обмена информацией.

В 2023 году российская сторона приняла решение не о денонсации Договора СНВ-3, а о приостановлении своего в нем участия. Данный маневр можно рассматривать как новый элемент в дипломатическом инструментарии государства. В обоснование своей позиции Москва указала на прямую вовлеченность Соединенных Штатов в украинский кризис, наличие западных ограничительных мер, которые создавали препятствия для проведения инспекций на американской территории, а также в целом на конфронтационную линию Вашингтона. Таким образом, формально оставаясь стороной соглашения, Россия прекратила его практическое исполнение, включая инспекционную деятельность, предоставление данных и работу совместных комиссий.

Важнейшим аспектом является наблюдаемая с течением времени трансформация подхода Москвы. Российская Федерация все более отчетливо ставит дальнейшее соблюдение договоров в сфере контроля над

вооружениями в прямую зависимость от общего характера взаимоотношений с западными странами. Эта тенденция начала проявляться еще в 2002 году, когда Россия ответила выходом из Договора СНВ-II на односторонний выход США из Договора по ПРО. В 2023 году приостановка участия в СНВ-3 была напрямую обусловлена требованием к американской стороне «пересмотреть свою деструктивную политику».

При этом, отказываясь от текущей реализации договора, Россия сохранила потенциал для его возобновления. Так, в 2025 году Президент В.В. Путин заявил о готовности в течение года после истечения срока действия СНВ-3 в феврале 2026-го придерживаться его лимитов, но только при условии ответного шага со стороны США. Эта позиция отражает двойственный подход: с одной стороны, стремление избежать правовых обязательств в условиях острой конфронтации, а с другой — понимание рисков нерегулируемой стратегической гонки и ценности поддержания хотя бы минимального уровня предсказуемости.

6. Расторжение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) ознаменовало собой критический рубеж в сфере международной безопасности, обнажив структурные кризисы в системе контроля над вооружениями. Коллапс этого соглашения не был спонтанным актом, а явился логическим итогом длительного накопления системных противоречий между сторонами.

Политико-дипломатический кризис вокруг Договора приобрел открытую форму с 2013 года, когда американская сторона заявила о разработке Российской Федерацией крылатой ракеты 9M729 (SSC-8). По оценкам США, ее дальность полета выходила за установленные лимиты в 500 километров, что трактовалось как прямое нарушение положений ДРСМД. Несмотря на попытки Вашингтона урегулировать инцидент дипломатическими каналами, в Кремле, по мнению американцев, не проявили готовности к прозрачному диалогу и предприняли шаги по сокрытию характеристик ракеты.

Москва, в свою очередь, категорически отвергла выдвинутые обвинения и сформулировала встречный перечень претензий, ключевыми из которых стали:

- размещение США на территории Европы (в Румынии и Польше) наземных пусковых установок «Aegis Ashore» в рамках системы ПРО. Российская сторона настаивала, что эти инфраструктурные объекты обладают потенциалом для применения ударных крылатых ракет «Томагавк», что подрывает не только дух, но и букву достигнутых ранее договоренностей;

- использование Соединенными Штатами при испытаниях ракет-мишеней, чьи тактико-технические параметры соответствуют запрещенным классам вооружений;

- дисбаланс, вызванный деятельностью держав, не являющихся сторонами Договора, в первую очередь Китая, который активно наращивает свой арсенал ракет средней дальности, создавая для России стратегически невыгодную ситуацию.

Фундаментальной проблемой ДРСМД являлась его ограниченность как двустороннего советско-американского акта. К моменту его прекращения документ уже не отвечал реалиям многополярного мира, не накладывая ограничений на стремительно растущие ракетные потенциалы третьих стран. Этот аргумент стал центральным в позиции Вашингтона: США не хотели оставаться связанными по рукам и ногам договором, в то время как другие игроки, такие как Китай, свободно развертывали тысячи аналогичных ракет.

Кроме того, появление новых видов угроз, включая гиперзвуковое оружие и иные передовые технологии, не регламентированные положениями ДРСМД, окончательно указывало на его устаревание. Крайне негативный фон создало обострение отношений после 2014 года, взаимные санкции и обвинения в гибридной войне, которые полностью уничтожили тот уровень доверия, который является необходимым условием для функционирования системы верификации и контроля над вооружениями.

Прекращение действия ДРСМД имело далеко идущие системные последствия для глобальной стабильности. Договор был краеугольным камнем в системе соглашений, завершивших Холодную войну. Его крах поставил под сомнение жизнеспособность других ключевых документов, в первую очередь ДСНВ-III, который остается последним действующим крупным договором между Вашингтоном и Москвой. Возникла реальная перспектива возобновления размещения в Европе американских и российских ракет средней дальности. Это возвращает континент к крайне опасной ситуации 1980-х годов, когда время на принятие решения об ответном ударе сокращалось до минут, многократно повышая риски случайной или основанной на ложном срабатывании системы эскалации до полномасштабного конфликта. США получили юридическую возможность разворачивать подобные ракеты для сдерживания Китая, что провоцирует новую региональную гонку вооружений с участием США, КНР и их союзников. Ракеты меньшей и средней дальности, классифицируемые как нестратегические, часто рассматриваются в контексте ограниченных конфликтов. Однако их потенциальное оснащение ядерными боезарядами (как это было в период Холодной войны) размывает критически важный порог. Противник, подвергшийся атаке такой ракетой, может оказаться не в состоянии оперативно определить тип ее оснащения, что катастрофически увеличивает вероятность эскалации до полномасштабной ядерной войны.

Денонсация ДРСМД стала наглядным свидетельством неспособности ведущих мировых держав адаптировать устаревшие механизмы контроля над вооружениями к вызовам новой, многополярной эпохи. Это создало крайне опасный прецедент, при котором другие страны могут начать в одностороннем порядке выходить из международных договоренностей, апеллируя к «национальным интересам». Таким образом, прекращение действия Договора стало одновременно и симптомом глубокого системного кризиса в отношениях между ядерными державами, и его катализатором. Мир вступил в

качественно новую, более опасную и непредсказуемую фазу, где прежние правила утратили силу, а новые — еще не созданы.

7. Односторонний выход Соединенных Штатов из Договора по противоракетной обороне (ПРО) в 2002 году, ознаменовавший демонтаж ключевого соглашения в этой области, предопределил кардинальный пересмотр Россией подходов к обеспечению своей национальной безопасности. Ответные меры Москвы были сфокусированы на интенсивной разработке перспективных видов стратегических вооружений, призванных гарантированно нейтрализовать любую существующую и перспективную систему ПРО. Как подчеркивал Президент РФ Владимир Путин в 2018 году, именно эти действия Вашингтона вынудили Россию активизировать создание передовых образцов военной техники. Ключевым достижением на этом пути стало появление ракетного комплекса РС-28 «Сармат» — тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты, занимающей центральное место в арсенале средств преодоления эшелонированной противоракетной обороны.

Параллельно с созданием ударных потенциалов Москва проводит линию на укрепление коалиционной обороны, формируя объединенные региональные системы ПРО/ПВО вместе с партнерами по СНГ и ОДКБ. В этот процесс вовлечены такие государства, как Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Регулярные совместные учения позволяют отрабатывать применение объединенных сил противовоздушной обороны. Создание аналогичных систем, в частности с Таджикистаном, рассматривается аналитиками как механизм повышения надежности охраны внешних рубежей и формирования «буферной зоны», прикрывающей подступы к российской территории, что особенно актуально в контексте нестабильности, исходящей из Афганистана.

Вопросы противоракетной обороны неразрывно связаны с другими аспектами контроля над вооружениями. В 2014 году Вашингтон впервые публично обвинил Москву в нарушении Договора о РСМД (1987 г.), ссылаясь

на испытания новой крылатой ракеты. Российская сторона, в свою очередь, указывала на устаревание и дискриминационный характер данного соглашения, поскольку его ограничительные рамки распространялись лишь на две державы, в то время как ряд других стран активно развивает аналогичные вооружения. Эта полемика и взаимные претензии способствовали углублению кризиса доверия, в условиях которого проблема ПРО приобрела особую остроту.

Российская позиция по ПРО является составным элементом общей стратегии национальной безопасности, нацеленной на безусловное сохранение стратегического паритета. В ситуации, когда диалог с США и НАТО по этим вопросам фактически заблокирован, Москва избрала курс на развитие высокоэффективных ударных систем, способных преодолевать любую ПРО, и наращивание собственных оборонительных возможностей в кооперации с союзными государствами.

В 2019 году Россия в ответ на действия США инициировала прекращение действия ДРСМД. В качестве обоснования Москва ссылалась на нарушение Вашингтоном договорных обязательств, выразившееся в развертывании в Румынии и Польше системы «Иджис Эшор» с универсальными пусковыми установками Mk 41, которые потенциально могут использоваться для запуска ударных крылатых ракет. Кроме того, подчеркивалась неадекватность двустороннего формата договора в условиях, когда целый ряд стран, не связанных его ограничениями (в первую очередь Китай), активно наращивает арсеналы ракет средней и меньшей дальности.

Денонсация ДРСМД стала символическим финалом эпохи договорного контроля над вооружениями и переходом к доминированию стратегии эскалации. На смену правовым режимам пришло открытое технологическое соперничество, в рамках которого Россия, сделавшая ставку на развертывание гиперзвуковых комплексов, сумела сохранить статус стратегического баланса с Соединенными Штатами.

На протяжении всего периода 2000-2024 гг. Москва последовательно расценивала создаваемую США глобальную систему ПРО как прямую угрозу своей способности к сдерживанию. С точки зрения российского руководства, даже ограниченные элементы американской ПРО подрывают стратегическую стабильность, поскольку теоретически могут нивелировать эффективность ответного удара. Это, в свою очередь, создавало бы для Вашингтона соблазн нанесения обезоруживающего первого удара, что дестабилизирует всю архитектуру международной безопасности.

Таким образом, проблема ПРО стала одним из ключевых факторов, препятствующих дальнейшему прогрессу в области разоружения. Угроза со стороны американской противоракетной обороны вынуждала Россию не только поддерживать и модернизировать свой ядерный потенциал, но и отказываться от участия в договорах, которые в новых условиях более не гарантировали ее безопасность.

В противовес американским программам ПРО Россия избрала стратегию достижения качественного технологического превосходства. Результатом этого курса стало создание и принятие на вооружение инновационных систем, таких как гиперзвуковые комплексы «Авангард» и «Кинжал». Эти средства позиционируются как обеспечивающие гарантированное поражение целей, преодолевая любые существующие и перспективные рубежи ПРО, и представляют собой асимметричный ответ на возникающие вызовы.

Итоговая трансформация российской внешней политики в 2000-2024 гг. характеризуется следующими фундаментальными тенденциями:

- от кооперации к конфронтации: произошел переход от партнерского взаимодействия с Западом в сфере контроля над вооружениями к силовой конфронтации, где передовые виды вооружений рассматриваются в качестве основного инструмента обеспечения безопасности и оказания дипломатического давления;
- доминанта стратегического паритета: сформулирована готовность к одностороннему выходу из любых международных договоров, которые, по

оценкам Москвы, подрывают стратегическую стабильность и наносят ущерб обороноспособности страны;

- доктринальная эволюция: ядерное оружие и новейшие ракетные системы в официальной риторике стали трактоваться не только как средство сдерживания глобального конфликта, но и как фактор сдерживания и деэскалации крупномасштабных конфликтов с применением обычных вооружений.

Список источников и литературы

1. Источники

1.1. Архивные документы

1. АВП РФ. Ф.84. Оп.3. П.6. Д.17.

1.2. Концептуальные документы и документы стратегического планирования

2. Выступление Генерального секретаря НАТО Андерса Фога Расмуссена на пресс-конференции, состоявшейся по окончании заседания Совета Россия–НАТО в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_107743.htm?selectedLocale=ru (дата обращения 13.06.2025)
3. Военная доктрина Российской Федерации. 2000 г. URL: <http://www.special.kremlin.ru/acts/bank/15386> (дата обращения 15.04.2025)
4. Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения 15.04.2025)
5. Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. URL: http://newskremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения 15.09.2024)
6. Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы. М, 1987. С. 32.
7. Заявление МИД России. 05.02.2018. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1562499/ (дата обращения: 15.09.2023)
8. Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1855184/ (дата обращения: 15.09.2023)

9. Заявление Российской Федерации относительно противоракетной обороны. 8 апреля 2010 года. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
10. Интервью президента России Д.Медведева американской газете «Уолл-стрит Джорнэл». 18.06.2010. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)
11. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с докладом США о соблюдении соглашений и обязательств в области контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения (КВРН). URL: http://www.mid.ru/ru/situacia-vokrug-dogovora-o-rsmd/-/asset_publisher/ckorjLVikS61/content/id/3633105#2 (дата обращения 01.09.2025)
12. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/> (дата обращения 01.09.2024)
13. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 15.07.2025)
14. Концепция внешней политики России 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения 15.04.2025)
15. Концепция внешней политики РФ. Москва. 28 июня 2000 года. // Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. / Под ред. Богатурова А.Д. Т.4. Документы. 1945-2003. / Сост. Е.Г.Капустян и др. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. С.536-550.

16. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 г.
[URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/](https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/) (дата обращения 05.05.2023)
17. Медведев Д.А. Россия, вперед! 10.09.2009. URL:
<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2024)
18. Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355. URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (дата обращения 15.04.2025)
19. Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 г. N 991. URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1434131/ (дата обращения 01.04.2025)
20. Ответ официального представителя МИД России М.В.Захаровой на вопрос СМИ в связи с японо-американскими военными учениями Resolute Dragon 25. 29.08.2025. URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2044016/ (дата обращения 01.09.2025)
21. О российско-американском Договоре о СНВ и ситуации, приведшей к решению о приостановлении его действия. URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voennno_strategicheskie_problemy/1413415/ (дата обращения: 15.09.2023)
22. О суммарных количествах стратегических наступательных вооружений России и США в соответствии с Договором о СНВ. URL:
https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/voennno_strategicheskie_problemy/1833766/ (дата обращения: 30.09.2023)
23. Послание президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. Москва. 2002 г. // Дипломатический вестник. 2002. № 6. С. 3.

- 24.Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (дата обращения 15.04.2025)
- 25.Послание Президента Российской Федерации от 15.01.2020 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (дата обращения 15.04.2025)
- 26.Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения 15.04.2025)
- 27.Послание Президента Российской Федерации от 21.04.2021 г. б/н (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения 15.04.2025)
- 28.Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н (Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию Российской Федерации). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431> (дата обращения 15.04.2025)
- 29.Послание президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. Москва. 16 мая 2003г. // СИМО. Т.4. С.570-578.
- 30.Послание президента РФ Д.А.Медведева Федеральному собранию. 05.11.2008. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2024)
- 31.Послание президента РФ Д.А.Медведева Федеральному собранию. 12.11. 2009. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2023)

- 32.Послания главам государств – членов Совета Россия–НАТО. 14 мая 2011. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
- 33.Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. //Независимая газета. 30.12.1999.
- 34.Речь президента В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 21.10.2023)
- 35.Речь Р.Рейгана на обеде в Белом доме в честь Горбачева // Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева в США. 7-10 декабря 1987 г. Документы и материалы.
- 36.Статья Постоянного представителя России при НАТО Д.О.Рогозина «ПРО как общее дело». URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения 26.10.2021)
- 37.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2015 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения 15.04.2025)
- 38.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277/page/1> (дата обращения 15.05.2023)
- 39.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения 15.04.2025)
- 40.Строя российско-американские отношения. Статья Дмитрия Медведева опубликована в газете «Вашингтон пост». 31 марта 2009 года. URL:<http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
- 41.President Biden Statement Ahead of the 10th Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. URL:

- <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/08/01/president-biden-statement-ahead-of-the-10th-review-conference-of-the-treaty-on-the-non-proliferation-of-nuclear-weapons/> (дата обращения 04.10.2023)
42. Rice C. «Promoting the National Security». // Foreign Affairs, January/February, 2000.
43. Speech of the president the USA Bush before students and teachers of National defensive university. URL: <http://www.strana.ru/worldwide/press/2001/05/03/988908309/html> (дата обращения 08.08.2021)
44. Bush G. W. remarks on national security, Washington, D.C., May 24 2000. URL: <http://www.whitehours.ru> (дата обращения 08.08.2021)
45. National Security Strategy. 2023. Available from: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения 04.12.2023)

1.3. Документы двусторонних встреч и договоры по разоружению

46. Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. / СИМО. Т.4. С.564-565.
47. Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3). 8 апреля 2010 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
48. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 1987 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1751591/ (дата обращения: 15.09.2024).

49. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по окончании встречи с Президентом Соединённых Штатов Америки Джорджем Бушем. 7 июля 2008 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021).
50. Совместная пресс-конференция президента Российской Федерации В.В. Путина и президента США Дж. Буша. 16.06.2001. URL: http://president.kremlin.ru/appears/2001/06/16/0000_type63380_28562.shtml (дата обращения: 10.10.2021).
51. Совместная пресс-конференция с Президентом Соединённых Штатов Америки Бараком Обамой по итогам российско-американских переговоров 8 апреля 2010 г. Прага. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021).
52. Совместное заявление президентов Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки о стратегической стабильности 24 июня 2010 года. Вашингтон. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021).
53. Совместное заявление Президента РФ В.В.Путина и Президента США Дж.Буша о новых отношениях между Россией и США. 13 ноября 2001 года. / СИМО. Т.4. С.562-563.
54. Совместное заявление Президента РФ Д.А.Медведева и Президента США Б.Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений. 1 апреля 2009 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2022).
55. Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева и Президента Соединённых Штатов Америки Б.Обамы о сотрудничестве в ядерной сфере. 6 июля 2009. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021).
56. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединённых Штатов Америки в связи с завершением срока действия Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных

- вооружений. 4 декабря 2009 года. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021).
57. Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. Москва. 06.07.2009. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2021).
58. Справка Государственно-правового управления к Федеральному закону «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений». 28 января 2011 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2015)

2. Литература

59. Алимов Т. Пентагон сделал ставку на космическое и высокоточное оружие. URL: <https://rg.ru/2014/12/10/project-site-anons.html> (дата обращения: 25.04.2025)
60. Арбатов А.Г. Несущая конструкция глобальной безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №7. С.5-24.
61. Базаркина Д.Ю., Пашенцев Е.Н., Михалевич Е.А. Регулирование рисков, связанных со злонамеренным использованием искусственного интеллекта в США, ЕС и Китае // Современная Европа. 2024. № 6 (127). С. 156-167.
62. Голотюк Ю. Ломать – не строить // Время Новостей, 22.05.2001.
63. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.). М.: Автор, 1996. С. 674-675.

- 64.Егоров В.Г., Штоль В.В. Внешнеполитическая стратегия стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка // Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 73-90.
- 65.Епифанова Т.В. Понятие интеграции в Стратегии национальной безопасности Дж.Байдена // Межгосударственное сотрудничество и интеграционные процессы в Латинской Америке и на Северо-Американском континенте: материалы круглого стола. Москва, 2024. С. 18-24.
- 66.Закаурцева Т.А., Неймарк М.А., Миргородский Д.С. Еще один взгляд на французский ядерный арсенал: вчера-сегодня-завтра // Человеческий капитал. 2020. № 11 (143). С. 55-66.
- 67.Замахина Т., Мисливская Г. Россия продлила действие Договора СНВ-3 до 2026 года. URL: <https://rg.ru/2021/01/27/rossiia-prodlila-dejstvie-dogovora-snv-3-do-2026-goda.html>
- 68.Как США собираются создать крупнейшую в мире систему ПРО. Вашингтон объявил о запуске проекта «Золотой купол». URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/05/2025/683974e49a794732c97f6238> (дата обращения: 15.08.2025)
- 69.Карпович О.Г., Добровольский В.Н. Современный мир: проверка на прочность // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 1 (43). С. 151-164.
- 70.Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Новые цифровые военные технологии Запада на Украине против России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2024. № 3 (41). С. 6-21.
- 71.Каширина Т.В. Политико-правовые основы стратегического планирования Российской Федерации в сфере ядерного оружия // Международная жизнь. 2024. № 11. С. 84-91.
- 72.Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения и стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах: монография. Воронеж: Научная книга, 2013.

- 73.«Кнопка перезагрузки» или «красная кнопка»? URL: http://www.inopressa.ru?article/02/jun2011/washtimes/reset_pro.html (дата обращения: 20.07.2021)
- 74.Коренев Е. «Осажденная крепость» с открытыми воротами. Новая Стратегия национальной безопасности РФ. 4 августа 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/-osazhdennaya-krepost-s-otkrytymi-vorotami-novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rf/> (дата обращения: 25.04.2025)
- 75.Курылев К. П. Советская внешняя политика 1960-1980-х годов: эклектичность и противоречивость // Свободная мысль. 2024. № 2 (1704). С. 161-176.
- 76.Лебедев М.А. Основные противоречия в российско-американских отношениях в период «Перезагрузки» // Власть. 2012. №7. С.144-146.
- 77.Леонид Ивашов: Нынешний договор СНВ-3 погубит Россию. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/23062> (дата обращения: 09.09.2022)
- 78.Лобанов Р.О. Создание США национальной системы противоракетной обороны как угроза безопасности России (конец XX – начало XXI века) // Проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран: сб. научных трудов, вып. 9. М., 2011. С.51-52.
- 79.Матвеев О.В., Штоль М.В. Советский опыт обеспечения безопасности в Арктике // Обозреватель. 2023. № 1 (396). С. 101-114.
- 80.Мизин В.И., Сергеев В.М. Современные концепции стратегической стабильности // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 150-166.
- 81.«Оба сценария предполагают определенную цену и сопряжены с рисками». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5181967> (дата обращения: 05.07.2025)
- 82.Одибоев К.М. Отличительные особенности «Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»

- 2024 года. URL: <https://pircenter.org/editions/33989-russian-state-policy-on-nuclear-deterrence/> (дата обращения: 15.04.2025)
- 83.Одиоколенко О. Ждите ответа. Асимметричного // Сегодня, 23 мая 2000.
- 84.Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях : История, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия / В.А. Орлов, Р.М. Тимербаев, А.В. Хлопков. М.: ПИР-Центр полит. исслед., 2001. — 327 с.
- 85.Понамарев С.В. Политика США по «обнулению» договорной системы контроля над стратегическими вооружениями // АПЕ. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-po-obnuleniyu-dogovornoj-sistemy-kontrolya-nad-strategicheskimi-vooruzheniyami> (дата обращения: 26.09.2025)
- 86.Российская газета. 25.04.2000.
- 87.Российская газета – Федеральный выпуск. 2007. 13 окт.
- 88.Российско-американские отношения в области сокращения ядерных вооружений: современное состояние и перспективы / Под ред. А.С.Дьякова. Долгопрудный: Изд-во ЦПИ МФТИ, 2001.
- 89.Рудницкий А.Ю. Историческая политика в контексте национальной и международной безопасности // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Материалы XIX всероссийской научной конференции с международным участием: сборник статей. Москва, 2025. С. 299-306.
- 90.Севостьянов П.И., Мизин В.И. Контроль над ядерным оружием, климатические изменения и киберугрозы: три проблемы или одна? // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 24-36.
- 91.Серова Н. Америка напрашивается на «злого следователя». URL: <http://www.utro.ru/articles/2010/12/16/944221.shtml> (дата обращения: 15.09.2022)
- 92.Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / А.В. Торкунов и др.; отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004.

- 93.Соков Н.Н. Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки // Ядерный Контроль. 1997. №26. С.5.
- 94.Сысоев И. С какими сложностями столкнутся США при создании революционной системы ПРО "Золотой купол". 21.05.2025. URL: <https://rg.ru/2025/05/21/pod-nebom-golubym-est-kupol-zolotoj.html> (дата обращения: 15.08.2025)
- 95.Федякина А. Конгресс США притормозил выполнение договора о СНВ-3 // Российская газета. 12.05.2011.
- 96.Воробьев С.В. Влияние ядерного фактора на кризисное состояние современной системы международных отношений // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности: Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 125-129.
- 97.Щелоков А. Конец ДРСМД: Россия отменила мораторий на развертывание ракет средней и меньшей дальности. URL: <https://www.mn.ru/smart/konecz-drsmd-rossiya-otmenila-moratorij-na-razvertyvanie-raket-srednej-i-menshej-dalnosti> (дата обращения: 01.09.2025)
- 98.Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011, 511 с.
- 99.Зверева Т.В., Закаурцева Т.А. Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 1 (27). С. 51-68.
100. Alexis Jonas E. Screwed: The US is not ready for a new nuclear arms race (with Russia). America cannot produce nuclear warheads. URL: <https://www.vtforeignpolicy.com/2023/02/screwed-the-us-is-not-ready-for-a-new-nuclear-arms-race-with-russia/> (дата обращения: 04.10.2023)

101. Clover Charles. Western bid to allay Russia's missile concerns. URL: <http://www.ft.com/cms> (дата обращения: 05.07.2022)
102. Gutterman Steve. Russia sets out liners as arms pact takes effect. URL: <http://www.reuters.com> (дата обращения: 07.02.2021)
103. Parker Claire. What is New START and why is Russia 'suspending' its role in the treaty? URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2023/02/21/what-is-new-start-treaty/> (дата обращения: 04.10.2023)
104. Rofer Cheryl. Plutonium Pits Are a Critical Obstacle in U.S. Nuclear Plans Modernization programs need to be realistic—and may be unnecessary. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/09/plutonium-pits-nuclear-plans-policy/> (дата обращения: 04.10.2023)
105. Rozen James. Medvedev has made the amazing statement about Antimissile defense the USA. URL: <http://foxnews.com> May, 27, 2011 (дата обращения: 15.09.2021)
106. Stephen Philip. Obama grasps the nuclear nettle // The Financial Times. 27.03.2009. URL: <http://search.ft.com> (дата обращения: 05.09.2022)
107. The Washington Post. December, 23. 2010.
108. The Washington Post. July, 22 2011.
109. US President Biden announced his readiness to discuss with Russia the replacement of the START-3 treaty. URL: <https://pledgetimes.com/us-president-biden-announced-his-readiness-to-discuss-with-russia-the-replacement-of-the-start-3-treaty/> (дата обращения: 04.10.2023)

3.Материалы официальных и информационно-аналитических интернет-сайтов

110. В военную доктрину России внесли положение о неядерном сдерживании.
URL:<https://www.rbc.ru/politics/13/12/2014/548bf2c22ae59653833655c9>
(дата обращения 15.04.2025)

111. Владимир Путин утвердил основы госполитики России в области ядерного сдерживания. 12 декабря 2024.** URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/vladimir-putin-utverdil-osnovy-gospolitiki-rossii-v-oblasti-yadernogo-sderzhivaniya-46542.shtml> (дата обращения 15.04.2025)
112. Встреча с представителями Совета по международным отношениям. 16 ноября 2008 года. Вашингтон. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)
113. Встреча с Президентом Соединённых Штатов Америки Джорджем Бушем. 7 июля 2008 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
114. Дальность «Калибра» наземного базирования составит 2,6 тыс. км. URL: <https://topwar.ru/153521-dalnost-kalibra-nazemnogo-bazirovaniya-sostavit-26-km.html> (дата обращения 08.08.2025)
115. Дмитрий Медведев предложил созвать общеевропейский саммит для запуска разработки нового договора о европейской безопасности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/322> (дата обращения 05.05.2023)
116. Договор СНВ-3 и двойные стандарты США. Центр зарубежной военной информации и коммуникаций Восточного военного округа РФ. URL: <http://artinfo.ru/commentary/commentary.html> (дата обращения 09.09.2022)
117. За 2014 год боевые возможности российской армии возросли в 1.3 раза. URL: <https://topwar.ru/65860-za-2014-god-boevye-vozmozhnosti-rossiyskoj-armii-vozrosli-v-13-raza.html> (дата обращения 15.07.2025)
118. Заседание Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию. 25 сентября 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75182> (дата обращения 15.05.2025)

119. Информационные материалы: О законе США "О национальной противоракетной обороне".25.07.1999. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1719022 (дата обращения 15.09.2023)
120. Минобороны РФ призвало США уничтожить ракеты по ДРСМД. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3875880> (дата обращения 08.08.2025)
121. На повестке дня договор СНВ-3. URL: Дьяков А.С., Подвиг П.Л. - сотрудники Центра по изучению проблем разоружения. 2000-05-26. http://nvo.ng.ru/concepts/2000-05-26/4_snv3.html (дата обращения 20.11.2021)
122. Начало встречи с членами независимой консультативной комиссии по изучению политики США в отношении России. 10 марта 2009 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
123. О подписании Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений: Распоряжение. 7 апреля 2010 г. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
124. Переговоры с президентом США Б.Обамой. Москва. 06.07.2009. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2021)
125. Подписан закон о ратификации российско-американского договора о СНВ. 28 января 2011 года. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2022)
126. Представители США и НАТО не пришли на брифинг Минобороны России по ракете 9М729. URL: <https://tass.ru/politika/6030677> (дата обращения 08.08.2025)

127. Ракеты в свободном полете. Россия вслед за США выходит из договора о РСМД. 04.02.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3873393> (дата обращения 08.08.2025)
128. РИА «Новости». URL: <http://www.voanews.com/russian/news/Russia-EuroPRO-2011-09-20-130205183.html?gclid=CPemosT7rasCFUXxzAod2WbjKA> (дата обращения 12.09.2015)
129. Российско-американские отношения (справочная информация). URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения 21.10.2021)
130. Россия отказалась от обязательств по ракетам средней и малой дальности. URL: <https://www.rbc.ru/politics/04/08/2025/6890dee79a79474aad308e4e> (дата обращения 01.09.2025)
131. Россия не видит возможности начать результативный диалог с США по ядерному нераспространению. 22.10.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1054072> (дата обращения 22.10.2025)
132. СНВ-сайт. URL: <http://armscontrol.ru> (дата обращения 11.12.2024)
133. Театр ракетных действий. Минобороны РФ раскрыло характеристики «изделия 9М729», попавшего под обвинения США. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3861425> (дата обращения 08.08.2025)
134. Что означает российское предложение о добровольном соблюдении ДСНВ. Россия готова соблюдать договор минимум до 5 февраля 2027 года, но при одном условии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2025/68d1574b9a79476d26dfe1e6> (дата обращения: 15.09.2025)
135. Что означает российское предложение о добровольном соблюдении ДСНВ. Россия готова соблюдать договор минимум до 5 февраля 2027 года, но при одном условии. URL:

- <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2025/68d1574b9a79476d26dfe1e6> (дата обращения 15.10.2025)
136. Что такое ядерная доктрина России и что в ней записано сейчас.
URL: <https://www.rbc.ru/base/19/11/2024/673c66da9a79475d63653a3c>
(дата обращения 15.04.2025)
137. Шойгу: план подготовки Вооруженных сил РФ на 2014 год полностью реализован. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/1613499> (дата обращения 25.08.2025)
138. Le Figaro. URL: <http://lefigaro.fr/international/2011/07/06> (дата обращения: 05.07.2021)
139. Le Monde. URL: <http://lemonde.fr/vous/article/2007/06/29> (дата обращения: 15.09.2021)
140. Sanger, D.E. Biden Approved Secret Nuclear Strategy Refocusing on Chinese Threat. URL: <https://www.nytimes.com/2024/08/20/us/politics/biden-nuclear-china-russia.html> (дата обращения 15.04.2025)
141. Suspension of START-3 Treaty Is Russia's 'Annoying And Irresponsible' Decision. URL: <https://www.easternherald.com/2023/02/23/suspension-of-start-3-treaty-is-russias-annoying-and-irresponsible-decision/> (дата обращения 04.10.2023)
142. United States nuclear forces, 2020. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00963402.2019.1701286>
(дата обращения 04.10.2023)